

Александр Филичкин

Рассказы, изданные
на бумаге.

ВОИНА

книга 2

2016 - 2021 год

Александр Тимофеевич Филичкин
Рассказы, изданные на
бумаге. Война. Книга 2
Серия «Рассказы, изданные
на бумаге», книга 6

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69596323
SelfPub; 2023*

Аннотация

В данную книгу вошли военные повести и рассказы, напечатанные в «бумажных» российских и зарубежных журналах и в тематических сборниках, выпущенных издательствами нашей страны.

Содержание

Предисловие автора	5
Водитель полуторки	7
Зенитчик часть 1	15
Каспий	16
Астрахань	27
Приближение к фронту	35
Верхняя Ахтуба	51
Переправа через Волгу	71
Сталинград	99
Зенитчик часть 2	119
Зенитная батарея	120
Оборона сборочного цеха	139
Вторая атака	150
Краткая передышка	182
Очередные налёты	191
Эвакуация в тыл	204
Бой на горной дороге	228
Мина-лягушка	238
Из огня да в полымя	243
Концлагерь в крымской степи	244
Этапирование в Германию	267
Английские бомбардировки	294
Польский хутор	318

Военный строитель

329

Сталинградский паромщик

336

Александр Филичкин

Рассказы, изданные на бумаге. Война. Книга 2

Предисловие автора

Почти все рассказы о войне были мною написаны в течение 2013 – 2014 года. Закончив работу, я отправлял мои сочинения в редакции разных журналов и на литературные конкурсы.

К этому времени, «бумажных носителей» в нашей стране становилось всё меньше и меньше. Очередь «на печать» росла всё быстрее и быстрее. Тогда она достигала двух, трёх и более лет.

Переделав рассказы в романы, я рассылал их по книжным издательствам. Вот так и случилось, что книги «Разведчик, штрафник, смертник. Солдат Великой Отечественной», «Пылающий 42-й. От Демянска до Сталинграда» и «На подступах к Сталинграду» были представлены публике раньше, чем их отдельные части.

Нужно добавить, что редакторы журналов России тогда не платили никаких гонораров и не присылали сочинителям

ни одного экземпляра. Мало того, они не считали нужным, сообщать, что твои творения увидели свет. Благодаря чему, некоторые рассказы, почти одновременно, вышли в разных местах.

Об этом я, большей частью, узнавал совершенно случайно. Наверняка, кое-что пропустил. Ведь не все журналы удалось найти в интернете. К тому же, почти все издания тихо закрылись, а их архивы исчезли неизвестно куда.

Водитель полуторки

Военная проза. Рассказ «Водитель полуторки»

вошёл в роман «Разведчик, штрафник, смертник. Солдат Великой Отечественной» выпущенный издательством ЭКС-МО в июле 2015г.

Кроме того, рассказ вошёл в сборник «Бессмертный полк 2017» издательство АСТ. стр. 175...179

Кроме того, рассказ издан повторно в альманахе «Параллели» 2020/7 стр. 235...237

Мой дедушка по линии мамы, Соболев Фёдор Терентьевич родился шестого июля 1912 года. Произошло это на южной окраине СССР, в селе Новоголовка Астрахан-Базарского района Азербайджанской Советской Социалистической Республики.

В восемнадцать лет он женился на моей бабушке, Робушевой Евдокии Николаевне. Оба работали в крупном колхозе. Он был механизатором, она в полеводческой бригаде. Они рожали и растили детей. К 1938 году у них уже был сын и три дочери, мал мала меньше.

В 1939 году началась война с соседней Финляндией. Спу-

стя несколько месяцев, в Азербайджане объявили мобилизацию. Дедушку призвали в Рабоче-Крестьянскую Красную армию. Вместе с другими солдатами, его погрузили в теплушку и повезли к западным рубежам великой страны.

Прибыв на фронт, Фёдор Терентьевич стал водителем автомобиля «ГАЗ-АА» и принялся за трудную, неблагодарную работу. Изодня в день, он крутил баранку машины и усердно обслуживал потребности ненасытного молоха «зимней войны». Он вёз на передовую десятки молодых и здоровых людей, а возвращал назад горстку калек, обильно истекающих кровью.

Согласно техпаспорту, бортовой грузовик мог возить 1500 килограммов различного груза. Благодаря чему, его звали «полуторкой». Правда, никто не смотрел в те годы в инструкцию. В кузов совали столько всего, сколько в него могло поместиться. Иногда общий вес доходил до двух и более тонн. Причём, большую часть этих тяжестей приходилось ворочать водителям.

22 июня 1941 года, гитлеровская Германия напала на нашу страну. Так мой дедушка, не заезжая домой, попал с одной войны на другую. В первый период баталий, фашистские лётчики безраздельно владели всем небом. Они нападали на всё, что движется в воздухе и на земле. Но больше всех, досаждали солдатам бомбардировщики «Ju 87».

У тех пикировщиков не убирались посадочные стойки шасси, что делало их похожими на тощие ноги, обутые в

огромные боты. Поэтому, боевые машины прозвали «лап-тёжниками».

К сожалению советских бойцов, нелестное прозвище не уменьшало опасность, исходящую с неба. Заметив автомобиль или пешую колонну солдат, «юнкерсы» камнем летели к земле. Они включали сирену и с оглушительным воем швыряли на цель пятидесятикилограммовую бомбу.

Во время жестоких боёв мой дедушка часто оказывался под ураганным огнём и под бомбёжкой. Несколько раз его сильно ранило или контузило. Однако, дедушке очень везло. Всё обходилось без крупных увечий. Он быстро приходил в хорошую форму, и вновь возвращался на фронт.

Однажды, Фёдор Терентьевич и вовсе попал в такой переплёт, из которого было почти невозможно выйти живым. Он приехал на батарею артиллерийских орудий и привёз боеприпасы. Ящики быстро сгрузили, а на их место уложили нескольких раненых красноармейцев. Рядом с шофёром, посадили пушкаря-лейтенанта, которого недавно контузило.

Дедушка уселся за руль, повёл машину назад, и тут начался мощный обстрел. Один из снарядов попал точно в кузов «полуторки». Фугас взорвался с ужасающей силой и разнёс на куски грузовую платформу.

Из облака дыма и пламени вылетела кабина машины с уцелевшим передним мостом. Она проехала несколько метров на пробитых колёсах, и скатилась в большую воронку.

Рядом с ней упал другой крупный снаряд. Вал взрыхлённой земли поднялся в воздух и засыпал яму, так ровно, будто её никогда там и не было.

К счастью, артиллеристы увидели, что случилось с несчастной машиной. Едва прекратился обстрел, солдаты выбрались из соседних окопов и поползли откапывать кабину «полуторки».

Скоро из земли вытащили контуженного лейтенанта. Всё его тело оказалось избито осколками, а сидевшего рядом водителя лишь оглушило. Через пару минут, офицер тихо умер. Дедушка вернулся в сознание, но с тех пор, стал иногда заикаться.

Однажды Фёдор Терентьевич снова поехал на передовую позицию. Он отвёз туда отделение солдат, оружие и провизию, взял раненых и стрелою помчался назад. В это время, фашисты начали наступление по всей линии фронта, прорвали оборону советских дивизий и окружили часть наших сил.

«Полуторка» дедушки оказалась на пути продвижения вражеских войск. Её тотчас заметили и обстреляли немецкие танки. Снаряд упал рядом с машиной. Она загорелась, но Фёдор Терентьевич успел выскочить из тесной кабины и прыгнул в глубокий овраг.

Оказавшись в низине, он подождал, пока немцы уйдут дальше вперёд, примкнул к какой-то воинской части и вме-

сте с солдатами стал пробиваться к своим. Скоро красноармейцы, вырвались из очередного «котла». Их встретили «особисты» в синих фуражках и обвинили, в оставлении позиции без приказа начальства. Всех поголовно обозвали самыми последними трусами и приговорили к отправке в «штрафной батальон».

Так уж случилось, что мимо колонны «предателей» проезжал полковник медслужбы, хорошо знавший Фёдора. Каким-то неведомым чудом, офицер узнал молодого водителя в толпе грязных и оборванных воинов. Врач поговорил с «вертухаями», обменял его на бутылку чистого спирта и взял солдата с собой.

Дедушка благополучно вернулся в тот госпиталь, где служил до последнего времени, и он продолжил работать на санитарной машине. В медсанбате он ещё ближе сошёлся с пожилым офицером.

Нужно сказать, что тот военврач всю жизнь занимался изучением кожной экземы. То есть, тем заболеванием, которое вызывается расстройством нервной системы. Видя любознательность Фёдора, он стал объяснять ему причины страшного недуга и методы его излечения.

Заметив, что водитель проявил интерес, полковник отдал ему все свои тетради и книги. Мол, бери, изучай. Если встречались больные экземой, офицер звал солдата, велел ему стоять рядом и объяснял, что и как.

Когда выдавалась минутка затишья, водитель читал записи медика. Он научился распознавать виды болезни и составлять нужные мази. Вскоре полковник погиб под обстрелом фашистов. На память о нём, Фёдор Терентьевич оставил себе бумаги врача.

Со временем, он стал значительно чаще применять свои знания и помогать сослуживцам, у которых возникала болезнь. Так он воевал до последнего дня кровопролитной войны, участвовал во взятии столицы Германии и оставил свою скромную подпись на стенах Рейхстага.

В ходе боевых столкновений, дедушка дважды попадал в кинохронику. Как это ни странно звучит, но столь редкие кадры видели односельчане и моя милая мама, которая в то время была ещё маленькой девочкой. По её словам, эти кадры мелькали в каком-то документальном кино.

Пока мой дедушка находился на фронте, моя бабушка работала в колхозной бригаде. Кроме четверых своих кровных детей, она стала воспитывать ещё девять сирот, что привезли из районов, захваченных вражеской армией.

Женщина обладала невероятным усердием. Благодаря чему, её большая семья не голодала так сильно, как те, что находились вокруг. Все дети трудились в саду, в огороде, сеяли рожь и пшеницу на пустошах.

Скоро советская власть начала собирать помощь для жителей блокадного города имени Ленина. Бабушка сдала в

этот фонд двести пудов выращенного ею зерна. Про столь великодушный поступок напечатали во многих газетах. Там поместили фотографию Евдокии Николаевны и тринадцати её родных и приёмных детей.

Каким-то неведомым чудом, корреспонденты нашли дедушку, служившего на линии фронта. Ему в торжественной обстановке вручили газету со снимком жены и семейства.

На имя бабушки пришла благодарность от правительства СССР за подписью генерального секретаря коммунистической партии. По словам моей мамы, в письме были такие тёплые строчки: – «Спасибо Вам за хлеб. За сотни душ, которых Вы от голода спасали. Мой низкий Вам поклон! Иосиф Сталин».

После окончания войны с Германией, дедушка был направлен на Дальний Восток на битву с Японией. Там он тоже трудился шофёром на санитарной машине и перевозил раненых воинов.

За заслуги на фронте Родина наградила его боевыми медалями «За отвагу», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией» и «За Победу над Японией». В 1947 году он, наконец-то, вернулся в село, откуда ушёл более восьми лет назад.

К этому времени, дети-сироты, которые жили в его тесной хате, благополучно разъехались по своим детдомам. Ему приходилось кормить лишь четверых малых детей. Отдох-

нув пару дней, он пошёл на работу в обнищавший колхоз.

Кроме того, он помогал тем сельчанам, у которых появлялась экзема. Слава о нём, как о народном целителе разошлась по всему Азербайджану. К нему ехали люди с разных концов южной республики.

За годы жизни в деревне, дедушку несколько раз избирали председателем большого колхоза. Многие годы Фёдор Терентьевич трудился главным инженером сельхозпредприятия.

Затем, рядом построили завод по производству виноградных соков и вин. Хорошо зная дедушку, руководство района назначило его туда главным механиком. Там он и служил до тех пор, пока не вышел на пенсию.

Умер Фёдор Терентьевич на родине, в Азербайджане, тридцатого декабря 1978 года. Бабушка, Евдокия Николаевна, умерла в городе Куйбышеве, двадцать шестого февраля 1990 года.

Зенитчик часть 1

Военная проза. Повесть «Зенитчик»

Издана под названием «В боях за город имени вождя»
в журнале «Луч» №3(287), май 2017 г., стр. 6...28

Кроме того, отрывок части 1 издан повторно под названием «Путь в Сталинград»

сборнике «Священная война», издательства «Перископ»,
Волгоград. 2021 г., стр. 162...185

Каспий

Двадцать второго августа 1942 года Яков Малинин получил предписание военкомата. В бумаге говорилось о том, что ему нужно прибыть в расположение Сталинградского фронта. Путь туда лежал через Астрахань.

Вместе с зенитчиком должен был ехать бывший курсант из соседней группы училища, с которым они почти не общались. Яков лишь знал, что попутчика звали Остапом Павленко и он украинец.

Остальных однокурсников разбросали по всему Предкавказью, от Моздока до Грозного. Некоторым из них повезло, и они удивительным образом остались на родине, в шумном Баку.

К тому времени, немцы вышли к железной дороге и захватили её в районе города Сальска. Добраться до места своего назначения лейтенанты могли только морем. Сначала пароходом в Махачкалу, а оттуда до Волги.

Потом им предстояло ехать вверх по левому берегу великой реки до узловой станции Баскунчак. Оттуда – до пристани, которая называлась Паромная и лишь после этого, переправиться на правую сторону, в деревню Латошинка. Где-там находился штаб Сталинградского фронта.

К вечеру двадцать четвёртого августа в Баку был сформирован

рован очередной караван. Следующим утром, восемь судов должны были выйти из порта и направиться к северу.

Два офицера поднялись на борт буксира и с облегчением узнали, что там есть другие военные. Среди них оказался пожилой, лет сорока, седовласый майор, который возвращался из госпиталя, да ещё два их ровесника, лейтенанты, что недавно учились в Бакинском пехотном училище.

По сравнению со «стариком», одетым в полевую потёртую форму, молодые ребята выглядели настоящими щёголями. На них красовались: новенькие, подогнанные по фигуре галифе с гимнастёрками, отлично скроенные сапоги, нагута-линные до жирного блеска, и войсковые фуражки, наде-тые с маленьким креном направо. Плюс ко всему, истинно гвардейская выправка.

Всё портила одна досадная мелочь. В отличие от боевого майора, у парней не было при себе пистолетов. В училище им сообщили, что «ТТ» или «наганы», положенные лейте-нантам по должности, они получают только на фронте. Поэто-му, чтобы кобуры из коричневой кожи не казались пустыми, пришлось набить их обычными тряпками.

На небольшом пароходике не имелось пассажирских ка-ют, и офицерам, командированным в военные части, при-шлось разместиться на палубе. Стояла погода обычная для окончания августа. Ветра почти что, и не было, и море ока-

залось очень спокойным.

Поверхность Каспия слегка волновалась, но так вяло и слабо, что качка совершенно не чувствовалась. Яков постелил на чистые доски шинель, лёг на неё и, подложив руки под голову, начал следить за жирными чайками, парящими в воздухе.

Иногда, пернатые видели, что-то внизу, под собой, складывали длинные крылья и камнем бросались в зеленоватую воду. Через секунду они появлялись с рыбёшкой, зажатой в остром, немного загнутом клюве. Птицы сидели на волнах, словно домашние утки, запрокидывали крупную голову и, дёргая шей, как курицы, торопливо глотали добычу.

Молодые офицеры тотчас познакомились. Один пехотинец являлся азербайджанцем, его звали Тофик Бабаев. Его друг был армянином по имени Хорен Гаракян.

Ровесники быстро нашли общий язык, а ближе к полудню, все вместе сели обедать. Они немного посомневались, но потом пригласили пожилого майора в свою небольшую компанию.

Старик не стал изображать из себя большого начальника. Он сообщил, что его зовут Степан Сергеевич Дроздов, устроился рядом на палубе и первым развязал вещмешок. Ребята последовали такому примеру.

После чего оказалось, что еда у всех очень схожа: чуреки, вяленое мясо, консервы американской тушёнки и сухофрукты на сладкое. Двое курящих бакинцев везли с собой папи-

росы.

Сутки спустя, конвой прибыл в Махачкалу, и офицеры узнали, что им предстоит плыть на теплоходе «Память товарища Войкова». Двадцать четвёртого августа он вышел из Астрахани с тремя баржами, нагруженными войсками и техникой для Северокавказского фронта.

На четырёх крупных судах находилась дивизия, прибывшая из Казахстана. Тринадцать тысяч вооружённых бойцов должны были отправиться в район города Нальчика.

Вскоре в безоблачном небе появились три двухмоторных бомбардировщика. Самолёты заметили небольшой караван и обрушили на него множество бомб. Один из фугасов взорвался за кормой теплохода, перебил буксировочный трос и разрушил переднюю часть первой баржи.

Ещё два снаряда угодили в третий корабль и убили почти всех людей, что находились на нём. Мощные взрывы подняли в воздух бойцов и разметали на сотни метров вокруг. Какое-то время, трупы людей и оторванные части их тел плавали в море. Они неспешно тонули и окрашивали зеленоватые волны вытекающей кровью. Вода обретала коричневый цвет.

Фашисты завершили налёт и улетели на базу. Матросы немедленно спустили все шлюпки. Они подняли на борт живых и оказали всем раненым посильную помощь. Затем, отцепили горящую баржу и продолжили путь в пункт назначения.

После этого случая, комендант Махачкалинского порта распорядился установить по зенитке на корабли и самоходные баржи. Свободных орудий на складах, увы, не нашлось, а снимать их с батарей, защищавших всю акваторию, никто не решился.

Поэтому скорострельные пушки заменили счетверёнными «максимами» или спаренными «дегтярями». К каждому такому комплекту было приписано по два зенитчика и отделение солдат, вооружённых винтовками «Мосина».

Два, а то и четыре ствола, закреплённые на одной металлической раме, должны были убереечь корабли от фашистских атак. Яков и его однокурсник с сомнением переглянулись, и каждый сказал про себя: «Конечно, это лучше, чем ничего. Да только вряд ли простой пулемётчик собьёт бомбардировщик фашистов».

Новоиспечённые командиры пехоты удивлялись совсем по другому военному поводу: «Зачем нас везут в Сталинград? – спрашивали они друг у друга. – Ведь немцы уже вошли в Ставрополь и Краснодар. Нужно сначала отбить города, которые находятся рядом, и только потом двигаться дальше на север».

Майор прислушался к шумной дискуссии и твёрдо сказал: «С бугра всем видней! Прикажет начальство, ехать на Дальний Восток, возьмёте под козырёк и помчитесь туда, куда надо!»

Офицеры отметились в военной комендатуре, получили новые проездные бумаги и отправились на теплоход. Там оказалось с десяток кают, но в них были те пассажиры, что ехали вглубь огромной страны.

Поэтому пришлось им опять разместиться на палубе. Несмотря на большие размеры открытой площадки, почти всю её занимали громоздкие ящики. Среди оборудования теснились несчастные люди с мешками, узлами и чемоданами разного вида.

К корме прицепили три баржи с нефтепродуктами и военными грузами. Прозвучал прощальный гудок. Корабль тронулся с места и двинулся в обратную сторону. Погода стояла очень хорошая, и в течение суток Яков с друзьями наслаждался спокойной прогулкой по морю.

За это долгое время майор пообщался с матросами. Они немного помялись, но быстро поняли, что говорят с боевым командиром, тотчас успокоились и кое-что рассказали. Степан Сергеевич передал их слова юным попутчикам. Так лейтенанты узнали о том страшном месте, куда все сильно спешили.

Выяснилось, что в середине июля фашисты заняли аэродромы Донбасса. После чего, устье Волги сразу попало под прицел ассов Люфтваффе. Машин оказалось на удивление много. Они очень быстро завоевали господство в небе России, барражировали над северной областью Каспия и атако-

вали суда, идущие как по реке, так и по морю.

Почувствовав свою безнаказанность, стервятники совсем обнаглели и, в первую очередь, нападали на тихоходные баржи с горючим. Фрицы расстреливали их из пулемётов, а если не удавалось поджечь, топили взрывами бомб.

Мало того, они приспособились сбрасывать морские тяжёлые мины. В течение нескольких дней, фрицы их раскидали на протяжении четырёхсот километров. Сначала, пилоты работали лишь по ночам, а чтобы не промахнуться, смотрели на горящие бакены, стоящие вдоль основного фарватера.

Пришлось речникам отказаться от фонарей, установленных на железных буюх. Теперь корабли шли только днём и всегда подвергались нападению врага. Чтобы отбиться от самолётов, на палубы ставили пулемёты или зенитки разных калибров. Да только они не всегда помогали. Особенно если фашисты заходили со стороны яркого солнца.

Каждую ночь малые тральщики чистили дно, но к сожалению, это не решало проблемы. За две недели на Волге уже подорвалось более ста кораблей. Затонувшие от взрывов суда могли перекрыть главное русло, и движение в низовье могло прекратиться. Речники постоянно искали обходные пути, но как долго можно их находить, никто толком не знал.

В связи с тем, что немцы прорвались к городу Утта, линия фронта приблизилась к Астрахани на сто пятьдесят километров. Начались бомбардировки, и власти приняли ре-

шение об эвакуации людей в Казахстан. Население и оборудование грузили на корабли и отправляли в порт Гурьев, расположенный на северо-восточной окраине Каспия.

Таща за собой тяжкий груз, теплоход подошёл к северной оконечности моря на сто восемьдесят пять километров и тихо вошёл в знаменитый Волго-Каспийский судоходный канал.

Но как не смотрел Яков в разные стороны, он не заметил вокруг берегов. Как объяснил парню майор, этот канал представляет собой большую траншею, по которой плывут морские суда.

Чтобы пробить новый фарватер, на мелководье пригнали платформы, которые зовут земснарядами. Они черпали с близкого дна большое количество грунта и потихонечку создали безопасный проход.

Как сказали матросы, его глубина достигла пяти с лишним метров, а ширина составляла сто двадцать. Так что, при встрече, корабли здесь расходятся без всяких проблем.

Наступило раннее утро второго дня путешествия. Яков недавно проснулся, привёл себя в полный порядок и позавтракал вместе с друзьями сухими продуктами. Подкрепившись, он сел на свёрнутую в скатку шинель и посмотрел на лениво идущие низкие волны.

Два красноармейца находились на крыше надстройки.

Они постоянно смотрели на небо в бинокли и, заметив у горизонта тёмные точки, дали сигнал в капитанскую рубку.

Раздался басовитый гудок теплохода. Включились все репродукторы, висящие в помещениях судна. Над морем разнёсся мужской громкий голос: «Боевая тревога! Слева по курсу самолёты фашистов!»

Из открытого трюма стремительно выскочило отделение вооружённых солдат. По команде сержанта, бойцы взяли оружие наизготовку, передёрнули затворы винтовок и прицелились в бомбардировщики. Как только машины приблизились на сто с чем-то метров, все открыли пальбу.

Тем временем зенитчики развернули «максимы» в сторону фрицев. Возле турели лежали запасные контейнеры с боеприпасами. Второй номер расчёта опустил на корточки и стал открывать жестяные коробки.

Стрелок взялся за ручки, навёл пулемёт на бомбардировщик и потянул на себя спусковую железную тягу. Четыре ствола загрохотали все разом и отправили в воздух множество пуль. Следы белых трассеров ушли в высокое небо, но пролетели в двадцати с лишним метрах от самолёта. Вторая очередь тоже не принесла результата.

Офицеры-зенитчики переглянулись и, не сговариваясь, метнулись к надстройке. Яков был ближе к металлической лесенке, ведущей на капитанскую рубку. Он ловко взобрался наверх, подбежал к молодому сержанту, ведущему зенитный

огонь, и приказал ему отойти в сторону. Пулемётчики удивлённо взглянули на артиллериста, но не осмелились спорить с командиром РККА.

Яков занял место первого номера и посмотрел в сторону бомбардировщика. Это был знакомый парню по фотографиям двухмоторный «юнкерс» – универсальный боевой самолёт, который нёс две с лишним тонны бомб или торпед.

Слегка отстав от сокурсника, Остап Павленко подошёл к нему сбоку. Он бросил взгляд на рамку прицела и поправил сбившееся кольцо, сваренное из ржавой проволоки.

Проверяя лёгкость хода стволов, Яков повёл ими вверх-вниз и справа на лево. Потом поймал фашистского стервятника в перекрестье визира и открыл беглый огонь. Зенитчик заметил, что коротка очередь прошла мимо фрица. Он сделал небольшую поправку, которую предложил его друг, и снова нажал на спусковую скобу. В этот раз несколько пуль врезались в крыло самолёта.

Ощутив удары по корпусу, вражеский асс посмотрел на повреждённую плоскость. Пилот заметил, что правый двигатель начал чихать, и решил, что нужно уйти с линии воздушной атаки.

Он резко подал штурвал в левую сторону и направил бомбардировщик к далёкому берегу. Стараясь облегчить машину, лётчик открыл бомболюки. Смертоносные стальные цилиндры посыпались вниз и рухнули в воду в стороне от каравана. К небу поднялись фонтаны мощных разрывов, кото-

рые никому не причинили вреда.

Пока лейтенант стрелял по первому бомбардировщику, остальные машины напали на те корабли, что шли на буксире. Находившиеся там пулемётчики оказались не так хороши, как молодые зенитчики, поэтому они промахнулись.

Фашисты подлетели вплотную и сбросили по несколько бомб. Две из них тут же нашли свою цель. Обе попали в середину внушительной баржи, что была третьей по счёту.

Раздался оглушительный взрыв, и сухогруз разломился по центру. Передняя часть немедленно погрузилась в зеленоватую воду. Задняя половина держалась на волнах ещё пять минут. Матросы второго и четвёртого судна отцепили толстые тросы, что связывали весь караван.

Тем временем, самолёты отлетели немного вперёд, тут же вернулись и напали с востока. В этот раз они быстро двигались со стороны восходящего солнца. К счастью, Яков Малинин стрелял очень точно.

Один из пилотов, собрался напасть на большой теплоход. Немец направил машину к нему и заметил следы белых трассеров, которые замелькали вокруг. Он побоялся приблизиться, отвернул в левую сторону, и сброшенные тяжёлые бомбы посыпались в воду.

Второй фашист оказался более точным. Его снаряды попали в четвёртую баржу. Взрывы разворотили корму, но судно не затонуло, а всё же осталось на поверхности моря.

Астрахань

Двадцать шестого августа, ближе к полудню, небольшой караван, состоящий из теплохода и двух внушительных барж, приблизился к дельте великой русской реки. Он покинул длинный канал и вошёл в широкий рукав разветвлённой системы, в реку Бахтемир.

Двигаясь по основному фарватеру, обозначенному яркими вешками, корабль поднялся вверх по течению. На закате он добрался до Астрахани и встал под разгрузку возле причала.

Офицеры взяли свои немногие вещи, первыми спустились на берег и отправились в комендатуру. Они отстояли длинную очередь, и попали к дежурному, измученному наплывом людей. Прибывавших военных оказалось так много, что он не успевал разбираться с бумагами. Командированные получили отметки в бумагах, вышли из порта и спросили у пожилого охранника, как им добраться до городского вокзала?

– Городские маршруты давно отменили, – ответил небритый боец. – Поэтому все теперь ходят пешком. Пройдёте вдоль этих путей около пяти километров и попадёте в нужное место. – Он махнул правой рукой на восток.

Военные закинули за спину вещевые мешки и двинулись в указанном им направлении. По пути они задавались вопро-

сом: «Почему в этом городе не работает транспорт? С автобусами дело понятное, все реквизировали на военные нужды, а вот куда делись трамваи? Их ведь на фронт не отправишь и там не используешь в качестве санитарных машин».

Пройдя сотню метров, командиры с удивленьем увидели, что рельсы забиты пустыми подвижным составом железной дороги. Чем ближе они подходили к центру старого города, тем больше вокруг было теплушек и разных платформ.

Вагоны стояли не только на полотне, но и вдоль него и, вообще, где попало. Скверы и небольшие площадки тоже были все заняты. У Якова создалось впечатление, что он шагает по давно заброшенному людьми полустанку. Ощущение парня усиливало то обстоятельство, что все колёсные пары проваливались в иссохшую землю, по самые буксы.

Скоро совершенно стемнело. Высоко в облаках послышался звук самолётов, летящих с проклятого запада. Сзади, со стороны крупного порта, донеслись частые выстрелы зенитных орудий. Раздались мощные взрывы, и над землёю взметнулось зарево огромных пожаров.

– Похоже, что бомба попала в баржу с горючим, – хмуро сказал седовласый майор. – Семьсот километров тащили её из Баку, а прилетели фашисты и без всяких усилий, сожгли возле Астрахани. Где же наши прославленные «красные соколы»? Спят, что ли, словно сурки?!

Яков повернулся лицом к широкой реке, от которой они

отошли на два километра. Он посмотрел на красные всполохи, закрывшие часть горизонта, и подумал о людях, которые мечутся в пылающем пекле и всеми подручными средствами пытаются сбить сильное пламя. Ведь нужно потушить тот пожар и спасти оружие с топливом, привезённым сюда из-за моря.

Возвращаться обратно не было смысла. Пока добежишь, там всё благополучно сгорит. К тому же в воротах стоит охрана с винтовками. Без документов она никого не пропустит.

Откуда-то слева донёсся громкий хлопок. В небо взвилась ракета зелёного цвета. Она полетела в сторону порта и, сияя ослепительным блеском, повисла над его территорией. Справа послышался тот же отвратительный звук, и новый «светильник» зажёгся на небе.

Из разных мест, одна за другой, вылетали подобные «люстры». Они повисали на небольших парашютиках и горели достаточно долго. Тем самым, указывали важные цели самолётам врага.

– Что же мы здесь стоим? – крикнул кто-то из молодых лейтенантов. – Нужно поймать всех мерзавцев!

Майор укоризненно посмотрел на попутчиков, готовых рвануться на поиск подручных фашистов, и приказал: «Всем стоять!»

Заметив удивлённые взгляды, он объяснил: «Шпионы во-

оружены, а у нас один пистолет на пять человек и две запасные обоймы. Они знают район, а мы, к сожалению, нет. Так что, нас всех перебью, как куропаток на поле. Кроме того, их вокруг значительно больше, чем нас. Посмотрите туда». – Степан Сергеевич указал в сторону городского вокзала.

Над центром старинного города тоже висело много ракет. Там часто гремели зенитки, слышались звуки бомбёжки и разгоралось яркое пламя большого пожара.

– Откуда здесь столько немцев? – изумился Тофик Бабаев. – Ведь мы же находимся в глубоком тылу?

– Это не немцы, – устало ответил майор. – Это бывшие советские люди. Скорее всего, они оказались в плену в начале войны. Там перешли на сторону фрицев, а после спецподготовки были заброшены сюда самолётами. Здесь они затерялись среди населения и усердно работают на новых хозяев.

Издали донеслись трели милицейских свистков, топот сапог и редкие выстрелы пистолетов и «мосинок».

– Ну, вот и «особисты» сюда подоспели, – хмуро бросил майор. – Пусть занимаются своими делами, а нам нужно двигаться дальше.

Прошагав ещё три километра, офицеры добрались до нужного места. Вокруг горело несколько деревянных домов, разрушенных взрывами. В колеблющемся отблеске пламени Яков разглядел территорию, которая примыкала к вокзалу.

Некогда свободная площадь, теперь была плотно забита

вагонами так же, как и все трамвайные линии города. Виднелась лишь пустая полоска узкой мощёной дороги.

Пробравшись между теплушками, стоящими на голой земле, они очутились возле невысокого здания. Как сообщил всем майор, его возвели в мавританском стиле полвека назад.

На взгляд молодого бакинца, центральная часть небольшого вокзала смахивала на простую мечеть с тремя стрельчатыми высокими окнами, объединёнными в общую рамку. Только купол оказался не круглым, а почему-то квадратным. Сбоку он больше всего походил на юрту степного кочевника. По двум сторонам располагались прямоугольного вида пристрой с пологими двускатными крышами.

Не очень давно, восточное крыло сооружения пострадало от точного попадания бомбы. Взрыв разрушил торцевую стену и превратил третью часть здания в кучу камней и щебёнки.

За вокзалом тянулись пути железной дороги. Между ними дымились большие воронки. Рядом валялись останки вагонов, сгоревших дотла. Кое-где стояли пожарники с брандспойтами в крепких руках. При помощи ручных примитивных насосов они заливали водою огонь.

Вокруг суетились две-три бригады скорой медпомощи. К санитарным каретам подбегали люди с носилками, грузили раненых в кузов и закрывали низкие дверцы. Машины сры-

вались с места и, завывая сиренами, исчезали во тьме окружающих улиц.

По рельсам медленно двигался маневровый паровоз под названием «Кукушка». К заднему буферу был прикреплѐн коротенький трос. Приглядевшись к другому концу стального буксира, Яков увидел, что к нему прочно привязана немецкая авиационная бомба весом в двести пятьдесят килограммов.

Видимо, она не взорвалась от удара о землю. Вот её и решили, оттащить от перронов подальше. Вдруг в ней установлен взрыватель замедленного действия? А когда он сработает, никому неизвестно.

Набитый тротилом цилиндр волочился вдоль низкой насыпи. Время от времени он сильно бился о шпалы и рельсы. Парень замер на месте и с ужасом ждал –сейчас послышится грохот. На счастье всех окружающих, взрыв не случился. «Кукушка» укатила во тьму и исчезла из виду.

Офицеры сели в сторонке и дождались окончания аврала. В шесть часов они нашли коменданта вокзала и предъявили свои документы. Он просмотрел все бумаги и направил однокашника Якова в комендатуру, в распоряжение местных властей.

Остап узнал, как ему проще добраться до нужного места. Он попрощался с товарищами по недолгому пути на войну, крепко обнялся с приятелем и ушёл. Больше они никогда не

встречались.

Прочим командированным, а их оказалось немало, тотчас объяснили ту обстановку, которая сложилась к утру. Выяснилось, что самолёты фашистов устроили бомбардировку всей магистрали Астрахань – Урбах. Она проходит по левому берегу Волги и имеет стратегическое значение для РК-КА. По ней к Сталинграду идут составы с горючим и всяческой техникой, что поставляют союзники через Иран или Мурманск.

От налётов врага железнодорожные станции, разъезды и пути сообщения оказались разрушены. Создались многокилометровые пробки, и расписание всех поездов нарушено полностью.

В городе скопилось большое количество подвижного состава, и обстановка здесь ухудшается изо дня в день. Бригады ремонтников трудятся без перерывов по много часов. Как только восстановится график, все сразу отправятся в свои военные части. Но это случиться не раньше, чем завтра к утру.

Зал ожидания был переполнен и свободных мест там не нашлось. Три лейтенанта с майором расположились в одной из теплушек, что стояли на площади. Они подкрепились и отправились на боковую.

Ближе к полудню все разом проснулись, пообедали и неожиданно выяснили, что продукты, полученные ими в Ба-

ку, благополучно закончились. Военные отправились в комендатуру.

Там они отстояли длинную очередь, предъявили офицерские сертификаты и получили взамен ордера на сухие пайки. С подписанной пачкой бумаг они поспешили на склад, расположенный в другом конце города, и затарились пищей ещё на пять дней.

После плотного ужина они с огорчением узнали, что первый поезд пойдёт в шесть ноль-ноль, и стали усиленно думать, чем бы занять свободное время? Делать до наступления утра было нечего. Кто-то из пехотинцев с грустью сказал: «Как жаль, что Астрахань стали бомбить по ночам. А то сходили бы в парк и познакомились с девушками».

Пожилой офицер с усмешкой взглянул на парней, страдающих в пути от безделья, но ничего не сказал. Когда-то и сам он был молодым и точно так же, бегал на танцы. Степан Сергеевич бросил шинель на пол теплушки, в которой они поселились, улёгся на бок и мгновенно уснул.

Яков взглянул на майора и невольно отметил: «Что значит опытный боевой офицер. Умеет спать про запас и ночью и днём».

Приближение к фронту

Двадцать седьмого августа, прямо с утра, Степан Сергеевич нашёл коменданта вокзала. Майор выбрал удобный момент, когда тот разгонит своих подчинённых, подошёл и узнал, когда начнётся отправка войск к Сталинграду?

Выяснилось, что на подступах к сортировочной станции сформировали состав. В него входят платформы со всяческой техникой и теплушки с солдатами. Кроме того, к нему прицепили пассажирский вагон для командиров военных частей.

Офицер вернулся в теплушку и дал ребятам три минуты на сборы. Услышав долгожданный приказ, Яков с друзьями тотчас оживились и быстро собрали пожитки.

Среди поездов, они нашли тот эшелон, что отходил самым первым. Военные вошли в пустое купе, отведённое проводником, и осмотрелись вокруг. На правах старшего Степан Сергеевич занял нижнюю полку.

Троим бакинцам, оставалось лишь бросить жребий на спичках, кому же, где спать? Хорен Гаракян оказался напротив майора. Яков и другой пехотинец – Тофик Бабаев, очутились на полках, стоящих над ними.

Чуть позже вошли ещё два лейтенанта. Они сопровождали бойцов, что ехали в обычных «теплушках». Опоздавшим

гостям достались места в третьем ярусе, под металлической крышей.

Все предыдущие дни стояла большая жара, и температура там оказалась очень высокой. Забравшись на верхотуру, ребята поспешили утешить себя: «Ничего! До Сталинграда всего четыреста с небольшим километров. Доедем за восемь, самое многое, за десять часов.

Бакинцы согласились с соседями, однако, они все сильно ошиблись. Вагоны продвигались вперёд удивительно медленно. Они качались справа налево, как корабли в бурном море, катились со скоростью старого автомобиля и делали не более двадцати километров в час.

Встречная полоса оказалась загружена до крайних пределов. В сторону Астрахани, один за другим, шли составы, битком набитые ранеными и беженцами из Сталинграда. В нескончаемых эшелонах виднелось много платформ, нагруженных огромными ящиками. В них, как знал по опыту Яков, находилось оборудование тех многих заводов, что вывозили из прифронтной полосы.

Между тем солнце стремительно поднималось к зениту. Температура резко повысилась, и в купе стало нечем дышать. Майор приказал: – Всем сесть на нижние полки и открыть настежь окно.

Спрыгнув на пол, Яков рванулся на помощь Хорену. Действуя в четыре руки, они с огромным трудом, опустили рас-

сохшуюся от времени раму. Парень высунул голову в открытый проём. Он повернул голову к северу и разглядел, что насыпь плавно уходит в правую сторону.

Благодаря длинной дуге парень рассмотрел вдалеке несколько других поездов. Все они продвигались в одном направлении. Причём с небольшим интервалом. Сзади была та же картина.

— Да у них разрыв всего ничего, — удивился зенитчик. — Случись что сейчас, с идущим перед нами составом, эшелон не сможет затормозить и случится крушение.

Затем, Яков увидел путейца, стоявшего возле путей с флажками в руках. Парень прошёл взглядом по насыпи и разглядел цепочку людей, уходящую за горизонт. Они располагались на расстоянии километра один от другого и все смотрели по ходу движения.

В памяти всплыло словосочетание из курсантских времён — «живая блокировка». То есть, если кто-то заметит неладное, то он поднимет красный флажок. Это увидит стоящий за спиною сигнальщик и заработает так называемый «оптический телеграф». Команда «стоп» дойдёт до всех машинистов других поездов, и они начнут тормозить.

Двигаясь черепашным шагком, состав дошёл до маленькой станции. Там Яков увидел последствия вчерашнего налёта фашистов. От попадания бомб несколько зданий превратились в груды битого камня и щебня. Вдоль всех путей ле-

жали остовы разбитых вагонов, искорёженных пушек и сгоревших в пламени танков, которые не добрались до фронта.

Чуть дальше валялся локомотив, разорванный взрывом на части. Тендер с углем был отброшен в правую сторону, паровой котёл вывернут целиком наизнанку, а колёса задраны к небу, словно лапы древнего мёртвого монстра.

Чем ближе поезд подходил к Сталинграду, тем медленнее он продвигался вперёд. Каждый раз приходилось стоять по много часов. По купе разносились достоверные слухи, что какой-то вагон снова сошёл с разбитых путей.

Спустя какое-то время появлялись измученные работой путейцы и служащие железнодорожных войск РККА. И те, и другие жили поблизости с насыпью. Их небольшие землянки стояли в гуще кустарника, растущего вдоль железной дороги.

Рядом виднелись кучи старых изношенных рельсов и шпал, что здесь валялись ещё с довоенных ремонтов. В малозаметных оврагах прятались автомобили, краны и тракторы. От нападения с воздуха, их укрывали маскировочной сеткой.

Ремонтники приближались к месту аварии, цепляли к теплушке или платформе металлический трос, закреплённый на тягаче, и пытались стащить их под откос. В случае необходимости, они звали на помощь солдат, что ехали в том эшелоне. Затем подвозили необходимые материалы и брались за починку.

Иногда разрушения дороги оказывались настолько се-

рвѣзными, что работа тянулась много часов. После чего, соединяли разорванный поезд, и возобновляли неспешное продвижение вперѣд. К огромному сожалению Якова, даже такая езда продолжалась не долго. Происходила очередная авария, и всё повторялось сначала.

К полудню нового дня издалека вдруг донёсся басовитый гул самолѣтов. Лейтенанты метнулись к окну и увидели двенадцать бомбардировщиков с крестами на крыльях. Они походными «тройками» летели с проклятого запада.

Яков всмотрелся в обводы воздушных военных машин. К железной дороге стремительно мчались четыре звена вражеских «He 111». От собратьев в Люфтваффе они отличались размахом внушительных крыльев и тем, что сверху отсутствовал стеклянный колпак, как у «Ju 88».

Каждый «хейнкель» нёс в два раза меньше фугасов, чем «юнкерс», но легче от этого не было. Ведь они нападали среди белого дня. Им никто не мешал точно прицелиться.

К своему удивлению, Яков не видел зениток ни на одном из тех эшелонов, что шли впереди и позади. Отсутствовали даже пулемѣты с вертикальным прицелом, не говоря о 20-миллиметровых автоматических пушках.

Ястребки Красной армии почему-то не мелькали вверху и не стреляли в неповоротливые машины врага. Куда подевались все «красные соколы», парень догадаться не мог.

Кто-то из машинистов заметил самолѣты фашистов и

схватил рукоять мощной сирены. Над степью послышались протяжные гудки паровоза. Через пару секунд, его поддерживали другие локомотивы. Следом послышался скрежет тормозов и громкое лязганье стальных буферов. Составы резко задёргались и замедлили ход.

Фашистские лётчики видели цепочку больших эшелонов, что направлялись на север. Эскадра тотчас перестроилась: вытянулась в две длинные линии, и каждая из них устремилась в противоположную сторону.

Одна повернула налево и ринулась к Астрахани. Другая команда помчалась направо, напрямиком к Сталинграду. Через пару минут они оказались над железной дорогой.

Пилоты поймали составы в перекрестья прицелов, вдавили гашетки, и тысячи пуль обрушились сверху на незащитные сверху вагоны. Свинцовый градины прошивали насквозь тонкие крыши теплушек, стучали по открытым платформам с оружием и техникой, и убивали или калечил сотни людей.

Следом сыпались бомбы. Не переставая, гремел оглушительный грохот. Мощные взрывы дробили стёкла в мелкую крошку и разносили в щепки вагоны. Осколки корёжили грузовые площадки, орудия, автомобили и танки, которые стояли на них. То, что могло загореться, тотчас занималось буйным огнём. Воздух наполнило тучами пыли и дымом.

Уцелевшие в этом аду, люди прыгали в окна, двери и про-

боины в стенах. Они кувырком пролетали невысокие насыпи, поднимались на ноги и мчались прочь от состава.

На многих красноармейцах горела одежда. Они валились на землю, катались по ней и пытались тушить жгучее пламя. Слышались крики раненых и умиравших бойцов, изувеченных пулями и кусками металла. Всюду валялись куски мёртвых тел, разорванных взрывами.

По команде Степана Сергеевича, Яков и лейтенанты бросили вещи, выскочили в открытое настежь окно и ловко приземлились на ноги. Они отбежали метров на тридцать от поезда и нырнули в воронку, что здесь осталась от прошлых налётов.

Тут их догнал седовласый майор, который выпрыгнул из вагона последним. Он упал рядом с ребятами и невольно поморщился от боли в боку. Видно, ранение, что он лечил в госпитале, дало знать о себе.

Едва офицеры укрылись низинке, как цепочка из шести самолётов пролетела над их составом, и сотни пуль прошили крышу вагона. На счастье военных, у «хейнкелей» кончились бомбы.

Фашисты расстреляли патроны, издеваясь над красноармейцами, покачали на прощание крыльями и повернули к западу. На ходу они перестроились в походный порядок и двумя «тройками» исчезли из виду.

Как только бомбардировщики скрылись, Яков поднялся

на ноги и посмотрел в сторону Астрахани. Судя по внешнему виду, их длинный поезд пострадал очень мало, а вот следующему эшелону досталось достаточно сильно.

Пассажиры вернулись к составу и прошли к своим прежним местам. Всюду слышались громкие стоны. Уцелевшие красноармейцы выносили раненных из повреждённых вагонов, устраивали их вдоль полотна и оказывали первую помощь.

Санинструкторы бегали между бойцами, истекавшими кровью, и старались как можно скорее, перевязать страшные раны. После чего, пришла очередь заняться убитыми. Их просто клали на землю и, чем придётся, закрывали застывшие лица. В ход шли пилотки, шинели и обрывки материи.

Со стороны Сталинграда появились путейцы. Несколько крупных бригад приехали на автомашинах. Они высадились возле разрушенного участка дороги и принялись за работу. Им было нужно позаботиться о пострадавших от налёта фашистов, расчистить насыпь от разбитых платформ с военной техникой и сгоревших теплушек, отремонтировать путь и, как можно скорее, открыть продвижение к фронту.

Лишь после этого дело дойдёт до погребенья погибших. Но и тогда мёртвым окажут минимальные почести. Соберут документы и отправят их в Астрахань первым же поездом.

Старый бульдозер выроет небольшую могилу, где-то по-

близости. В неё уложат покойников и засыпят тонким слоем земли. Потом, поставят на холмике старую шпалу с вырезанной на ней пятиконечной звездой. Вот и весь ритуал.

Мимо прошли два труженика стальных магистралей, говоривших о чём-то между собой. Яков прислушался, разобрал короткую фразу и понял, что на ремонт здесь уйдёт не менее суток.

«А завтра прилетят самолёты фашистов и опять всё разрушат», – со злостью подумал зенитчик.

Чумазные машинисты вернулись из балки, где прятались вместе с бойцами, что выскочили из поездов. Они отцепили изувеченные платформы с теплушками, поднялись в кабину и дали протяжный гудок.

Ему тут же ответили локомотивы, которые остановились, чтоб переждать бомбёжку врага. Люди вернулись к прежним местам. Послышался лязг буферов, и караван эшелонов медленно двинулся дальше.

Заметив, что состав тронулся, Яков рванулся к вагону, вскочил на подножку и поднялся в довольно разрушенный тамбур. С потолка коридора свисали куски фанерной обшивки, сорванной тяжёлыми пулями.

Парень вошёл в своё купе и глянул по сторонам. В глаза бросились стены и полки, прошитые кусками свинца. Зенитчик с ужасом понял, если бы он не прыгнул в окно, то наверняка бы погиб.

Вещмешки и шинели были прострелены во многих местах. Нужно было их срочно чинить. Сухие концентраты в бумажной обёртке, превратились в труху, перемешались с просыпанной солью и табаком, что вылетел из папирос. Есть это было уже невозможно и пришлось всё бросить в окно.

Ни шатко, ни валко поезд продвигался вперёд ещё два с лишним дня. Затем затормозил и остановился в местечке Богдо, расположенном в тридцати километрах от села Баскунчак.

Яков глянул наружу и увидел всё ту же картину. Все пути плотно забиты составами с красноармейцами и воинской техникой. Измученные ожиданием, солдаты слонялись между вагонами и совершенно не знали, чем себя можно занять. Одноэтажный вокзал пострадал от фашистов так же сильно, как и все прочие здания на этой железной дороге.

Чисто выбритый седовласый майор одёрнул ладно сидящую на нём военную форму и отправился к начальнику транспортного узла. Вернулся он через час и рассказал жуткие вещи.

Оказывается, что вся трасса до самого Сталинграда подвергается постоянным бомбардировкам врага. На все станции и переправы – Владимирскую Пристань, а так же – Паромную – иногда нападает более тридцати самолётов за раз. Пути впереди сильно разрушены. Движение остановилось, и если его восстановят, то не раньше, чем завтра.

– Массированные налёты, – офицер ткнул пальцем в окно, – ведутся с немецкой расчётливостью раз вдвое суток. С часу на час, путейцы ждут очередного налёта. К сожалению, у них нет зенитных орудий, а на ближайшем аэродроме уже нет истребителей. Так что, чем завершиться атака фашистов, понятно!

Скорее всего, все эшелоны, стоящие здесь, будут целиком уничтожены. Всё будет так, как это случилось на станции Сарепта, что расположена к юго-западу от Сталинграда.

Девятого августа на тех путях находилось более пяти сотен вагонов с боеприпасами, почти триста платформ с разными пушками и два состава с новейшими танками. Несколько эшелонов взорвались от прямого попадания бомб.

Затем в соседнем затоне взлетели на воздух две баржи, нагруженные снарядами крупных калибров. Вокзал и посёлок до основания разрушило, а взрыв оказался настолько силён, что люди слышали грохот за тридцать километров от Волги.

Взглянув на удручённые лица попутчиков, майор сразу понял, о чём они сейчас думают. Мол, столько времени потратили мы на учёбу. Так долго готовились к битве, и всё оказалось впустую. Вместо совершения подвигов на поле брани с врагом, придётся нам умереть на каком-то разъезде, расположенном в ста километрах от фронта. Офицер поспешил успокоить расстроенных молодых лейтенантов и про-

должил рассказ:

– Когда я говорил с комендантом, случайно глянул в окно. В этот момент, к вокзалу подъехал достаточно странный лейтенант НКВД. Дело всё в том, что с ним оказались не солдаты в синих фуражках, как бывает обычно, а отделение армейской пехоты.

Я тогда сразу подумал: «Видимо, все «особисты» заняты ловлей шпионов и дезертиров. Поэтому, приходится красноармейцев брать для охраны. Как бы то ни было, но чекист имеет в своём распоряжении полуторку. Так что, нужно узнать, куда он направляется?»

Лейтенант вошёл в кабинет, тут же представился и строго спросил, где он может заправить машину? Начальник ему объяснил, как найти нужный склад и подписал разрешение на получение там ГСМ. Чекист взял бумагу, собрался уже уходить, и тут я поинтересовался, не мог бы он нас подбросить на север, то бишь, к Сталинграду?

Чекист посмотрел мои документы, убедился, что я не диверсант, засланный фрицами, и спросил, сколько нас человек. Услышав ответ, он немного подумал и, к моему удивлению, согласился устроить нас в кузове вместе с бойцами.

Скорее всего, он решил, мол, мне нужно ехать через пустынную степь. Там могут встретиться парашютисты фашистов, и тогда лишние люди ему очень помогут. Лейтенант сообщил, что сейчас он поедет заправиться, а минут через тридцать, двинется в сторону селенья Ахтубинск.

В заключение майор приказал: «Собирайте-ка вещи, и идём к выезду из села Баскунчак. Будем ждать его там. Если вдруг разминёмся, то остановим другой какой-нибудь транспорт».

Бакинцы не заставили себя долго упрашивать и попрощались с двумя лейтенантами, что сопровождали солдат. Те выглядели очень расстроенными. Судя по их бледным лицам, они очень хотели бы следовать за своими молодыми попутчиками.

Офицеры выскочили из вагона и направились вслед за Степаном Сергеевичем. Прошагав около двух километров, они покинули сортировочный узел, забитый войсками. Ещё через десять минут, они оказались на грунтовой дороге, ведущей на север, и расположились на невысоком бугре, стоящем на пыльной обочине.

Мимо них двигались автомобили с солдатами и военными грузами. Навстречу им шли телеги, заваленные домашним имуществом, и пешие беженцы, измученные большим переходом по безводной степи.

Скоро подъехал новенький «ГАЗ-АА» защитного цвета. Сидевший рядом с шофёром лейтенант-особист прятельски кивнул седому майору. Из кузова выскочили молодые солдаты, окружили четырёх офицеров и наставили на них трёхлинейки.

Армейский сержант быстро собрал документы, бегло их просмотрел и передал командиру. Другие бойцы проверили вещмешки всех попутчиков и убедились, что в них нет ни оружия, ни грант, ни взрывчатки. Они с усмешкой взглянули на кобуры лейтенантов, набитые тряпками, и с облегчением закинули винтовки за спину.

Выйдя из тесной кабины, чекист дотошно изучил все бумаги. Он вернул их владельцам, мотнул головой, указывая куда-то за спину, и сообщил: «Могу вас подбросить в расположение шестьдесят второй армии. То есть до станции Безродное, что в посёлке Верхняя Ахтуба. От неё вы дойдёте до переправы Паромная – это километров десять-двенадцать. Там ходит судно «Иосиф Сталин». Переплывёте на правый берег и окажитесь там, куда направляетесь».

– Большое спасибо! Это то, что нам нужно! – поблагодарил майор особиста. Он сунул документы в карман гимнастёрки и подождал, пока чекист сядет рядом с шофёром. Затем, встал на подножку машины и опёрся правой рукой на крышу кабины. Лево́й ладонью он схватился за борт и одним ловким движением перелетел на бортовую платформу.

Никто из парней не решился повторить этот трюк. Все они поднялись обычным макаром, используя колёсо задней части полуторки. Поперёк тесного кузова были закреплены четыре доски. На каждой из них умещалось по пять худощавых бойцов.

Лейтенанты пробрались вперёд и сели рядом с наставни-

ком. Чуть дальше, устроились пехотный сержант и остальные бойцы. Пока все размещались, майор снял фуражку и раздвинул небольшой ремешок, расположенный над козырьком. Он надел головной военный убор и закрепил тесьму под своим подбородком. Затем осмотрел кузов – всё ли в порядке, и дважды стукнул в крышу кабины.

Машина тронулась с места и запылила по накатанному широкому грейдеру. В лицо резко ударил горячий воздушный поток. Чтобы не остаться простоволосым, словно какой-нибудь штатский, Яков последовал примеру седого майора. То же самое сделали два других лейтенанта.

Выехав из посёлка Богдо, машина свернула налево и помчалась в сторону Волги. Как помнил Яков, железная дорога шла прямо на север, на Баскунчак, а оттуда сворачивала прямо на запад.

«Двигаясь по шоссе, мы срежем угол и сократим себе путь процентов на тридцать, – подсчитывал Яков. – Проскочим полста километров и приедем в Ахтубинск. Оттуда до Сталинграда всего сто тридцать вёрст. Выходит, что мы доберёмся за пять-шесть часов, а сколько суток тащился бы поезд, никому неизвестно».

Минут двадцать спустя, за спиною слышались громкие взрывы. Сидящие в кузове люди непроизвольно обернулись на шум. Облака плотного дыма и пыли поднимались над тем

самым местом, которое они недавно покинули. Над клубами чёрного смога мелькали тёмные точки. В них зенитчик узнал самолёты фашистов.

Яков представил себе, как тысячи красноармейцев мечутся между вагонами и, как они умирают, от взрывов вражеских бомб и своих же снарядов, что детонируют от большого огня.

Парень зябко поёжился и вдруг подумал: «Как вовремя мы смылись оттуда. Задержись там слегка, и погибли бы все ни за грош».

Верхняя Ахтуба

За час тряской езды машина пересекла огромный участок, безводной степи и приблизилась к Ахтубе, левому рукаву великой русской реки.

Яков замечательно знал азербайджанский язык и легко перевёл с тюркских наречий старинное название местности. Оно означало – Белые Холмы. Так оно и было на деле. На плоской равнине появились небольшие возвышенности, и грунтовая дорога петляла меж ними. Иногда её зажимало между протяжёнными балками, и ей приходилось взбираться на покатые большие увалы.

Полуторки производились в СССР с тридцатых годов двадцатого века. Так уж случилось, что у них не имелось бензонасоса. Поэтому топливный бак размещался над двигателем. Он находился за передней стенкой кабины, перед шофёром и пассажиром, а горловина, через которую заливался бензин, торчала уже из капота, возле ветрового стекла.

Горючее самотёком шло в карбюратор, но так получалось лишь на ровной поверхности или же там, где дорога уходила под горку. Если машина забиралась на склон, то ей приходилось разворачиваться в обратную сторону и ехать наверх задним ходом.

Таким хитрым способом, с ощутимой натугой, автомо-

билль поднялся на небольшую возвышенность. Оказавшись на плоской вершине, он встал носом к северу. Перед зенитчиком тут же открылся потрясающий вид на город Ахтубинск.

Во многих кварталах пылали пожары, что начались от недавней бомбёжки. Над ними стояли плотные тучи пепла и гари. Они очень медленно поднимались в белесое небо. Слышались редкие взрывы и звуки сирен карет скорой помощи. Особенно часто их вой доносился со стороны крупного порта и станции железной дороги.

Чекист посмотрел на пылающий центр городка и на затянутую дымом дорогу, идущую вдоль широкой реки. Он немного подумал и решил, что ни к чему им въезжать в узкие улицы, заваленные обломками зданий. Особист приказал молодому шофёру: – Не приближайся к пострадавшим районам, обойди их по восточной окраине и двигайся напрямиком к Сталинграду.

Объехав разрушенный город, полуторка снова вышла к шоссе и помчалась на северо-запад. Населённые пункты стали встречаться значительно чаще. В крупных посёлках имелись железнодорожные станции. Через них к близкому фронту шли эшелоны с войсками.

Вернее сказать, вовсе не шли, а стояли на железных путях и представляли собою мишень для бомбардировщиков немцев. По словам седого майора, знавшего всё, что происходит

в округе, составы перемещались со скоростью двадцати километров за сутки.

Причём, чем ближе они подходили к стенам Сталинград, тем хуже становилось их положение. Пехоту высаживали из поездов за пятьдесят километров от города и пешим ходом вели к району боёв. По прибытии войск в нужное место, не дав им отдохнуть после марша, сразу бросали в бой на врага.

Во многих местах железная дорога прекрасно простреливалась с правого берега Волги. Чтобы обеспечить доставку вооружений и боеприпасов, машинисты постоянно рисковали собственной жизнью. Пытаясь увеличить скорость и не дать фашистам хорошенько прицелиться, путейцы стали цеплять к паровозу от трёх до пяти вагонов. Так, хоть и с большими потерями, они иногда прорывались сквозь плотный огонь вражеских пушек.

Дорога шла рядом с насыпью. Сидевший в кузове Яков видел, что вдоль полотна лежит огромное множество сгоревших вагонов, танков, орудий и автомобилей. Полупорка проезжала мимо опустевших посёлков и станций, разрушенных до самых фундаментов. Всюду тянуло запахом гари и отвратительным смрадом разлагавшихся тел.

В небе постоянно висели немецкие разведчики «рамы». Время от времени, над головой проносились истребители фрицев, идущие парами. Они все летели достаточно низко. Зенитчик легко узнавал одномоторные «мессершмит-

ты», «фокке-вульфы» и «хейнкели». Двухмоторные бомбардировщики шли эскадрильями и не опасались атак советских пилотов.

Узенький грейдер был плотно забит измученными людьми, идущими в двух направлениях. К Волге стремились военные части. Навстречу им двигались толпы оборванных беженцев, покидавших зону боёв. Часто встречались колонны сельскохозяйственной техники. Её уводили из тех районов, что были захвачены немцами.

Попадались истощённые подростки и женщины, которые гнали в безопасное место большие стада домашних животных. Бедные коровы и овцы изголодались в безводной степи. Они отощали в дороге и, проходя мимо людей, громко мычали и блеяли. Все словно жаловались на свою тяжёлую жизнь.

Скопление пехоты и военных машин представляло неплохую мишень для вражеских асов. Особенно всем досаждали немецкие «юнкерсы». Они выделялись хищным изломом на крыльях и неубирающимся шасси.

Заметив добычу, «лапотёжники» резко уходили в пики и включали сирену, ревущую так, что даже уши болели у всех на земле. С оглушительным воем, они летели почти вертикально, и приближались к шоссе, заполненному до отказа людьми.

Оказавшись над целью, они бросали одну тяжёлую бомбу,

что тянула двести пятьдесят килограммов, или четыре весом в полцентнера. Освободившись от смертоносного груза, они мчались над трассой на небольшой высоте и палили из двух пулемётов.

Полуторка двигалась в плотном потоке, что шёл к Сталинграду. Несколько раз на колонну военных нападали самолёты фашистов. Услышав стрельбу над своей головой, шофёр тотчас тормозил, выскакивал из тесной кабины и бросался в ближайший кювет. Все остальные, не думая, бежали за ним.

Им невероятно везло. Каким-то неведомым чудом осколки и пули миновали машину, не задевая солдат с офицерами. После налёта все выбирались на грейдер, относили в сторонку убитых и раненных, и сбрасывали с пути разбитую технику. Затем, чистили форму от мелкой, въедливой пыли, садились по прежним местам и продолжали движение вперёд.

Иногда шоссе поднималась на небольшие пригорки. Яков смотрел на север и запад и видел едва различимые контуры города, стоявшего на другом берегу. Над всеми районами висели плотные серые тучи, а к ним поднимались большие султаны чёрного дыма.

На широкой поверхности Волги, виднелись надстройки речных кораблей, потопленных фрицами. Мелькали огромные пятна солянки и нефти, что вытекала из разбитых хранилищ и потопленных барж. Они очень медленно плыли вниз по течению и полыхали багровым, чадящим огнём.

Тридцатого августа, ближе к закату, машина, наконец, прибыла в конечный пункт назначения, в посёлок Верхняя Ахтуба. Чекист высадил четырёх офицеров у маленькой площади, возле которой темнели разрушенные одноэтажные здания. Он простился с попутчиками кивком головы и приказал молодому шофёру ехать по каким-то своим, «особистским» делам.

Военные осмотрелись вокруг и увидели вывеску районного отдела милиции. Не очень давно, в него попала «лёгкая» бомба. Мощный взрыв развалил четверть дома и превратил в кучу битого щебня.

Как это ни странно, но большая часть того здания осталась в сохранности. Теперь в ней ютились блюстители правопорядка. Крыльцо было сложено из обломков каменной кладки. Низ окна разобрали, а в возникшем проёме повесили дощатую дверь.

Майор поднялся по корявым ступеням и шагнул в тесную комнату. Там одиноко сидел милицейский сержант. Степан Сергеич представился пожилому дежурному и предъявил свои документы.

Околоточный взглянул на бумаги и не очень охотно ответил на вопросы военного. Было отчётливо видно, он очень устал, выдавать одну информацию по много раз в день.

Майор выслушал его пояснения, вернулся к парням и, подавив тяжкий вздох, сообщил: «Неделю назад фашисты про-

рвались к селенью Латошинка, что расположено севернее Сталинграда. Они перекрыли пути, ведущие к городу».

В ночь на двадцать четвёртое августа паром «Иосиф Сталин» причалил к той пристани. Речники закатили на палубу пару вагонов с ранеными красноармейцами, и перед самым рассветом, отвалили от противоположного берега.

Фрицы заметили судно на фарватере Волги, подтянули танки и пушки и открыли стрельбу. К счастью, снаряды упали поблизости с бортом и осколки снарядов не причинили большого вреда. Корабль благополучно добрался до гавани и встал на прикол. С этого дня железнодорожная переправа уже не работает.

Теперь в город можно попасть только на лодках, катерах и водных трамвайчиках. Они регулярно отходят от Сталинградского тракторного и от заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады».

С помощью самолётов-разведчиков немцы наблюдают за Волгой и постоянно обстреливают всю акваторию. Пальба артиллерии не прекращается круглые сутки. Но, как говорит милицейский сержант, в темноте больше шансов проскочить на ту сторону.

– Дежурный показал мне карту района, – добавил майор, – и я запомнил, как нам добраться до пристани. – Он взял тонкий прутик, валявшийся на узкой дороге, и начертил в пыли подробную схему.

– Лучше всего, нам направиться на юго-запад, дойти до

Ахтубы и перейти через мост в посёлок имени Кирова. Весь этот путь около трёх километров. Потом ещё пять до населённого пункта Ударник, а от него пару вёрст до берега Волги.

Там постоянная работает ещё одна переправа. Военные части идут к ней и ночью и днём. Так что мы не заблудимся и вместе с другими переедем на остров, что называется Зайцевский.

Двигаясь строго на запад, пересечём большой остров, который в том месте раскинулся два километра, и окажемся напротив самого Сталинграда. Впереди, через протоку, увидим завод «Баррикады». Справа находится – Сталинградский тракторный. Слева – «Красный Октябрь». Чуть дальше – Мамаев курган. Насколько известно милиции, где-то в этом районе находится штаб шестьдесят второй армии.

Заметив, что пехотинцы повернули к реке и собрались отправиться в путь, майор твёрдо сказал: «Выход завтра с утра, в шесть часов».

– Зачем долго ждать? – удивился Тофик Бабаев. – До заката ещё много часов, за это время мы спокойно доберёмся до Волги.

– Затем, что теперь мы находимся в прифронтовой полосе, а ночью здесь ходят лишь по особой причине. Особенно малыми группами, – объяснил офицер. – Нарвёмся в темноте на секрет, и постовые спросят пароль, которого мы, ко-

нечно, не знаем. Нас примут за диверсантов. Дадут очередь и шлёпнут всех с перепугу.

Поэтому мы дождёмся утра и двинемся к мосту через Ах-тубу. На том берегу, пристанем к любой воинской части и вместе с ней войдём в Сталинград. А сейчас нужно искать приличный ночлег.

Степан Сергеевич закинул «сидор» за спину и направился в сторону, противоположную от железнодорожных путей.

– Вдруг станцию снова будут бомбить, – заметил он на ходу.

Пройдя по коротенькой улочке, он вывел парней на окраину небольшого посёлка и вошёл во двор дома, расположенного возле околицы. Майор поздоровался с немолодой увядающей женщиной и о чём-то с ней побеседовал. Хозяйка сказала, что хату заняли артиллеристы, но она может пустить офицеров на пустой сеновал.

Никто не стал возражать. Все бросили вещи на лавку, стоявшую возле крыльца, подошли к срубам колодца и спустили вниз цепь, привязанную к скрипучему вороту. Они вытащили жестяное ведро, полное холодной живительной влаги, отошли к границе двора и смыли с себя серую пыль, что собрали в пути. После чего наполнили опустевшие фляги.

Завершив умывание, все достали остатки продуктов и разложили их на чистой тряпочке, которую седовласый майор использовал вместо скатёрки. Они перекусили на скорую руку, и запили еду всухомятку вкуснейшей водой.

Яков взглянул на большое багровое солнце. Оно опустилось к земле и скрылось в густых тучах дыма, висящих над всем Сталинградом. Вслед за друзьями парень забрался на чердак пустого сарая и оказался на сеновале. Зенитчик упал на ворох сухой и душистой травы и с наслаждением скинул с себя сапоги и портянки. Потом, потянулся, опустил тяжёлые веки и тут же уснул.

После долгой дороги парень спал очень крепко. Он даже не слышал множество взрывов, что доносились с берега Волги. Парень очнулся лишь после того, как в километре от места ночёвки неожиданно грохнула батарея 152-миллиметровых орудий.

Встревоженный шумом, он поднял голову, встретился взглядом с проснувшимся седовласым майором и услышал его тихий шёпот: «Спи. Это наши бьют по фашистам на другом берегу». – пожилой офицер повернулся на бок и затих.

Посмотрев в чердачную дверь, лейтенант разглядел тёмное небо, усыпанное крупными звёздами. Он немного послушал мощные выстрелы, громко бухавшие через двадцать секунд, и отметил, что чуть дальше слышны более крупные пушки. «Скорее всего, 203-миллиметровые», – сказал себе парень и вновь провалился в беспросветную мглу.

Благодаря многолетней привычке Яков проснулся в то время, что назначил себе поздно вечером. Всё произошло

так же естественно, словно над ухом зенитчика затарахтел круглый будильник, оставшийся в далёком Баку. Парень взглянул на часы, которые месяц назад, ему подарили родители на окончание училища. Увидев, что уже половина шестого, он прислушался к звукам, доносившимся с улицы.

По тихому стуку посуды парню всё стало понятно. Это хозяйка возилась возле печи летней кухни. Яков сел и увидел, как майор снял портянки, сброшенные вечером на голенища. За ночь они совершенно просохли и были готовы к длительной носке.

Степан Сергеич обернул тканью ступни и голяшки, натянул сапоги и, стараясь совсем не шуметь, пошёл к узкой лестнице, ведущей вниз с чердака. Старые доски тихо скрипели у него под ногами.

Услышав звуки шагов, проснулись и два пехотинца. Они повертели головами спросонья и заметили, что Яков последовал за пожилым офицером. Бакинцы обулись и тоже спустились во двор.

Офицеры быстро умылись водой из колодца, и остатки короткого сна, наконец-то, развеялись. Все четверо чисто побрились, отряхнули военную форму от налипших травинок и привели себя в надлежащий порядок.

На завтрак ушли остатки продуктов, полученных в Астрахани. Все дружно поели и, к своему удивлению, получили в подарок от женщины двухлитровую крынку с парным молоком. Друзья разлили пахучую жидкость в солдатские круж-

ки, и выпили за здоровье хозяйки. Парень заметил, как она смахнула слёзу, навернувшуюся ей на глаза.

«Наверное, многих она проводила на противоположную сторону, – невольно подумалось Якову. – Интересно, вернулся ли кто-то, оттуда назад?»

Ополоснув пустую посуду, офицеры собрали немногие личные вещи и уже в шесть часов, они были готовы продолжить свой путь. Майор спросил у хозяйки, как им пройти к мосту через Ахтубу, и с огорчением узнали, что неделю назад его разбомбили фашисты.

Военные попрощались с хозяйкой, вышли на улицу и отправились к тому месту, где, по словам милой женщины, находилась ближайшая к ним переправа. Они добрались до неширокой протоки и наткнулись там на паром.

Это был плот, связанный из ошкуренных брёвен. Он двигался по железному тросу, натянутому между двумя берегами, и мог взять за раз, полуторку с грузом или взвод пехотинцев, стоящих вплотную друг к другу.

Яков взглянул налево и вправо. Чуть дальше, виднелось несколько штук точно таких же «транспортных средств». Возле каждого из них находилась длинная очередь автомобилей и запыхавшихся людей, устало сидевших на голой земле. Измученный вид всех людей, говорил парню о том, что прежде, чем добраться сюда, они прошли множество вёрст. Причём с полной выкладкой.

На берегах узкой Ахтубы расположились батареи зениток. Они защищали всю переправу от нападения с воздуха. Вот только устроены они оказались весьма примитивно. Здесь не имелось внушительных пушек или малокалиберных скорострельных орудий.

Вместо них оказались спаренные дегтярёвские пулемёты с дисковыми магазинами, ёмкостью на шестьдесят три патрона. Их окружали невысокие стенки, сложенные из крестьянских мешков, наполненных обычным песком. Возле тех установок находились худощавые девушки в выцветшей форме. Все они неотрывно смотрели на запад. Откуда в любую минуту могли появиться самолёты врага.

Майор не хотел встать в хвост длинной колонны, как это сделал бы Яков. Он чётким шагом направился к берегу, взбежал по настилу из досок и строго взглянул на часового.

Охранявший переправу боец не сказал ни единого слова. Скорее всего, он принял группу военных за вестовых, что везли поручение в штаб какой-нибудь армии. Сержант козырнул, поднял шлагбаум, и все четверо поднялись на паром. Там находилась машина, гружённая снарядами ящиками, и отделение солдат, что разместилось вдоль обоих бортов пыльной полуторки.

Пехотинцы, стоявшие по правую сторону, словно бы ждали этого мига. Они взялись за трос и очень дружно потянули его на себя. Паром медленно тронулся с места и тихо поплыл

по зеленоватой протоке.

Преодолев сто с чем-то метров, плот мягко причалил к противоположному берегу Ахтубы. Офицеры устремились вперёд и самыми первыми спустились на твёрдую землю.

Недалеко от кромки воды сидели бойцы. Возле них находился молодой лейтенант. Рядом стоял указатель, на нём корявыми буквами было написано: «Посёлок имени Кирова – 1.5 км».

Взводный увидел своё отделение, что сходило на сушу, и нетерпеливо махнул им рукой. Солдаты прибавили шагу и, с трудом волоча усталые ноги, поспешили к отряду. Сидевшие на земле, пехотинцы неохотно поднялись и неспешно построились в колонну по два.

По команде «Шагом марш» они тронулись с места и запылили по разбитой грунтовке. Дорога ныряла вглубь редкой рощи, тянувшейся вдоль узкого русла, и быстро терялась в зарослях тополя и карагача.

Майор с лейтенантами направились следом. Офицеры ушли от уреза воды и поднялись на берег протоки. Оказавшись на невысоком пригорке, Яков вдруг обернулся. Парень заметил, что на опустевший паром уже тихо въехала другая полуторка.

В её тесном кузове сидели раненые красноармейцы, прибывшие из Сталинграда. Как показалось зенитчику, их там находилось не более десяти человек. В основном были «лёг-

кие», те, кто мог двигаться без чьей-либо помощи.

«Видимо, все остальные умерли по дороге сюда, – решил неожиданно парень. Он печально вздохнул и подумал: – Или же в городе, постоянно ведутся такие бои, что «тяжёлых» никак невозможно вытащить в безопасное место и отправить их в тыл».

Зенитчик увидел, как санитар и водитель вышли из деревянной кабины, взялись за металлический трос и потащили паром к левому берегу. Туда, где стояла огромная очередь молодых, здоровых солдат.

Следуя за взводом пехоты, офицеры прошли около одного километра. Вдруг все услышали, что у них за спиной раздалась стрельба. Доносились пулемётные очереди, выпущенные из нескольких «дегтярёвых», вой пикирующих бомбардировщиков и громкие взрывы.

Яков глянул назад. Сквозь ветви деревьев, парень увидел, как над Ахтубой поднимались султаны дыма и белого пара.

– Будем надеяться, что зенитчицы всё же отгонят фашистов от своей переправы, – сказал себе парень и понял, что сам не очень-то верит этим словам. Слишком слабой защитой были их пулемёты против самолётов врага.

В то время, как на том берегу скопилось много людей и воинской техники. Каждая пуля, выпущенная с большой высоты, сразу найдёт нужную цель. А что там случится, после того, он старался не думать.

Степан Сергеевич, словно не слышал отдалённой стрельбы и, не останавливаясь, двигался дальше. Лейтенанты переглянулись и рванулись вслед за майором.

Скоро они оказались перед большим ровным полем, густо усеянным развалинами частных домов. Среди обугленных вишен и яблонь виднелись лишь пепелища. На них одиноко стояли закопчённые русские печи. Кирпичные трубы, как монументы, вздымались к синему небу. Всё это походило на старое кладбище.

– А вот и посёлок имени Кирова, – пробормотал один из бакинцев. – Вернее сказать то, что осталось.

Продвигаясь по краю, офицеры миновали участок выжженной до углей земли. Они выбрались на узкий просёлок и увидели, что он раздвоился. На развилке стоял указатель с табличками, написанными корявой рукой. Стрелка, что смотрела налево, говорила прохожим: «о. Зайцевский». Вторая сообщала о том, что путь в правую сторону ведёт к острову «Спорный».

Не замедляя шагов, майор поделился той информацией, что получил от сержанта милиции: «Остров Спорный находится напротив северной части Сталинграда, который называется «Рынок». Немцы к нему подобрались вплотную и стреляют по переправе прямою наводкой. Поэтому, нам не стоит соваться туда. Там нас перебьют, словно в тире».

– А почему пехотинцы пошли в эту сторону? – спросил

Яков Степана Сергеевича и указал на взвод усталых солдат. Их вёл, ничего не знавший об этом, молодой лейтенант.

– Потому, что он получил конкретный приказ, отвлекать на себя силы противника. – хмуро ответил майор. – Даст бог, кому-то из них повезёт, и они доберутся до правого берега. А мы с вами ещё не приписаны ни к какой воинской части. Так что, пойдём к острову Зайцевскому. Мы переправимся все в Сталинград, а там начальство решит, куда нас послать.

Грунтовка петляла среди лиственных рощ, мелких озёр и узеньких стариц, что попадались ей на пути. Между водоёмами располагались поля спелой пшеницы, сожженной дотла.

Если бы не указатели, стоявшие в разных местах, офицеры наверняка заблудились среди меняющихся разнообразных ландшафтов. Правда, в зарослях толстых деревьев часто мелькали стволы больших пушек, затянутых маскировочной сеткой. В случае крайней нужды, можно спросить у артиллеристов дорогу.

Навстречу попадались полуторки, везущие раненых, и шли толпы гражданских, бегущих из осаждённого врагом Сталинграда. А вот со стороны узкой Ахтубы ни машин, ни пехоты не было видно. Похоже, что бомбардировщики повредили паромы, и на какое-то время переправа перестала работать.

В небе всё время висели ненавистные «рамы». Несколь-

ко раз появлялись истребители фрицев. Стремительные самолёты врага делали крутой разворот и опускались к самой земле. А всё для того, чтобы дать пулемётную очередь по измученным беженцам или по группе противников, состоявшей из четырёх человек. Даже на мелкую цель они не жалели ни пулемётных патронов, ни дорогого бензина, затраченного на сложный манёвр.

Заслышав шум мощных моторов, офицеры бросались в разные стороны. Они дружно прыгали в небольшие канавы и замирали до тех самых пор, пока не минует опасность.

Судя по карте, от колхоза имени Кирова до посёлка Ударник было всего пять километров, но офицеры протопали больше восьми. Все мосты через протоки оказались разбиты фашистами. Приходилось искать неглубокие броды, где можно легко перебраться на противоположную сторону. Нужны были такие места, чтобы не раздеваться совсем.

Ближе к полудню офицеры добрались до намеченной цели. Выяснилось, что они оказались в расположении восьмидесят пятого полка артиллерии. Тяжёлые 152-миллиметровые гаубицы стояли в маленькой роще, растущей недалеко от берега Волги. Орудия прятались в глубоких окопах, вырытых под пышными кронами высоких деревьев.

Майор поговорил с командиром, объяснил ситуацию, и пушкарь приказал своему старшине: «Накормить всех досыта!»

После плотной еды офицеры двинулись дальше. Они прошли ещё с километр и натолкнулись на батальон пехотинцев, расположившийся в зарослях. Узкий лесочек тянулся вдоль главного русла и примыкал прямо к берегу.

Приблизившись к редкой опушке, Яков взглянул на великую реку и с удивлением понял, что её ширина в этом месте не меньше одного километра. Он с огорчением вспомнил о том, что вода сильно скрадывает расстояние, и очень возможно, здесь значительно больше.

Уж на что он хороший пловец, и то не решился, преодолеть такую дистанцию в форме и сапогах. А если вещи сложить в вещмешок, то это вряд ли облегчит тяжёлое дело. «Сидор» сразу намокнет и словно гиря потянет на дно.

Поэтому нужно его куда-то пристроить. Лучше всего, на какой-то обломок бревна. Но где его взять? Не рубить же деревья, среди которых укрылись солдаты. Да и нет под рукой топора. По всему получается, что плыть придётся в трусах и фуражке.

Отвлёкшись от своих размышлений, парень услышал, как седые бойцы задают тот же вопрос своему командиру: «Как же нам перебраться на правую сторону, если многие люди плавать вообще не умеют?»

Судя по внешнему виду, лейтенант, не очень давно окончил училище и был совершенно уверен в том, что пишут в военных учебниках. Он бодро ответил: «Набейте свои плащ-

палатки высохшим сеном. Получится большой поплавок, который вас будет держать на плаву».

Бойцы с явным сомнением посмотрели на молодого советчика. Во-первых, ни у кого не имелось никаких плащ-палаток. Во-вторых, поблизости не было стогов сена или соломы. А в-третьих, Волга – не узкая речка, через неё нельзя переплыть таким странным способом. Сухая трава быстро намокнет и перестанет держать на воде.

Офицеры пробыли в лесочки до наступления вечера. Яков с ужасом ждал, что же с наступлением ночи? «Неужели сейчас подойдёт загранотряд особистов. Они нам напомнят о приказе: «Ни шагу назад». Наставят на нас пулемёты и погонят в глубокую воду под угрозой расстрела?»

Переправа через Волгу

К одиннадцати часам совершенно стемнело. По цепочке солдат прошла очередная команда: Всем выйти на берег и приготовиться к ночной переправе!

Степан Сергеевич поднял свои вещи с земли, где сидел вместе с тремя лейтенантами. Он закинул за спину мешок и шагнул за бойцами. Почему-то бойцы устремились не прямо к реке, а пошли вдоль неё.

Стараясь не отстать от майора, Яков и его земляки двинулись следом. Они вышли на узенький пляж из песка и оказались возле узкой протоки, впадавшей в широкую Волгу.

Там находился небольшой теплоход с открытой низенькой палубой. Растущие рядом деревья нависали над мутной водой и создавали плотный навес из переплетённых ветвей. Оно пряталось под маскировочной сетью так хорошо, что его не было видно ни с воздуха, ни даже с низкого берега.

Парень вспомнил о том, что часто слышал удары кувалд по металлу. Скорее всего, судно стояло весь день под естественным пологом, а речники, что-то в нём быстро чинили.

Издаലെка это судно походило на катер, которые в бухте Баку таскали тяжёлые баржи. Плоская низкая палуба. В середине торчит тесная рубка размерами два на два метра и высотой два с половиной.

Ширина перевозчика была семь шагов. Длина оказалась в два раза больше, чем у простого буксира, и достигала пятнадцати метров. Ткнувшись носом в берег протоки, теплоход стоял возле кромки песка и возвышался над ним на рост человека.

Солдаты длинной цепочкой подходили к сходням из дерева и, балансируя на узких досках, по одному поднимались наверх. Они проходили к корме и садились на лавки, устроенные вдоль низких бортов. Посреди прохода лежали ящики с оружием и боеприпасами.

Глядя на транспорт, Яков вдруг понял, чем он отличался от прочих плавсредств. На крыше надстройки стоял крупнокалиберный пулемёт ДШК, защищённый плитой из брони. Боевое оружие крепилось к трёхногой турели. Она позволяла стрелять не только параллельно воде, но и задирать длинный ствол к небесам.

Окна в маленькой рубке закрывали стальные щиты с узкими смотровыми щелями. Все борта покрывали листы из железа. Причём они поднимались на ту высоту, чтобы закрыть человека, сидящего на узких скамейках.

«По крайней мере, защитят от осколков, – успокоился парень. – Ну а если, внутрь попадёт снаряд или бомба, тут уж ничего не спасёт».

Позади теплохода Яков заметил несколько крупных рыбачьих баркасов. Каждый имел шесть или восемь парно

расположенных вёсел. Скромный кораблик оказался совсем небольшим и не мог вместить всех пехотинцев. Они пошли вдоль низкого берега и стали рассаживаться в баркасы из дерева, у которых не было какой-либо защиты.

«Будем надеяться, что пилоты фашистов захотят, потопить теплоход, а на лодки они не обратят никакого внимания», – попытался зенитчик успокоить себя. Правда, легче ему, почему-то, не стало.

Подсвечивая себе фонарём, Степан Сергеевич довольно внимательно осмотрел все баркасы. По каким-то приметам, он выбрал тот, что оказалась в самом конце каравана, и сел на заднюю лавку. Рядом устроился Яков, а два друга-бакинца разместились на узком носу. Остальные места заняло отделение пехоты.

Яков заметил надпись на внутренней части деревянного борта. В ней говорилось о том, что судно рассчитано на тринадцать пассажиров без груза. Меж тем, в него влезло пятнадцать. Шестеро уселись на вёсла, остальные – кто где.

Двум бойцам не хватило места на лавках, и им пришлось опуститься на мокрое дно, прямо в ногах у своих сослуживцев. К тем баркасам, где солдаты пытались соблюдать речную инструкцию, подходил офицер, следивший за переправой. Он впихивал в каждую лодку ещё пару людей.

Перегруженный деревянный баркас опустился так глубоко, что борта поднимались над поверхностью Волги всего на две ладони. В досках оказалось много пробоин.

В них потекла речная вода, и майор приказал: «Рвите портянки, забивайте отверстия разными тряпками. Если не хватит, используйте даже пилотки и что только можно. Иначе не доплывём до правого берега и благополучно утонем».

Подавая пример, Степан Сергеевич развязал свой тощий «сидор», достал из него куски чистой ткани и начал заделывать дыры, до которых он мог дотянуться. Все остальные последовали его указаниям. Они кое-как заткнули главные течи, взяли свои котелки и стали вычерпывать воду, что скопилась внутри.

В ночной тишине раздалась команда: «Вперёд!»

Кораблик отчалил от берега, развернулся на месте и медленно двинулся к Волге. Привязанные к низкой корме, канаты враз натянулись, легко сдёрнули с отмели лодки и потащили их следом.

Перевозчик выбрался из узкой протоки. За ним плыли десять баркасов, нагруженных сверх всякой меры. В борт ударила небольшая волна. В небе послышался гул самолётов врага. Яков поднял голову к небу. Там, один за другим, загорались огни немецких ракет.

В этот раз они не поднимались с земли, как было в Астрахани неделю назад. Вокруг Сталинграда скопилось так много войск, что диверсанты фашистов не могли подойти к переправе.

Да и зачем это делать, когда над рекой совершенно спо-

койно барражируют ночные разведчики и включают яркие «люстры» одну за другой. Но здесь фрицы использовали не простые патроны, что выпускают ракетницы, а мощные светящиеся фосфором бомбы, висящие на парашютах.

Насколько знал парень из курса своего обучения, каждый «светильник» горел пять-шесть минут и хорошо освещал всё вокруг, в радиусе полутора-двух километров.

Повертев головой, Яков увидел, что к правому берегу двигались десятки судов. За каждым из них тянулся караван из баркасов. В мертвенном свете огней они были прекрасно видны на фоне тёмной воды, и представляли собою мишень для самолётов врага.

Пару минут было тихо. Потом в небе послышался вой жуткой сирены, установленной на пикирующем бомбардировщике. Он стремительно приближался к реке. На крыше кораблика застрочил «ДШК».

В ответ, с неба ударили два пулемёта. Дорожки из пуль зашлёпали по тихой воде, догнали небольшой караван и хлестнули по лодкам. Некоторые красноармейцы увидели, что очереди приближаются к ним. Они вскочили на ноги и, не раздумывая, прыгнули за борт.

Над баркасом мелькнуло светлое брюхо «лаптёжника». От него отделилась пятидесятикилограммовая бомба. Теплоход резко вильнул в правую сторону. Набитый взрывчаткой цилиндр пролетел мимо цели и упал рядом с бортом.

Раздался оглушительный взрыв. Над рекою взлетел столб водного пара, а в воздухе засвистели осколки. Часть из них угодила в корабль, налетела на бортовые щиты и осыпалась в реку.

Другие кусочки металла обрушились на деревянные лодки. Они попадали в солдат и кромсали их плоть на куски. Раненые кричали от боли, убитые валялись с сидений. Кого-то снесло в чёрную воду.

Как только «юнкерс» исчез в вышине, майор вскочил на ноги и крикнул двум лейтенантам, что сжались в комок, на носу: «Режьте канат!»

Он глянул на пехотинцев, сидевших возле уключин. Степан Сергеич увидел, что четверо из шести человек, в общем-то, целы и приказал: «Вёсла на воду!» – Майор поднял за шкуру двух бледных бойцов, что лежали на дне тесной лодки, швырнул их вперёд и прорычал: «Сменить пострадавших гребцов!»

Пока красноармейцы менялись местами, Хорен Гаракян вытащил складной нож из кармана, открыл короткое лезвие и начал пилить трос из пеньки. Дело двигалось удивительно плохо.

На помощь пришёл старый солдат. Он сдёрнул с пояса небольшую лопатку и одним сильным взмахом перерубил верёвку, что лежала на деревянном борту. Течение подхватило судёнышко, начало его разворачивать вдоль широкого русла

и быстро сносить в сторону от теплохода.

Наконец деревянные лопасти опустились к воде. Шесть вёсел сделали нестройный гребок, и лодка чуть шевельнулась. Майор сел на место и несколько раз дал команду: «Раз-два! Раз-два!»

Повинуясь командному голосу, красноармейцы нашли общий ритм. Баркас развернулся перпендикулярно течению и поплыл к правому берегу. В сторону города, освещённого заревом многих пожаров.

За правым плечом снова послышался вой жуткой сирены. Яков глянул назад и увидел, пикировщик снова заходит на их перевозчик. Всё повторилось с точностью до последней детали. Вот только атака оказалась успешной. Бомба упала на нос теплохода, и разворотила переднюю часть скромного судна.

Взрывная волна прошла по палубе огненным смерчем и смела с неё всё, что там находилось. Стальные щиты не удержали удара, смялись, словно бумажные, и сорвались с креплений. Сотня солдат и ящики с боеприпасами смешались в общую кучу и полетели в бурлящую реку.

Глаза ослепли от яростной вспышки, и все потеряли способность что-либо видеть. Через пару секунд зрение снова вернулось. Яков моргнул несколько раз и кое-как разглядел невероятную вещь. Каким-то неведомым чудом теплоход всё ещё был на плаву.

Мало того, уцелела тесная рубка и пулемёт, установленный сверху. Парень решил, что внутри все погибли, но это оказалось не так. Корабль не отдался на волю течения. Он сделал поправку на север, и рванулся к той точке, куда двигаться раньше. Следом за ним плыли лодки. В них оставалось чуть более половины людей.

Минуту спустя, самолёт снова напал и, неожиданно для красноармейцев, застучал «ДШК». Но и пулемётный огонь не помешал лётчику фрицев завершить очередную атаку. Он опять обстрелял караван и сбросил ещё одну «лёгкую» бомбу.

Кувыркаясь в полёте, она устремила полетела к воде и попала в баркас с пехотинцами. Мощный взрыв разорвал всех людей в мелкие клочья и швырнул кровавое месиво на многие метры вокруг.

Лодка, в которой плыл Яков с друзьями, приближалась к острову Зайцевский, а вокруг бушевал яростный бой. Вернее сказать, шло избиение советских солдат проклятыми фрицами. Куда ни бросал взгляд зенитчик, всюду он видел всё ту же картину.

Двухвинтовые самолёты «Дорнье» парили над головой и «вешали» над Волгою «люстры». От них внизу было светло, словно днём. Одномоторные «лапотники» пикировали на теплоходы и караваны баркасов. Они сбрасывали бомбы весом в полцентнера и били из пулемётов. Отовсюду слышался

треск множества выстрелов, грохот разрывов, всплески воды и крики раненных красноармейцев.

Когда часть кораблей добралась до середины реки, машины фашистов истратили боезапас. Они построились в походный порядок и звено за звеном улетели на запад.

Яков решил, что всё позади, но сильно ошибся. В небе как прежде барражировали ночные разведчики, и раз за разом бросали осветительные бомбы над руслом. Не успел парень подумать, зачем это нужно, как в воздухе послышался свист, и начался мощный обстрел. Артиллеристы врага били по площадям, а пилоты их самолётов корректировали ураганный огонь.

Так же, как «пикировщики», пушкари охотились за кораблями и не обращали внимания на одинокие лодки, плывущие к острову. Но большие снаряды падали достаточно плотно и взрывались с ужасающей силой. Смертоносный металл срезал красноармейцев, словно траву в чистом поле, а сильные волны опрокидывали небольшие баркасы. Сотни оглушённых солдат, теряли сознание, падали в воду и тут же тонули.

Оказавшись в этом аду, Яков старался унять сильный страх, заполнивший душу. Он низко пригнулся, и напряжённо следил за мерными взмахами вёсел. Как только, один из гребцов уставал или же получал какое ранение, его сменяли попутчики. Те, кто был ещё цел или уже отдохнул.

Остальные оказывали помощь друзьям и накладывали жгуты и повязки. Все кто мог ещё двигаться, держали в руках котелки, и вычерпывали холодную воду, текущую в лодку сквозь десятки пробоин.

Каким-то удивительным образом парень вдруг понял, что с левого берега начали бить советские пушки. Он обернулся и увидел слабые вспышки. Они мелькали с левого берега, от которого не очень давно отчалили лодки. Артиллеристы стреляли через широкую Волгу и старались разбить батареи противника.

Мало-помалу, баркас вышел из зоны обстрела и приблизился к пологому пляжу. Он выскочил носом на полоску песка и замер на месте. Не получившие ранений солдаты спрыгнули за борт, оттащили лодку от уреза воды и помогли выбраться пострадавшим товарищам.

Час назад с левого берега отплыло пятнадцать здоровых людей. Теперь же, в живых осталось только двенадцать. Четверо из них получили ранения. Причём двое – довольно тяжёлые.

Сержанту пехоты пробило грудь осколком снаряда, а бакинец Хорен Гарамян, получил удар шрапнели в затылок. Оба лишились сознания и потеряли большое количество крови. Их уложили на мелкий песок, перевязали и занялись другими бойцами. Третий был ранен в плечо, четвёртый – в бедро.

Оказав помощь своим сослуживцам, солдаты заметили вереницы раненых красноармейцев, бредущих из зарослей к Волге. Яков глянул по сторонам и заметил, что вниз по течению стоит небольшой теплоход.

Стальные щиты у него на бортах совершенно отсутствовали. Нос был разворочен бомбой фашистов. Парень видел то самое судно, что тащило их к острову. Рядом находились три лодки, прицепленные толстыми тросами к низкой корме.

На искорёженную взрывами палубу вели узкие сходни, сколоченные из ящичков от артиллерийских снарядов. По ним поднимались бойцы с перебинтованными телами, головами или конечностями. Вместе с ними медленно двигались и гражданские люди. Измождённые женщины, ревушие дети и, очень редко, пожилые мужчины. Многие из них тоже имели ранения.

Подшли речники в рваных тельняшках. Они взялись за борта протекающей лодки, подтащили её по воде к перевозчику и привязали канатом к корме. Так баркас опять оказался в небольшом караване. Только теперь караван стал вдвое короче, чем раньше. Остальные судёнышки были разбиты в мелкие щепы, затонули в реке или их унесло вниз по течению.

Несколько санитаров несли из кустов тяжелораненых, но не на специальных носилках, как это положено, а на плащ-палатках из простого брезента. Медики клали несчастных на

мокрый песок, брали бойцов с двух сторон, как мешок, и перемещали в баркасы, залитые до половины водой. Пропитанные кровью войсковые накидки они забирали с собой и шли за другими страдальцами.

«Смогут ли бедные люди пережить переправу?» – подумал вдруг Яков и посмотрел на земляка. Харена Гаракяна грузили в ту самую лодку, на которой он прибыл на остров минут десять назад.

Сержанта устроили возле лейтенанта пехоты. Двое бойцов с «лёгким» ранением сели поблизости и положили головы красноармейцев себе на колени. Иначе они захлебнутся, если вода перехлестнёт через борт. Свободные лавки заняли очень худые жители города. Очень быстро, все плавсредства, что имелись в наличии, забили уже «под завязку».

Яков с удивлением понял, что обстрел почему-то затих. Парень посмотрел в разные стороны и невольно отметил, что вокруг так же светло, как солнечным днём.

Он задрал голову и увидел всё ту же картину: ночные разведчики, так же, как прежде кружили по небу и запускали специальные бомбы, горящие фосфором. «Кружат стервятники! – злобно подумал зенитчик. – Ждут, когда наши суда выйдут на широкую воду».

Нагруженный людьми перевозчик отошёл от узкого пляжа. Он развернулся и со всей быстротой, на которую был только способен, устремился на восточную сторону. Следом за ним тянулись деревянные лодки, в которых сидели иска-

леченные врагами военные или жители города.

Ниже по течению Волги от берега уже отходили другие суда. Едва они отделились от острова, как в небе вновь зашвистели снаряды. Началась очередная охота за советскими гражданами.

Степан Сергеевич укоризненно глянул на застывшего Якова. Тот подхватил свои вещи, подбежал ближе к майору и вместе со своим земляком, встал рядом ним. Прежде чем двигаться дальше, трое попутчиков невольно повернулись к реке и посмотрели на лодки, плывущие за небольшим теплоходом. Они скоро скрылись за разрывами бомб снарядов. Никто не мог точно сказать, смогут ли эти судёнышки добраться до левого берега?

Офицеры повернулись на запад, лицом к Сталинграду, и поспешили вперёд, к месту своего назначения. Впереди шёл майор, следом шагали два молодых лейтенанта.

Красноармейцы, оставшиеся без руководства, собрались в тесную кучку и с ужасом поняли, что из всего отделения, уцелело лишь пять человек. Четверо рядовых и ефрейтор, заместитель сержанта.

Весь взвод пехоты находился на небольшом перевозчике и погиб в полном составе при взрыве вражеской бомбы. Военные, плывшие на прочих баркасах, разбрелись неизвестно куда и что теперь делать, бойцы совершенно не знали.

Увидев трёх командиров, идущих на запад, ефрейтор бро-

сился следом. Он обогнал офицеров, отдал честь и произнёс: «Товарищ майор, разрешите к вам обратиться?»

Степан Сергеевич ответил на уставное приветствие и выслушал короткий рассказ. Он немного подумал, повернулся к Тофику Бабаеву и приказал: «Товарищ лейтенант, назначаю вас командиром первого взвода сводного отряда пехоты. Принимайте бойцов под своё руководство».

Бакинец тотчас козырнул и продолжил вслед за майором: «Товарищ ефрейтор, назначаю вас командиром первого отделения первого взвода. Постройте всех рядовых в колонну по двое и идите за мной».

Красноармейцы выполнили короткий приказ и двинулись за офицерами вглубь широкого острова. Шедший рядом с бакинцем, Яков услышал шёпоток за спиной. Он наострил уши и разобрал, как пожилой боец кому-то сказал: «Нужно держаться рядом с майором. Чует моё сердце – он заговорённый от пуль и снарядов».

«Если бы он был таким, то не лечился бы в госпитале Азербайджана», – с усмешкой сказал себе Яков, но тут же одёрнул себя: «А кто знает, что он пережил на фронте до этого? Может быть, он выжил там, где все остальные погибли? Пожалуй, нужно прислушаться к совету того старика, хуже точно не будет».

Офицеры с солдатами вошли в редкий лес и увидели деся-

ток песчаных тропинок, уходящих вглубь острова. Они прихотливо вились среди деревьев, но все до одной, вели точно на запад.

Судя по их ширине, здесь часто ходили толпы людей. Причём они продвигались в двух направлениях. К Сталинграду шло великое множество здоровых и крепких бойцов, а обратно тащились гражданские и красноармейцы, что получили ранения.

Плотные кроны деревьев скрывали высокое небо с немецкими «люстрами». Мертвенный фосфорический свет с трудом пробивался сквозь листья, и стало намного темнее. Только песок смутно серел на фоне травы, росшей меж толстыми вязами. Шум взрывов за спиной удалялся и становился всё тише. Через полкилометра, он совершенно затих.

Большую часть острова Зайцевский покрывала редкая роща, в западной части которой не имелось густого подлеска. В предвоенные годы там возникла стихийная зона культурного отдыха, куда любили заглядывать сталинградские жители. В летние месяцы туда ехали сотни людей, чтобы искупаться в реке, позагорать на чистом песке и посидеть в тени высоких деревьев.

Очень часто беззаботные пляжники разводили костры на опушке, обращённой к огромному городу, и постепенно они порубили растущий кустарник. Через какое-то время, остров весьма походил на неухоженный парк.

Пройдя около одного километра, Яков заметил, что близ лежащая местность просматривается на сотню метров вокруг. Между деревьев маячили пятна яркого света. С каждой минутой их становилось всё больше, и скоро стали видны немецкие «люстры», парящие в воздухе. До ушей лейтенанта донёсся гул канонады. По мере движения, он становился сильнее и превращался в грохот частых разрывов.

Оказавшись на редкой опушке, офицеры наткнулись на взвод пехотинцев. Бойцы прятались за старыми карагачами и чего-то с напряжением ждали. Яков глянул вперёд и увидел рукав реки Волги шириной в сто пятьдесят-двести метров.

На той стороне стояли громады Сталинградских кварталов. Среди тёмных руин полыхали пожары. Языки яркого пламени освещали закопчённые стены с пустыми проёмами окон.

Всё остальное походило на то, что зенитчик увидел всего час назад. Словно он вновь оказался на подступах к острову. В небе парили самолёты фашистов, а «висящие» в воздухе «люстры» освещали окрестности.

Только эту протоку, немцы простреливали с ещё большей яростью, чем главное русло. Всю поверхность воды усеивали дощатые лодки, катера и теплоходы, которые двигались в разные стороны.

Крупнокалиберные снаряды прилетали с проклятого запада и с ужасающим свистом падали в реку. Ежесекундно гремело множество взрывов. К небу вздымались столбы бе-

лого пара и брызг. В них часто мелькали обломки баркасов или куски человеческих тел.

Вверх по течению что-то грохнуло особенно сильно, и всё озарилось неистовой вспышкой. К удивлению всех окружающих, она не погасла, как все остальные, а с каждым мгновением разгоралась всё ярче и ярче.

В это время Яков смотрел в правую сторону и отчётливо видел, что там случилось. Виной всему явился тяжёлый фугас, который врезался в палубу наливного, довольно крупного, судна.

Он стимулировал детонацию горючих паров какого-то топлива. Воспламенение газов многократно усилило взрыв. Внушительный корпус распался на много кусков. Их тотчас разметало на сотни метров вокруг.

Листы заржавленной стали закувыркались в пространстве, и врезались в беженцев, оказавшихся рядом. Обломки обшивки вели себя так же, как большие секиры, и в кого-то попадали плашмя. Этим счастливым улыбнулась удача, и они умерли сразу.

Другим повезло значительно меньше. Вертящиеся, как бумеранги, пластины сверкали краями и кромсали всё то, что встречалось у них на пути: кому-то сносили лишь головы, кого-то рубили чуть ниже. Рассечённые надвое люди падали в воду, не успев что-то понять.

Остальным пришлось хуже всего. Горящая жидкость взле-

тела фонтаном и потоком расплавленной лавы обрушилась вниз. На поверхности Волги возникло пылавшее озеро размером с футбольное поле.

С каждой секундой оно становилось всё больше. Вал из огня поднялся на несколько метров, пошёл вниз по широкой протоке и налетел на десятки судов, оказавшихся там.

Катера с теплоходами защитила стальная обшивка. Корабли вырывались из пламени почти невредимыми, и речники быстро гасили конструкции, что начали тихонечко тлеть.

А вот их пассажиры вдруг оказались в ужасающем пекле. Они не могли устоять на низеньких палубах, прыгали вниз и погружались в глубины протоки. Среди горожан встречались неплохие ныряльщики. Они пытались уйти под водой от огня, который волной шёл по реке.

Однако, через какое-то время, всем приходилось всплывать на поверхность. Несчастные люди попадали в адское пламя, что пылало над ними. Глотка раскалённого воздуха хватало на то, чтобы сжечь трахеи и лёгкие. Испытывая страшные муки, они не могли даже кричать. Закрывали руками лицо и уходили в пучину, чтобы никогда не вернуться.

Та же трагедия произошла и со многими беженцами, что сидели в баркасах. Двигаясь по воле течения, вал из огня шёл вниз по реке, и накрывал всё новые лодки.

Потрясённый увиденным зрелищем, Яков повернул голову влево и наткнулся испуганным взглядом на отделе-

ние НКВДешников. Вооружённые пистолетами-пулемётами Шпагина, «особисты» направились к группе солдат, окружили их плотным кольцом и приказали: – Грузитесь на корабли и немедленно двигайтесь к правому берегу.

За плечами красноармейцев висели пятизарядные «мосинки» и, чтобы послать патрон в ствол, им приходилось передёргивать оружейный затвор. Бойцы хорошо понимали, они не успеют воспользоваться устаревшим оружием. Особенно против «ППШ» с круглыми дисками, вмещавшими семьдесят один пистолетный патрон. На таком расстоянии чекисты положат всех одной длинной очередью. А потом начальству расскажут, мол, не подчинились приказу.

Вид топлива, горящего в широкой протоке, напугал солдат до смерти. Несмотря на большой перевес в числе людей и стволов, они подчинились приказу и не стали завязывать в бой «со своими» – лучше приберечь свои силы для фрицев, решили они. Все нехотя взяли свои вещмешки и, не желая оставаться на открытом пространстве, помчались вперёд, к переправе.

Офицеры с солдатами примкнувшего к ним отделения, ринулись следом. Все подбежали к маломерному судну, похожему на тот перевозчик, на котором прибыли на остров. Двигаясь вслед за майором, они поднялись по короткому трапу и пробились вплотную к задней стене тесной рубки.

Всю палубу заняли красноармейцы, стоящие вплотную

друг к другу. Поэтому и четырём офицерам не удалось сесть на доски и вытянуть ноги. Стараясь уменьшить ту площадь тела, куда могли ударить осколки, Степан Сергеич опустился на корточки. Лейтенанты с бойцами и тотчас потеснились и последовали примеру майора.

Двигатель перевозчика вдруг застучал. Корабль задрожал крупной тряской и, набирая приличную скорость, пошёл к правому берегу.

Яков сжался в комок и вдруг забыл, что он комсомолец уже много лет. Он неумело обратился к Всевышнему и стал молиться о том, чтобы благополучно добраться до правого берега. Что его ждало на той стороне, парень, конечно, не знал. Главное, уцелеть в данный момент.

Возле плывущего теплохода падали снаряды фашистов. Раздавались гулкие взрывы, и к небу взлетали горы воды. В воздухе жутко свистела шрапнель и с отвратительным чмоканием впивалась в тела окружающих людей. То один, то другой солдат громко вскрикивал и хватался за рану. Кто за плечо, кто за руку, за ногу или же голову.

В этот же миг, из-под стиснутых пальцев проступали красные струи. В сиянии фашистских ракет они обретали почти чёрный цвет. Находившиеся рядом товарищи доставали пакеты с бинтами и пытались оказать бедолаге посильную помощь. Но не всегда это им удавалось. Некоторые бойцы падали замертво сразу, другие тихо стонали и на глазах угасали

от потери большого количества крови.

Утратив счёт времени, Яков не знал, сколько они так плывут и как далеко осталось до берега. Кое-как, он собрался всё-таки с духом, набрал полную грудь стылого воздуха и решил, что нужно глянуть по сторонам. Едва парень поднял глаза, как рядом с бортом раздался оглушительный взрыв. Небольшой теплоход бросило влево.

Толчок оказался удивительно сильным. Красноармейцы не устояли на корточках. Они повалились один на другого, и дружно сместились к краю маленькой палубы. Ограждения из железных прутков не выдержали огромной нагрузки, сорвались с креплений и полетели в чёрную реку.

Вместе с ними в реку упали почти солдаты, что оказались поблизости. Лишь те бойцы, что находились у дальнего борта, успели за что-то схватиться и удержались на месте.

Вынырнув из прохладной воды, Яков быстро вздохнул, посмотрел перед собой и заметил голову Степана Сергеевича, мелькнувшую метрах в трёх от него. Он перевёл взгляд чуть подальше и увидел свой теплоход. Не снижая набранной скорости, судно плыло к правому берегу, словно экипаж не заметил, как почти все пассажиры скатились за борт.

Секунду спустя парень понял, что корабль сильно кренится на правую сторону и быстро погружается в воду. Зенитчик поплыл за майором, но вдруг ощутил, как кто-то схватил его сзади за плечи, подмял под себя и хочет взобраться повыше.

«Идиот...» – мелькнуло в голове у зенитчика. – «Нужно быстрее освободиться от чудика! Или утопит меня к чёртовой матери!» – Не оказывая сопротивления, парень погрузился под воду до самой макушки и стал думать о том, что нужно сделать в таком жутком случае.

Вспомнив советы инструктора по спортивному плаванию, Яков не стал тратить силы и рваться вверх. Вместо этого, парень резко сложился в области пояса и, работая руками с ногами, нырнул ещё глубже.

Солдат, висевший на плечах у зенитчика, внезапно почувствовал, что опора, за которую он ухватился, быстро уходит ко дну. Он испугался значительно больше и разжал сильные пальцы, сведённые нечеловеческой хваткой. Боец замолотил всеми конечностями и ненадолго поднялся на поверхность реки.

Держась на глубине, Яков отплыл метра на три в левую сторону, посмотрел вверх и увидел ярко освещённую плоскость. На её ярком фоне темнели силуэты солдат, что упали с кораблика.

Одни очень уверенно плыли к правому берегу. Другие неумело барахтались, не двигаясь с места, а кто-то безвольно поник и медленно погружался в пучину. За ними тянулись дымные шлейфы из крови, которые быстро растворялись в воде.

Парень почувствовал, как рвутся снаряды, а в его крепкое

тело бьют ударные волны. Яков подумал: «Если фугас упадёт где-то рядом, то насмерть оглушит меня, так же, как динамит убивает всю рыбу вокруг». Ощувив недостаток кислорода в крови, он повертел головой, выбрал свободное место и ринулся вверх.

До берега оставалось всего метров тридцать. Яков решил, что такую дистанцию он проплывёт в сапогах и военной форме. Парень рванулся вперёд и увидел крупнокалиберный ствол, торчащий из тёмной воды. Это был «ДШК», укреплённый на небольшом теплоходе.

«Чуть-чуть не добрался до суши», – огорчился зенитчик и заметил бойцов, схватившихся за пулемётный щиток. У обоих солдат за спиной висели мешки, а в руках они крепко сжимали свои трёхлинейки.

Не снижая рабочего ритма, парень приблизился к ним и громко спросил: «Плывать умеете?»

Яков услышал, как оба крикнули: – Нет!

– Повесьте оружие на пулемёт, – приказал лейтенант на ходу. – Раздевайтесь и свяжите узлом свои вещи. Я доплыву до правого берега, найду лодку и за вами вернусь.

Он ощутил, как тяжелеет намокшая одежда и обувь, и ускорил движение. С ощутимым трудом парень добрался до мелководья, поднялся на ноги и медленно вышел на плотный песок. Не желая попасть под осколки, он опустился на корточки и быстро стащил обмундирование, прилипшее к коже.

Потом, огляделся по сторонам и увидел своего земляка. Сапоги вместе с формой он тоже не снял. Тофик только что вылез на сушу и тяжело дышал. Вокруг грохотали мощные взрывы. В воздухе громко свистела картечь. Хотелось как можно скорее, уйти с открытого места, спрятаться где-то и переждать интенсивный налёт.

Пересилив себя, Яков повернулся к товарищу. Он показал на теплоход, затонувший в двадцати метрах от берега, и сказал: «Там застряли твои подчинённые, вместе с оружием. – перевёл сбившееся от усилий дыхание и добавил: – Разделяйся. Вместе притащим красноармейцев сюда».

Оглядевшись по сторонам, парень заметил деревянные сходни, что валялись в песке. Гусиным шажком зенитчик приблизился к ним и толкнул в прохладную воду. Передвигаясь на корточках, он зашёл в реку и, толкая дощатый настил, поплыл к двум бойцам.

Его догнал друг-бакинец и пристроился рядом. Три минуты спустя, лейтенанты добрались до пулемёта, задравшего ствол к высокому небу. Он погрузили на доски оружие, «сидоры» и обмундирование солдат. Потом приказали бойцам, держаться сзади за плотик и двигать ногами в воде, словно лягушки. Сами расположились по обоим бокам неказистого средства спасения и поплыли назад.

Добравшись до суши, все сунули ноги в мокрую обувь, схватили вещи с оружием и помчались прочь от реки. Они

поднялись на высокий откос, пробежали с несколько метров и шмыгнули в какое-то здание, разбитое тяжёлым снарядом.

Укрывшись за толстыми стенами, офицеры отжали воду из ткани, натянули мокрую форму и опустили на пол, усыпанный разбитым кирпичом и бетоном. Рядом упали спасённые ими солдаты.

Повертев головой, Яков увидел, что в небольшой комнате отсутствует крыша, а из четырёх стен, сохранились лишь три. Он посмотрел по углам и заметил в одном, что-то тёмное. Почти на четвереньках парень приблизился к куче и наткнулся на красноармейское обмундирование, в беспорядке разбросанное по пыльному полу.

Рядом лежало оружие: трёхлинейка оружейника Мосина и самозарядная винтовка Токарева. Тут же валялись подсумки с патронами и разномастная мужская одежда.

«Видать, дезертиры пошарили по ближайшим развалинам, нашли, во что им одеться, и смылись отсюда вместе с гражданскими, – подвёл итог парень. – Ну и пёс с ними со всеми. Хорошо, что оружие оставили здесь, а не утопили в реке. А то бегаем мы тут, словно клоуны, с тряпками в кобурах. Не ровён час, нарвёшься на немцев, а отстреливаться, будет нам нечем».

На правах человека, отыскавшего клад, Яков выбрал то, что получше, и взял себе винтовку «СВТ». Она самозарядная, имеет магазин на десять патронов, да и весит чуть мень-

ше. Пятизарядную «мосинку» он отдал земляку, который заинтересовался вещами и подошёл к парню ближе.

Два офицера немедленно вспомнили, что остались без привычных фуражек. Они порылись в одежде, отыскиали две армейских пилотки и тут же надели. Какой-никакой, а головной военный убор с красной звездой.

Лейтенанты сели на пол, осмотрели оружие и убедились в его полной исправности. Не успели они разобраться с неожиданной находкой, как из темноты появился старый солдат. Это был тот человек, что не очень давно говорил о заговорённости седого майора.

Несмотря на внушительный возраст, он уцелел при переправе на правую сторону. Хотя он оказался босым, но не был настолько испуган, как молодые бойцы. Видимо, где-то уже воевал и имел личный опыт. Низко пригнувшись, ветеран проскочил мимо большого окна.

В окне не было рамы. Края всех откосов оказались избыты железом так сильно, словно их долго грызли гигантские зубы. Осколки и пули влетали в открытый проём. Они с отвратительным свистом пересекали широкую комнату, впились в кирпичную кладку и выбивали мелкую, красную крошку.

Боец рассмотрел петлицы Тофика Бабаева, присел возле него и, козырнув, доложил: «Товарищ лейтенант. Товарищ майор видел, как вы плыли к кораблю за солдатами, и решил

подождать, пока вы вернётесь. После того, как вы добрались до берега, послал меня и велел передать, чтобы вы немедленно включились в наш пехотный отряд. Он здесь, по соседству.

Подавив вздох сожаления, мол, не дали и слегка отдохнуть, бакинцы переглянулись, и Тофик сказал пожилому солдату: «Там лежит две пары сапог. Посмотри, может быть, вам подойдут?»

Старик с радостью бросился в угол, выбрал ту обувь, что была на размер больше, чем требовалась, ловко обулся и подпоясался ремнём и подсумками, что валялись поблизости. Всю остальную одежду он не оставил на месте, а свернул в плотный узел и взял с собой. Мол, пригодиться прочим бойцам.

Все поднялись с пыльного пола и, прячась за стенами, последовали за пожилым провожатым. Он чуть попетлял по развалинам и вывел красноармейцев в небольшую ложбинку. Она шла от реки к горящему городу.

Степан Сергеевич сидел на обломке скалы, был в полной военной форме, но, как и у двух лейтенантов, на голове у него была простая пилотка. Рядом с ним на земле расположились три десятка солдат, уцелевших при переправе. Почти все они потеряли оружие. Многие были без ремней и мешков, простоволосыми и даже босыми.

«Всё бросили, когда добирались до берега... – подумалось Якову. – Хорошо, что хоть сами доплыли. На корабле было

более полусотни бойцов, а теперь их осталось лишь половина».

Яков приблизился к Степану Сергеевичу и, забыв о той простоте, с которой общался с ним раньше, доложил по уставу: «Товарищ майор, прибыли по вашему распоряжению».

Не вставая с удобного места, Степан Сергеевич взглянул на четверых новприбывших, вооружённых винтовками. Он перевёл острый взгляд на подсумки, висящие на поясах, и остался доволен тем, что увидел.

Офицер с улыбкой кивнул и приказал Тофику: «Лейтенант, примите под своё руководство ещё два отделения. С личным составом познакомитесь позже, а сейчас нужно двигаться дальше. Речники сообщили, что недалеко от этого места находится воинская часть».

Майор поднялся и устремился на запад. Яков рванулся за ним. За спиной раздалась команда, отданная приглушённым голосом: «В колонну по двое стройсь! Шагом марш к Сталинграду!»

Сталинград

Овражек скоро закончился, и отряд оказался среди тёмных разбитых кварталов. Сзади и спереди гремели мощные взрывы. Здесь было относительно тихо, и в воздухе не свистели осколки и пули.

Отблеск пожаров и фосфорных бомб фашистов, горевших над Волгой, отражались от туч пыли и дыма, висевших над городом. Мерцающее освещение заливало окрестности, но не давало, как следует, рассмотреть обстановку.

Яков едва различал контуры многоэтажных домов, сильно разрушенных немецкой бомбёжкой. Все здания были без крыш. Высокие стены темнели пустыми глазницами окон. Дворы и газоны были завалены обломками каменной кладки.

Между руинами еле виднелась асфальтированная дорога, ведущая к западу. Под ногами скрипела кирпичная крошка, и трещали остывшие уже головёшки. «По-моему, здесь не завод, а жилой пролетарский район», – выдохнул парень.

– Видимо, мы высадились значительно северней, – ответил майор. – Скорее всего, это посёлок, который зовут «Баррикады». По словам речников, где-то здесь расположен штаб стрелковой дивизии.

Они прошагали с полкилометра и наткнулись на заграж-

дение из проволоки. Оно было устроено из ржавой «колючки» и целиком перекрыло неширокую улицу. Из домов, расположенных с обеих сторон, послышался лязг пары-тройки затворов и донёлся внушительный голос: «Стой! Кто идёт!?!»

Майор замер на месте и доложил: «Сводный отряд в составе тридцати пяти человек. Переправились через Волгу и следуем в часть для прохождения службы».

Из темноты вынырнул невысокий сержант. Держа оружие наизготовку, он подошёл ближе к колонне и тоном, не терпящим никаких возражений, потребовал предъявить документы.

Часовой собрал бумаги у трёх офицеров, просмотрел их в свете фонарика и предложил командирам пройти в здание штаба. Следуя за красноармейцем, Яков на ходу обернулся. Парень увидел, что из развалин вышло пять автоматчиков. Они поговорили с бойцами и повели весь отряд в левую сторону.

Нырнув в тёмный проход, офицеры оказались в большом квадратном дворе. От развалин несло свежей гарью, трупным запахом и вонью надворной уборной. Провожатый спустился по ступенькам в подвал, передал своих подопечных дежурному, козырнул и, не мешкая, вернулся на пост.

Степан Сергеевич поговорил с капитаном, который оформлял документы прибывших к ним командиров, и услышал невероятную вещь: «Тут с бумагами не особенно

возятся. К какой части пополнение вышло, в той и воюет. До тех пор, пока не... – наткнувшись на яростный взгляд седого майора, он замолчал, неуверенно кашлянул и закончил короткую речь: ...пока не придёт новая смена. – Окончание фразы прозвучало так странно, будто дежурный хотел сообщить: ...пока всех не убьют!

Стараясь замять эту неловкость, капитан охотно поведал о том, что произошло в Сталинграде за последнее время.

– Неделю назад четырнадцатый танковый корпус фашистов, вошёл в посёлок Гумрак и наткнулся на противоздушные батареи, расчёты которых составляли зенитчицы. – сообщил он размеренным тоном, – Девушки опустили стволы всех орудий параллельно земле и начали бой с наступавшими фрицами. Пушечная дуэль продлилась до темноты и закончилась к ночи. Враги всё-таки поняли, что им не пройти и повернули назад.

В этот же день самолёты Германии провели ковровую бомбёжку всего Сталинграда. Зажигательные бомбы вызвали множество сильных пожаров и целиком уничтожили центр «старого города».

Пока все, кто только мог, тушили огромные пламя, фашистские танки приблизились к тракторному заводу на полтора километра. Они ворвались на предприятие и обстреляли цеха. В прочих районах произошло почти, тоже самое. На заводе, который зовут «Баррикады» и ещё дальше, на «Красном Октябре».

Что творится за речкой Царицей, на другом краю Сталинграда, – мне неизвестно. Там стоит шестьдесят четвёртая армия, а специально звонить туда, чтобы узнать последние новости, времени нет. Вот выйдем фашистов отсюда, тогда и узнаем всё точно.

После оформления бумаг, прибывшим в часть офицерам сказали, что придётся им разделиться. Майору Степану Сергеевичу Дроздову, лейтенанту Тофику Бабаеву и взводу солдат, который пришёл вместе с ними, предписали отправиться к северу. На рубеж обороны, расположенный возле тракторного завода.

Как сказал капитан, этот участок почти примыкает к реке Сухая Мечётка, где насмерть стоят ополченцы танковой бригады имени Сталинградского пролетариата. Дерутся они хорошо, но нужно их укрепить кадровыми военными.

Поэтому вам, товарищ майор, придётся взять командование над теми подразделениями, которые находятся там. Вы объедините их в батальон, будете держать оборону и ждать подкрепления. Как только появится такая возможность, мы его вам сразу пришлём.

Зенитчика Якова определили в 1077-й полк подполковника Владимира Евгеньевича Германа. На прощание парень услышал напутствие немолодого дежурного: «Данная часть находится в той же окраинной части нашего города. Пойдёшь вместе с пехотой. Доберёшься до административного

корпуса, что стоит у южной проходной, и найдёшь штаб полка. Там тебе скажет любой».

Офицеры спустились в подвал, расположенный по соседству со штабом. Они взяли коптилку, стоящую возле главного входа, зажгли примитивный светильник и нашли комнату, заставленную разномастными железными койками. Видимо, их вместе с матрацами, подушками и одеялами стащили сюда из близлежащих развалин.

Военные поужинали консервами, которые принёс вестовой, завалились на пустые кровати и крепко уснули.

На рассвете их разбудили, хорошо накормили кашей из перловой крупы и напоили слабеньким чаем без сахара. После чего, отвели всех на склад, находящийся рядом. Там каждому дали трёхдневный паёк и плохо постиранные поношенные войсковые шинели. Парень внимательно осмотрел выданное старшиною пальто и нашёл в нём три аккуратные дырки в районе груди.

Лейтенантам вручили по снаряженному «ГТ» и по две запасные обоймы с патронами. Молодые люди осмотрели оружие и с радостью убедились в его работоспособности.

Они выбросили из кобуры старые тряпки, которые ехали с ними от столицы южной республики, вложили пистолеты в чехлы из коричневой кожи и ощутили себя гораздо уверенней. Ведь теперь они легко отобьются от немцев.

Затем офицеров проводили к солдатам, которые отдыхали в другом полуразрушенном здании. Солнце ещё не поднялось над горизонтом, но на улице было довольно светло.

Лейтенанты взглянули на сводный отряд и с облегчением поняли, что всех красноармейцев одели согласно уставу и выдали им нормальную обувь. Правда, на них находилась потёртая форма, снятая с убитых бойцов.

Многие гимнастёрки оказались пробиты осколками с пулями и залиты высохшей кровью. Сапоги были разбиты, бушлаты изорваны, а сквозь прорехи наружу повылезли клочья из ваты. Кроме того, безоружным бойцам дали ещё трёхлинейки, из расчёта – одну на двоих.

«Всё лучше, чем ничего, – выдохнул Яков. – По закону военного времени за потерю оружия могли расстрелять».

Зенитчик и Тофик Бабаев подзвали солдат, оказавшихся рядом, и отдали им винтовки с подсумками, найденные в развалинах у переправы. Майор построил красноармейцев, сообщил им о назначении, которое они получили, и описал положение, сложившееся в Сталинграде на сегодняшний день.

Прозвучала команда: «Шагом марш!» – и сводный отряд двинулся к новым позициям.

Яков шагал рядом с теми людьми, с кем он проехал от Баку до Поволжья и, к которым успел привязаться за время

пути. Он думал о скорой разлуке с двумя офицерами, что не раз выручали его во всех ситуациях.

Зенитчик грустил, но не забывал зорко смотреть по всем сторонам. Насколько знал парень, город имени Сталина был построен весьма необычно. Он тянулся вдоль Волги на сорок пять вёрст, но имел в ширину всего лишь четыре, самое большее, шесть километров.

Если честно сказать, центральной части «старого» города не было. Её уничтожили неделю назад. Ковровая бомбардировка фашистов разрушила множество зданий и превратила их в кучи битого кирпича и бетона. Местами торчали уцелевшие стены, непонятно, как устоявшие при чудовищных взрывах.

Под ногами хрустели обломки, спёкшиеся от невыносимого жара, и какие-то головёшки странного вида. Приглядевшись, Яков с ужасом понял, что тут и там, на оплавившемся от жара асфальте, лежат черепа и почерневшие кости людей. Это было всё то, что осталось от горожан. Судя по всему, здесь бушевало воистину адское пламя.

«Если станут взрывать нефтепромыслы, то Баку ожидает такая же участь, – поёжился парень. – По крайней мере, те небольшие районы, что прилегают вплотную к местам добычи», – от этой мысли ему стало дурно.

Парень помотал головой и сглотнул слюну, ставшую горькой и вязкой. Он кое-как отдышался и, чтобы не лишиться ума, перестал обращать вниманье на то, что у него под но-

гами.

Отряд шёл параллельно реке и удалялся от Волги не более, чем на один километр. До них едва долетал звук канонады, грохотавшей на западе и на востоке. Шум глушили развалины, что находились вокруг.

Зато проклятые «рамы» так же, как прежде парили в утреннем воздухе и наблюдали за разрушенным городом. Заметив отряды красноармейцев, танки или машины они вызывали подмогу. Через какое-то время, появлялись штурмовики и пикировщики фрицев и нападали на всё, что могли.

После первой самолётной атаки, солдаты стали прислушиваться к грозному шуму, долетавшему с неба. Едва доносился рёв авиационных моторов, кто-то кричал: «Внимание, воздух!» – и все бойцы бросались в разные стороны.

Они укрывались в ближайших руинах и ожидали, когда же фашисты исчезнут из вида. Кто-то стрелял по самолётам врага, но Яков не тратил патронов. Он доподлинно знал, что в кабинах немецких машин установлено бронестёкло. А повредить мощный двигатель винтовочной пулей на удивление сложно. Нужно попасть в маслопровод или, что значительно лучше, в трубку, подающую топливо.

Жилой район «Баррикады», по которой продвигался отряд, застраивался в довоенные годы. Высокие кирпичные здания здесь возводились большими кварталами. Поэтому,

улицы были ровными, словно стрела, располагались в виде правильной сетки и каждые сто с чем-то метров пересекались между собою под прямыми углами.

На первом же перекрёстке из-за разбитого здания выскочили трое красноармейцев. Все были вооружены трёхлинейками, одеты в потрёпанную советскую форму и явно куда-то спешили. В руках все держали неряшливого вида узлы. Да и двигались они не к линии фронта, а в противоположную сторону.

«Зачем им идти к переправе? – удивился зенитчик. – Ведь никто из них не даже ранен».

Обычно мягкий и интеллигентный Степан Сергеевич вдруг подобрался и рявкнул таким грозным голосом, которого парень ещё ни разу не слышал: «Рядовые, ко мне!»

Солдаты остановились, повернулись на крик и как-то неловко замялись. По лицам было отчётливо видно, бойцам хочется ринуться дальше, но они видели за спиной офицера целый взвод пехотинцев и не решались продолжить свой бег.

Ведь если начнут стрелять вслед, то далеко не уйдёшь. Наконец, дисциплина взяла верх над их нерешительностью. Один за другим, они повернулись и торопливой трусцой направились к седому майору. Подойдя на три шага, они замерли перед офицером в «положении смирно».

– Доложите по форме! – приказал Степан Сергеевич.

– Рядовой Смирнов.

– Рядовой Кошелев.

– Рядовой Пугачёв, – поочередно представились молодые бойцы.

– Где ваша часть? – спросил строго майор.

Старший солдат на мгновение запнулся, пересилил себя и хмуро сказал: «Разбита фашистами возле села Городище».

– Где командир роты?

– Погиб!

– Командир взвода? Командир отделения?

– Погибли! – набычился красноармеец.

– Согласно приказу № 227, подписанному товарищем Сталиным, за оставление позиций без команды начальства вы подлежите расстрелу на месте! – отчеканил майор.

Бойцы уронили узлы, невольно попятились и сжали руками ремни трёхлинеек, висевших у всех за плечами. Заметив, что офицеры держат ладони на кобурах, с открытыми клапанами, дезертиры немедленно поняли своё положение.

Они не успеют перехватить боевое оружие в нужное для стрельбы положение. Их всех убьют значительно раньше. Солдаты не стали сопротивляться и обречённо понурили головы.

Не обращая внимания на реакцию тройки задержанных, майор сурово продолжил: «Как старший по званию, я откладываю расстрел до выяснения всех обстоятельств вашего дела. Зачисляю вас в сводный отряд и совершенно уверен, что вы честно искупите службой свой неблаговидный про-

ступок».

Напряжённое ожиданье, застывшее на лицах бойцов разом исчезло. Все трое облегчённо вздохнули.

– Лейтенант, – обратился майор к взводному, стоящему рядом, – принимайте бойцов.

– Есть! – козырнул Тофик. Он повернулся к неожиданному для него пополнению и приказал: «Встать в середину колонны. На ближайшем привале распределяю вас по подразделениям.

Майор направился дальше, а красноармейцы двинулись следом. Через квартал история вновь повторилась, и отряд увеличился ещё на четырех человек. Скоро таких беглецов набралось на два отделения.

Яков с долей зависти сказал про себя: «Пока они доберутся до мест назначения, Тофик станет командиром роты».

Прошагав около пяти километров, разросшийся взвод покинул район «Баррикады», вышел с юга к большому заводу и оказался перед руинами какой-то постройки.

Некогда высокий забор был совершенно разрушен на всём протяжении. Цеха пострадали от недавней бомбёжки, но всё же не в той сильной степени, как жилые дома.

Видимо, пожарные части прибывали сюда в первую очередь и боролись с огнём намного упорней, чем в рабочих кварталах. А может быть, немцы решил захватить весь объект относительно целым и не стали бросать на него «зажи-

галки» из фосфора?

Заметив корпус, который весьма отличался от производственных сооружений, Яков решил, что это и есть административное здание. Он пригляделся и прочитал на фасаде длинную надпись: «Сталинградский тракторный завод им. Ф. Э. Дзержинского».

– Мне, наверно, сюда, – уныло сказал зенитчик и кивнул на проходную, от которой мало что сохранилось. Он попросился за руку со Степаном Сергеевичем, обнялся с Тофиком и направился к новому месту несения службы.

Парень шагал среди развалин и горестно думал: «Сколько раз везучесть Степана Сергеевича спасала нас всех от неминуемой смерти? Как я теперь обойдусь без помощи «заговорённого» седого майора?»

Возле крыльца Якова остановил часовой с автоматом ППД и спросил, куда он направляется? Узнав, что офицеру нужен штаб полка, солдат проверил документы зенитчика и пропустил его внутрь вестибюля, заваленного строительным мусором.

Следуя стрелкам, нарисованным углем на стенах, лейтенант нашёл лестницу, ведущую вниз. Он спустился по бетонным ступеням, попал в коридор большого подвала и вошёл в кабинет немолодого дежурного.

Там ему очень обрадовались. Капитан прочитал все бумаги, поданные ему лейтенантом. Он подвёл Якова к листу ват-

мана, висевшему на голой стене, и указал на грубую схему, нарисованную карандашом.

В нижней части того чертежа начиналась волнистая линия, обозначающая берег великой русской реки. Под ней было написано: – «Волга». Она шла вверх и вправо. Параллельно главному руслу находился вытянутый наискосок прямоугольник с крупными буквами «СТЗ».

Южный конец огромной площадки был срезан так, что вся площадь завода смахивала на тупое зубило. Над северным краем забора виднелась ещё одна надпись: – «пос. Спартаковка».

Капитан ткнул пальцем в верхнюю половину листа и сказал: «Рядом с главным сборочным корпусом расположены противоздушные батареи зенитных орудий. В каждой имеется по четыре 85-миллиметровые пушки.

Мне сообщили, что на третьем участке недавно погиб командир. Поедешь туда и примешь под своё руководство». – Не обращая внимания на опешившего молодого бакинца, офицер сел за стол и подвинул к себе телефон. Он набрал несколько цифр и вызвал к себе старшину.

Тем временем парень стоял перед схемой и пытался собраться сумбурными мыслями: «Как это возможно? Меня, вчерашнего выпускника войскового училища, ставят командовать батареей зениток. Да мне месяц назад исполнилось всего восемнадцать.

Как я смогу управлять такой оравой людей? Мне бы с од-

ним орудием справиться, а тут их целых четыре. Плюс ко всему, будут прожектористы и расчёт управления артиллерийским огнём, а это самое малое десять бойцов».

Пока Яков так размышлял, в дверь постучали. Вошёл усатый пожилой старшина и поинтересовался у своего командира: «Вызывали меня?»

– Ты сейчас едешь в сторону главного корпуса... – то ли спросил, то ли отдал приказ капитан. – Отвезёшь туда снаряды, бинты и еду. Заодно захватишь с собой командира батареи под номером три и отделение пехоты.

– Да я вчера отвёз туда лейтенанта с солдатами, – удивлённо сказал старшина.

– Больше суток там никто... – офицер вдруг замялся так же, как тот капитан, что оформлял парню бумаги в штабе дивизии. Он сделал паузу и закончил намного нейтральней, чем, видимо, хотел завершить – ...не выдерживает.

Чтобы перевести разговор на менее неприятную тему, он повернулся к ошеломлённому Якову и сообщил: – Во время последнего налёта фашисты там повредили пару зениток. Ночью туда ушли тягачи с группой ремонтников и повезли с собою снаряды и два новых орудия».

Пропустив слова капитана мимо ушей, Яков спокойно подумал: «Значит, мне и жить-то осталось не более суток». Он произнёс эти слова про себя и так отстранённо, словно речь шла не о нём, а ком-то другом.

«Ну что же, другие даже до фронта не успели доехать. Бесславно погибли, кто в акватории Каспия, кто в эшелона, а кто на переправе. Мне ещё повезло. Может быть, даже успею пострелять по фашистам. Если не убьют по дороге». Отбросив горькие мысли, он козырнул капитану и спросил ровным голосом: «Разрешите идти?»

– Идите, лейтенант, – сказал офицер и занялся другими бумагами. Как только Яков покинул небольшой кабинет, он сразу забыл о зенитчике. Ничего не подделаешь, круговерть Сталинградского фронта дала знать о себе. Таких пацанов, как этот «зелёный студент», проходило перед глазами дежурного до десяти и более в день. Если всех удержать в голове, то с ума точно сойдёшь.

Парень вышел за дверь и вновь оказался в коридоре подвала. Подземные помещения проектировались, как бомбоубежище и теперьгодились именно в этом неожиданном качестве. А ведь раньше никто и не думал, что война сможет дойти до Поволжья. Все люди считали, что это бестолковая трата государственных денег.

Увидев старшину, стоявшего у подножья узенькой лестницы, Яков поправил пилотку и устремился к нему. Старожил штаба полка вывел зенитчика в дальнюю часть вестибюля. Здесь тоже не сохранилось ни окон, ни дверей. Весь пол был усыпан битым стеклом и осыпавшейся с потолка штукатуркой.

Проводник повернул вглубь административного здания и быстро пошёл по маршруту, знакомому только ему. По дороге он заглянул в каптёрку хоззвода и прихватил трёх солдат.

Двигаясь маленькой группой, они прошли по переходу, неосвещённому лампами, и оказались в огромном полуразрушенном цехе. Золотые лучи яркого солнца проникали сквозь дыры, пробитые в крыше снарядами. Они косо падали в глубину мрачного здания и освещали станки, заваленные обломками кирпича и бетона.

Прошагав сорок метров, лейтенант с провожатыми очутился у закрытых дверей. Судя по надписи на пыльной стене, здесь размещались помещения складов. Возле них находились две бортовые полуторки.

Старшина достучался до кладовщиков и долго ругался с ними по очереди. Он потрясал пачкой бумаг и требовал всё, что обозначено в его документах. Вплоть до последней пачки махорки.

Наконец, всё необходимое было получено и погружено в автомобили. Яков встал на подножки машин, заглянул в кузова и в полумраке увидел привычную вещь. Всюду лежали длинные ящики со снарядами для 85-миллиметровых зенитных орудий.

Ничему не удивляясь теперь, он проследил, как солдаты уселись на боеприпасы и влез в небольшую кабину второй, очень старой полуторки. Как и следовало всем ожидать,

старшина разместился в первом «ГАЗоне».

Грузовики проехали между рядами разбитого в прах оборудования. Они выскочили из широких ворот, у которых осталась одна только створка и, набирая приличную скорость, рванулись на север. Петля между корпусами, машины мчались вперёд. Яков смотрел по сторонам и видел повсюду огромные здания без окон и дверей и с упавшими крышами.

Объезжая воронки, они проскочили с полкилометра. Солдаты, сидящие в кузове, вдруг взволновались. Они услышали в небе гул авиационных моторов, заметили самолёты фашистов и закричали: «Воздух!»

Прекрасно знакомый с данной командой, Яков схватился за ручку узенькой дверцы и приготовился выскочить из тесной кабины, как только шофёр затормозит. Однако водители даже не думали сбрасывать скорость. Они прибавили газу, и обе машины помчались намного быстрее.

Сверху и сзади послышался вой пикировщика и застрочили два пулемёта. Каким-то шестым, таинственным чувством парень вдруг понял, что же творится у него за спиной.

Две цепочки из пуль впиваются в разбитый асфальт и стремительно мчатся за грузовиком. Через пару секунд они догонят полторку, свинцовым дождём ударят по заднему борту и обрушатся на несчастных солдат, находящихся в кузове. Пули пронзят их тела и вопьются в длинные ящики с боеприпасами. Зенитные снаряды взорвутся и разнесут их

полупорку в мелкие клочья.

Не понимая, в чём дело, парень решил не испытывать злодейку-судьбу. Он приоткрыл створку и приготовился спрыгнуть на полном ходу. За миг до того, как Яков хотел это сделать, всё изменилось. Автомобиль, в котором был старшина, резко вильнул в левую сторону и устремился к длинному цеху. Вторая машина не отставала первой. Зенитчик замешкался, посмотрел на кирпичную стену и увидел пролом, пробитый немецким снарядом.

Дыра от мощного взрыва получилось очень большой. Грузовики влетели в неё, не задев рваных краёв. Они нырнули в непроглядную тьму огромного здания, откатились от «входа» на несколько метров и лишь после этого, затормозили.

Снаружи перестали стучать пулемёты фашистов. Раздался глухой взрыв «лёгкой» бомбы, и самолёт сделал круг над заброшенным цехом. Он не нашёл ускользнувшую куда-то добычу и улетел на поиск другой.

Яков глянул перед собой и испугался уже по новому поводу: «А если бы возле пролома оказались станки или куча битого кирпича и бетона? Мы бы врезались в них со всей скорости и...»

Затем парень понял, что водители гоняют этим маршрутом по несколько раз каждый день. Поэтому знают, куда можно влететь на полном ходу, а куда и нельзя. Ну а тех, кто хоть раз в этом ошибся, наверняка, уже нет в живых

Через пару минут, машины выехали наружу и отправились дальше. Площадь завода оказалась просто огромной. Пока две полуторки добирались до главного корпуса, на них ещё дважды нападали фашисты. Каждый раз, им приходилось гнать, что есть мочи и прятаться от пикировщиков в зданиях. Автомобили ныряли в открытые настежь ворота, а то и просто в проломы.

Оказавшись в укрытии, Яков осмотрел пустой цех с обвалившейся кровлей и печально сказал: «Такое прекрасное предприятие встало из-за проклятого Гитлера».

– Ничего подобного! – ответил шофёр. – Оно продолжает работать! – Заметив удивлённый взгляд лейтенанта, водитель всё объяснил: – Под каждым цехом завода имеются большие подвалы. Как только возникла опасность бомбёжки, всё ценное оборудование немедленно сняли, установили внизу и так же, как прежде, выпускают продукцию.

В первую очередь делают гусеничные тягачи, танки «Т-34», а к ним пулемёты и 76-миллиметровые пушки. Краем уха я слышал, что в июле собрали четыреста пятьдесят бронемашин, а в августе на семьдесят штук больше, чем раньше.

Мало того, собирают всю подбитую поблизости технику. Её цепляют железными тросами и тягачами тащат сюда. Здесь ремонтируют и снова отправляют на фронт.

Вот только эмаль у них вся уже кончилась. Так и идут на-

ши танки на фронт неокрашенными. Кстати сказать, я видел в цехах не только наши машины, но и чужие «коробки». По сравнению с «Т-34», это жуткая дрянь. И броня очень тонкая, и пушки на удивление слабые. Однако, их тоже приводят в порядок, счищают с башен кресты и гонят на немцев.

А посмотришь на их лучший танк, что называют «Т-3» – и поневоле задумаешься, как его не сожгли по дороге и как фашисты добрались до Волги? Мне, например, непонятно... – он чуть помолчал и добавил: – Хотя при мощной поддержке воздушными силами, чего им не рваться вперёд? Их самолёты летают, как дома, и нападают на всё, что хотят. И где, интересно, находятся наши хвалёные «красные соколы»?

Оборвав себя на незаконченной фразе, водитель вернулся к ранее начатой теме: «К сожалению, далеко не всё удалось перебросить под землю. Сверху остались два самых больших производства, которые невозможно убрать с прежнего места: литейка и сборочный конвейер бронемашин.

Их защищают те батареи, куда мы едем сейчас. Нужно сказать, зенитчики работают здорово и не дают проклятым фашистам свободно бомбить эти большие цеха.

Зенитчик часть 2

Военная проза. Повесть «Зенитчик часть 2»

Издана под названием «В боях за город имени вождя» в журнале «Луч» 4(288) стр. 4...27 июль 2017г.

Кроме того, отрывок части 2 издан повторно под названием «Оборона Сталинградского тракторного» в сборнике «Род: Люди». 2021. издательства «Перископ», Волгоград. 2020 г., стр.239...260

Зенитная батарея

В девять утра две машины подъехали к разрушенному забору завода. Они пролетели между кучами кирпичного хлама, в которые превратилось всё ограждение, и выскочили на огромный пустырь. Затем, свернули на север и оказались в ложбинке глубиной в рост человека. Она шла параллельно огромному корпусу и далеко уходила в разные стороны.

Пропылив по низине, грузовики прибыли на место. Слева тянулся невысокий склон балки и защищал их от выстрелов немцев. Справа раскинулась ровная площадка завода.

Тягачи, о которых рассказывал штабной офицер, куда-то ушли. Они оставили новые пушки, а разбитые фрицами взяли с собой. Яков огляделся вокруг. Парень увидел ту батарею, где ему предстояло сражаться с врагами, а скорее всего, умереть в ближайшие сутки.

Она состояла из прекрасно знакомых 85-миллиметровых зениток образца 1939 года, или, как их ещё иногда называли, 52-К. Длинноствольная пушка находилась на тумбе, прикреплённой к металлической раме от трёхтонного грузовика «ЗИС-5». Со всех сторон четырёхколёсной платформы располагались откидные железные «лапы» для упора на землю.

К сожалению артиллеристов, это орудие не имело броневое щита, что спасало обслугу от пуль и осколков. По

две стороны от казённика располагались места для солдат. С помощью маховиков поворотной системы они направляли пушку на цель.

Это было весьма неудобно. Ведь боец, находящийся справа, поворачивал орудие вдоль горизонта, а тот, что был слева – поднимал и опускал длинный ствол. При гибели одного из наводчиков, произвести точный выстрел по перемещавшейся цели было уже невозможно.

Главным преимуществом пушки оказалась её дальнобойность – свыше пятнадцати вёрст. Кроме того, её ствол обладал очень высокой подвижностью. Он перемещался от почти вертикального до горизонтального положения, и даже мог опуститься на три градуса ниже данного уровня. Это позволяло стрелять, как по наземным, так и по воздушным врагам.

Четыре зенитки стояли на северо-западе от неглубокой ложбины, по которой прикатили полторки. Каждая из них находилась в круглом окопе глубиною до пояса и диаметром пять с лишним метров. Поверху всех выемок шли оплывшие брустверы, высотой в локоть мужчины.

Позиции протянулись одной ровной линией. Они размещались метрах в тридцати друга от друга и соединялись ходами для сообщения, имевшими профиль в рост человека.

С обеих сторон находились другие батареи зениток. До них оказалось почти треть километра. За спиною виднелись землянки. К ним уходили траншеи. Ещё дальше, на рассто-

янии полуверсты, темнела громада сборочного цеха завода.

Судя по дрожанию воздуха над пушечными стволами, здесь недавно закончился бой. Впереди, на ничейной земле и вокруг всех орудий, виднелись дымящиеся воронки от бомб, сброшенных фрицами.

По всему выходило, что самолёты противника не сумели прорваться сквозь огонь зенитных орудий. Не долетев до завода, они освободились от смертоносного груза и повернули обратно. Сильно воняло сгоревшим тротилом и пороховыми ядовитыми газами. Всюду валялось множество стреляных гильз и открытых ящиков из-под длинных снарядов.

Измученные боем солдаты сидели кто, где. Они безучастно смотрели на две полуторки, стоявшие между второй и третьей зениткой. Лишь два наблюдателя держали бинокли у глаз и напряжённо смотрели на запад. Вдруг в небе появятся самолёты врага?

Старшина выбрался из тесной кабины, встал на подножке, и чтобы все слышали, прокричал во весь голос: «Из штаба полка вам прислали начальника», – он кивнул на лейтенанта, вышедшего из задней машины.

Парень одёрнул гимнастёрку, стоявшую колом от высохшей волжской воды, поправил пилотку и громко представился: «Лейтенант Малинин, Яков Семёнович. В качестве командира, направлен штабом полка в третью батарею зениток».

О том, что он лишь месяц назад окончил войсковое училище, парень рассказывать, конечно, не стал. По лицам солдат офицер сразу понял, что они и сами обо всём догадались. Уж очень он молодо выглядел по сравнению со старшиной, а его щеголеватая форма была слишком новой и чистой.

Вспомнив слова седого майора, лейтенант быстро продолжил: «Познакомимся позже, а сейчас получите боеприпасы, пищу и медикаменты. Заместитель командира батареи, подойдите ко мне».

Настроившись на очередную пропагандистскую речь о верности Родине, Сталину и «родному правительству», бойцы облегчённо вздохнули, устало поднялись на ноги и привычно потянулись к машинам. В первую очередь, они принялись разгружать деревянные ящики со снарядами. В каждом из них находилось по четыре длинные чушки, весивших от девяти килограммов до пятнадцати.

Покончив с боеприпасами, бойцы вытащили из кузовов фанерные коробки с медикаментами и пачками ядрёной махорки. Следом за ними пришла очередь термосов с кашей и чаем. Один из них, самый маленький, двенадцатилитровый, старшина велел поставить возле себя.

Осматриваясь, Яков пересчитал всех людей, собравшихся возле машин, и с удивлением выяснил, что среди них нет ни одного офицера. Солдат и ефрейторов набралось всего восемнадцать, плюс два наблюдателя, оставшихся возле ору-

дий. Итого будет двадцать.

По всему выходило, что в батарее нет ни одного полного расчёта. Вместо командира и шести бойцов на каждую пушку, имелось всего по четыре, самое большое, по пять человек. У многие имелись ранения. Полосы несвежих бинтов проглядывали сквозь донельзя грязные гимнастёрки и брюки.

Обмундирование зенитчиков оказалось самое разное – от обычной «гражданки» до флотских клёшей и военной формы, с разного цвета петлицами. Вместо привычных всем «мосинок», за плечами укороченные пятизарядные винтовки фашистов. Кой у кого, на головах красовались немецкие каски «М-35» с плоскими козырьками и назатыльниками.

«Хорошо, что эмблемы врага догадались замазать», – сказал себе Яков. Он бросил взгляд на старшину и с удивлением увидел, что тот собирался, раздать «ворошиловский стограммовый паёк».

«Да они тут с утра, что ли пьют?» – возмутился было зенитчик. Потом парень вспомнил о том, что бойцы только вышли из боя и подобная доза их вряд ли сейчас опьянит. Скорее поможет снять сильное напряжение нервов.

Лейтенант хотел пройти по позициям своей батареи и осмотреть все боевые орудия, но что-то его задержало. Яков на секунду задумался и быстро понял, в чём собственно дело.

Вместо принятых по уставу, стограммовых бутылочек, ко-

которые в народе называли «мерзавчиками», старшина был готов выдавать водку «в разлив». Об этой практике парень услышал, ещё находясь в родном жарком Баку. Поэтому не удивился, когда увидел металлический термос, доверху наполненный сорокаградусным вонючим «сучком».

Внимание парня вдруг привлекла необычная мерная тара. Вместо стального стаканчика, укрепленного на длинной тоненькой ручке, мужчина держал в руках стеклянную мензурку, которой насыпали махорку. С виду она походила на стандартную стопку, но, как Яков узнал во время учёбы, жидкости она вмещала в себя чуть меньше, положенного славным наркомом.

– Товарищ старшина! Подойдите ко мне! – окликнул лейтенант виночерпия, готового приступить к напряженной работе.

Удивленный пожилой человек вскинул глаза на новоиспеченного молодого зенитчика и увидел жесткое выражение лица командира. Мужчина не начал перечить в присутствии красноармейцев и счёл за лучшее, исполнить приказ. Он захлопнул крышку термоса с водкой, подошёл на расстояние, положенное по уставу, и, козырнув, замер на месте.

– Покажите посуду, которой вы хотели раздать винное довольствие рядовому составу, – витиевато сказал лейтенант и требовательно протянул правую руку.

Старшина отдал мензурку и, поняв, что за этим последует,

сообщил доверительным тоном: «Мерный стаканчик пробило вражеской пулей. Нового взять было негде, вот я и стал разливать водку тем, что попало под руку. Ёмкость чуть меньше, чем нужно, но полученную при разливании разницу я всегда отдаю офицеру. Так сказать, на непредвиденные войною расходы».

Выслушав предложение взятки, Яков пропустил его мимо ушей, сделал вид, что чего-то не понял и сказал твёрдым голосом: «Я расскажу о вашем трюке солдатам. Думаю, если вы ещё раз, его повторите, то они сильно расстроятся, и в вашу машину может попасть чей-то снаряд. Здесь ведь война. Никто не начнёт вести следствие по поводу гибели ещё одного интенданта. Вам всё понятно?»

– Так точно! – вытянулся во фронт старшина. – Разрешите продолжить раздачу пищевого довольствия.

– Продолжайте! – кивнул лейтенант и ещё на прощание: – Не забудьте накормить всех прибывших бойцов и выдать им «ворошиловские» сто граммов водки. Они уже на передовой, где проходят боевые действия.

– Слушаюсь! – козырнул старшина. Он трусцой вернулся к машине, приказал наделить пищей всех пехотинцев и стал отпускать казённый «сучок». Яков заметил, что у мужчины трясутся холёные руки, и каждому бойцу он наливает по полторы мерные стопки.

– Наконец вы приструнили этого жулика, – послышался

сзади уверенный голос. – А то: кому война, а кому мать родна! Небось, каждый вечер он пьянствует со своими друзьями.

Парень тотчас обернулся и увидел бойца средних лет. На запылённой простой гимнастёрке виднелись петлицы малинового, а не чёрного, как у Якова, цвета.

Небрежно козырнув, красноармеец представился: «Заместитель командира батареи, сержант Иван Лобов!»

– Вы из каких войск? – удивился зенитчик. Затем парень вспомнил, как вместе с солдатами переправлялся через широкую Волгу и, на всякий случай, спросил: – Или на складе не было нужной вам формы?

– Я пехотинец! – без смущения ответил боец. – Вместе со своим отделением, я был приписан к третьей батарее в качестве подразделения охраны. – предупреждая новый вопрос офицера, он объяснил: – Здесь очень быстро все учатся смежным специальностям. На рассвете – ты подносчик снарядов, чуть позже – уже заряжающий, к полудню – наводчик, а к вечеру – командир боевого орудия. Если, конечно, будешь в живых.

– И давно вы здесь пребываете? – спросил потрясённый услышанным, Яков. Он доподлинно знал, что бойцы в орудийных расчётах заменяют друг друга во время жаркого боя. Но не до такой сильной степени, чтобы из обычной пехоты в командиры зенитки.

– Почти двое суток. Считаю, самый старый из всей бата-

реи. Здесь люди долго не держатся. Кое-кого увозят в санбат, а все остальные, отправляются в близлежащие воронки от бомб, – он махнул рукой в сторону сборочного цеха завода.

Яков глянул туда и заметил ряд небольших свежих холмиков. Из каждого одиноко торчала крышка от снарядного ящика. Щиты смотрели на парня внутренней, некрашеной в тылу, стороной. На всех было что-то написано химическим карандашом.

Стараясь отбросить мысли о гибели, лейтенант повернулся к проклятому западу и твёрдо спросил: – Где у вас тут находятся приборы для управления артиллерийским огнём?

– По словам моего молодого предшественника, неделю назад, когда батарея пришла в это место, такие приборы имелись в наличии. У них ещё странное такое название, что-то вроде – пуансона.

«Видимо, до войны он работал на каком-нибудь заводе и был тесно связан с обработкой металла», – подумал вдруг Яков. Парень не стал прерывать заместителя, а только поправил: «ПУАЗО-3»

– Вот-вот, – обрадовался пехотный сержант и тотчас нахмурился: – Да только погибли все эти приборы вместе с расчётом. Бомба попала в окоп, где они разместились.

– Как же вы ведёте огонь? – продолжал удивляться зенитчик.

– С небольшим упреждением, – серьёзно ответил сер-

жант. – Днём это видно по облачкам взрывов снарядов, а ночью нам светят прожектористы. Вчера только подъехали. Вон там, в пятистах метрах к востоку, стоят их машины. Кстати, у них есть телефон, по которому можно звонить в штаб полка.

Яков посмотрел в левую сторону, куда указал заместитель. Там оказалось несколько «ЗиС-12», врытых в пыльную землю более чем наполовину. В кузовах автомобилей стояли прожекторные установки с огромными отражателями, диаметром около полутора метров. Рядом виднелась звукоулавливающая установка «ЗТ-2». Вокруг техники мелькали стройные девичьи фигурки в полевой, ладно подогнанной форме.

«Нужно будет потом, зайти к ним познакомиться, – улыбнулся про себя командир. – Вдруг удастся с кем-то поближе сойтись?»

Ведя за собою начальника, Иван поднялся из узкой ложбинки, где они разговаривали. Сержант оказался на пологом склоне овражка и, низко пригнувшись, шагнул в траншею, ведущую к окопам зениток.

Двигаясь так же, как его заместитель, лейтенант направился следом. Он выбрался на ровное место и очутился в окопе, служившем подобием командного пункта всей батареи.

Сержант встал у стенки и предупредил офицера:

– До ближайших развалин почти полкилометра. Там частенько сидят снайперы фрицев. Так что выглядываем лишь на пару секунд. Смотрим, прячемся и меняем позицию.

– Понял, – ответил зенитчик.

– Ночью фашисты нас почти и не трогают, – объяснял заместитель.

«Ну, да, – подумал вдруг Яков, – в тёмное время, они усиленно бомбят переправы».

Не заметив, что лейтенант отвлёкся на какие-то мысли, сержант сообщил:

– Обычно появляется «рама», чтобы откорректировать огонь своих гаубиц по сборочному цеху завода. Мы договорились со второй и четвёртой батареей зениток. Как только фашист появляется в зоне их досягаемости, наши соседи открывают огонь и отгоняют мерзавца.

Без точной наводки обстрел продолжается короткое время. Чего тратить снаряды, если толком не знаешь, куда нужно бить? Зато утром у нас начинается самое главное. Прилетают бомбардировщики и долбят целый день, с небольшим перерывом на дозаправку горючим и бомбами.

– Как часто они появляются? – спросил лейтенант.

– Каждые четыре часа. Иногда среди дня к ним подключаются пехота и танки. – Иван прервался, указал правой рукой на стену окопа и добавил: – Прямо перед нами стоит большой дом, – он выглянул из-за низкого бруствера, махнул ру-

кой на северо-запад и тотчас укрылся за насыпью. – Кстати сказать, это наш основной ориентир.

Яков повторил манёвр пехотинца и бросил взгляд в сторону указанную ему заместителем. Парень заметил разрушенные невысокие здания, стоящие почти в километре от группы зениток. Он сместился на метр налево, выглянул и увидел, что чуть ближе темнеют руины. В них превратились небольшие скопления частных домов.

Перебежав влево на несколько метров, он высунул голову на пару секунд и изучил открытую площадь между ними и фрицами. Среди огромных воронок Яков заметил кучи железа, в которых угадывались сгоревшие остовы бронемашин. Кое-где из земли, под углами торчали хвосты самолётов, украшенных чёрным крестом.

– С обеих сторон этого поля много развалин. Они закрывают от наших соседей дальнюю часть узкой дороги, что тянется к нам – подсказал усталый сержант, очутившийся рядом. Он опустился на дно небольшого окопа и увлёк за собой командира, что замер на месте. Ещё через миг в бруствер ударила пуля врага.

Усевшись на корточки, сержант сухо продолжил: «Вторая и четвертая батареи зениток находятся чуть в стороне от основного направления удара. Им значительно легче, чем нам.

Мы же торчим на пути у фашистов, только тут могут танки пройти к сборочному цеху завода. Наши орудия простре-

ливают всё открытую площадь. Поэтому фрицы очень хотят сбить нас с этой позиции.

За теми высокими зданиями, что вы видели на северо-западе, они собирают главные силы, выкатываются на ровное место, и мчатся на нас. Тогда мы опускаем стволы до земли и бьём прямою наводкой.

Иногда наши снаряды попадают настолько удачно, что срывают с них башню. Особенно, если это устаревшие танки с маленькой пушкой. Понеся большие потери, фашисты отходят назад.

Вечером они прячутся в низких развалинах частных домов. Ночью скрытно подходят к разбитым машинам, выбирают лишь те, что пострадали не очень уж сильно и тащат к себе. Быстренько их ремонтируют и снова бросаются в бой.

В бинокль видны большие заплатки, наложенные на дыры в броне. Кстати сказать, нашими танками они тоже не брезгуют. Вчера видели две «тридцатьчетвёрки» с крестами на боках и морде. Пришлось и по ним как следует врезать. К сожалению, поджечь их не смогли, и они обе удрали».

До обоняния Якова донёсся запах тёплой перловки. Парень почувствовал, что проголодался, как волк холодной зимой. Он благоразумно решил, что можно чуть отложить знакомство с окружающей местностью и, пока ещё тихо, спокойно позавтракать.

Лейтенант повернулся, высунулся из окопа и посмотрел в

сторону старых полуторок, стоящих в низине. К тому времени, очередь уже рассосалась. Бойцы получили привезённую кашу, разбрелись в разные стороны и принялись за еду.

Командир батареи предложил заместителю перекусить. Лейтенант подождал, пока сержант сходит за посудой в землянку. Когда тот вернулся, Яков достал из своего вещмешка алюминиевый армейский «сервиз» и в сопровождении Ивана направился к термосам с пищей и водкой.

Увидев начальство, старшина не стал сильно жадничать и плеснул в каждую кружку в полтора раза больше положенного. Сержант задумчиво посмотрел на «наркомовские» сто граммов, пробормотал что-то, похожее на небольшую молитву, и проглотил «сучок» одним махом. Он даже не сморщился от резкого запаха и поспешил за едой.

В отличие от заместителя, Яков не выпил полученную дозу напитка. Сорокаградусное спиртное он не любил, тем более, прямо с утра. А если и принимал внутрь на праздники, то лишь сухие виноградные вина. Поэтому парень открыл опустевшую фляжку и слил в неё всё до капли. Мало ли что, вдруг ещё пригодиться, продезинфицировать рану?

Так же, как и все остальные, лейтенант получил миску перловки, сваренной на волжской воде, кусок плотного тёмного хлеба и кружку чая, в котором еле угадывался намёк на заварку.

Он сел на ближайший ящик со снарядами к пушке и, никуда не спеша, спокойно поел. Ржаной тонкой корочкой он

вытер крупинки питательной каши, прилипшие к стенкам посуды, и сунул её в распахнутый рот. Запил скромную трапезу жиденьким чаем, а тем, что осталось, сполоснул миску с ложкой. Потом, весь «сервиз» сложил в вещмешок.

– Товарищ лейтенант, – услышал офицер над собой. Он поднял голову и увидел сержанта. Пехотинец сказал: – Пойдёмте, я покажу вам то место, где живут командир и его заместитель.

Яков встал, закинул «сидор» за спину и прошёл за Иваном. Он спустился по земляным узким ступенькам, укреплённым новыми досками, шагнул в узкую дверь и очутился в тесной землянке.

Свет жаркого дня проникал в помещение сквозь открытый проём и позволял кое-что рассмотреть. Вся мебель оказалась составлена из пустых ящиков от всё тех же снарядов.

Впрочем, её там имелось немного. Две лежанки, стоявшие по сторонам, плюс некое подобье стола и двух табуретов. В ближнем углу находился термос с водой. Вот и вся обстановка.

На левой постели лежала устаревшая железная каска «СШ-36», которая называлась в войсках «халхинголка». Она имела выдающийся вперёд козырек, небольшой гребень на темени и боковые достаточно длинные скаты. Они обладали внушительной парусностью. Особенно, если бежишь навстречу сильному ветру.

Заметив головной защитный убор, Яков чуть усмехнулся: «Хорошо, что не «шлем Адриана» образца 1916 года, а то бы смотрелся сейчас, как обычный пожарник».

Парень взглянул на правую «койку» и рассмотрел, что там лежит солдатский брезентовый «сидор», офицерская войсковая фуражка и шинель с петлицами капитана-артиллериста.

«Вот и всё, что осталось от прежнего командира батареи зениток», – грустно подумалось Якову.

Лейтенант хотел повесить одежду покойного на какой-нибудь гвоздь, вбитый в стену из бревен, но потом передумал: «Сейчас я не дома, а на кровавой войне. Так что хватит миндальничать. Если станет здесь холодно, то хочешь не хочешь, а придётся надеть поверху своей, которую тоже стащили с убитого. Только нужно снять «шпалы» и прикрепить «кубари». Да вот, откуда их взять?»

Поймав себя на такой глупой мысли, Яков вернулся к суровой реальности: «Сейчас на улице жарко. До осени ещё нужно дожить, а пока буду использовать вместо постели».

Парень убрал чужой «сидор» под стол, а свой бросил сверху. Он посмотрел на заместителя, стоявшего возле двери, ведущей наружу, и обратил внимание на то, что между досками тоненькой створки проходят лучи яркого света. Яков подумал: «Нужно будет потом всё же заделать».

Зенитчик тут же отбросил ненужную мысль и спросил: –

А где ваши вещи?

– Это помещение для офицеров, а я сплю вместе с солдатами, – ответил сержант.

Лейтенант вышел из тесной землянки, поднялся на поверхность ложбины и увидел ефрейтора – командира того отделения, что приехал вместе с ним на позиции.

– Покажите мне орудия и познакомьте с людьми, – приказал Яков сержанту. – Заодно распределите по всем расчётам прибывшее со мной пополнение. Вы лучше знаете, где не хватает бойцов и кого, куда нужно поставить.

Сержант повернулся и повёл офицера с ефрейтором от одной пушки к другой. Всюду представлял командира солдатам. Те начали спрашивать Якова о деталях наводки ствола и о типах снарядов. Как оказалось, они ничего толком не знали.

Особенно парень запомнил молодого солдата по имени Павел, который интересовался больше всех остальных. «Ишь, какой любознательный, – отметил про себя лейтенант. – Из него получится хороший наводчик, а то и командир любого орудия».

Пришлось Якову вспомнить всё то, что он изучал в Бакинском зенитном училище. Он многое всем объяснял и тут же показывал. Как это ни странно, но в голове всплыли те знания, о которых, как парню казалось, он давно позабыл. Видимо, занятия с преподавателями пошли лейтенанту на

пользу, и нужная для него информация крепко засела в сознании.

Зенитчик сходу отвечал на все вопросы солдат, чем быстро поднял свой авторитет. А когда он устранил две-три неисправности, которые не разглядели ремонтники, то бойцы, наконец-то, признали его своим командиром.

По завершении знакомства стало понятно, что среди красноармейцев почти нет артиллеристов, а те, что имеются, лишь пушкари, но не зенитчики. Причём, все они, как один, оказались не кадровиками, а когда-то давно служили обычную срочную. И до этого времени в боевых действиях никогда не участвовали.

Распределив пополнение по расчётам орудий, лейтенант хотел было дать всем команду: «Открыть ящики и подготовить к бою снаряды!» – но с удивленьем заметил, что всё уже сделано без указаний.

В половине первого, лейтенант закончил обход. Он сообщил заместителю, что уходит к себе, и отправился в отведённую ему батареей землянку. Не снимая сапог, парень улёгся на жёсткую «койку», вытянулся во всю длину, и внезапно почувствовал, как сильно устал.

За прошедшие несколько суток на его долю выпало столько переживаний и грозных опасностей, что от них голова просто пухла. Да и нагрузка в физическом плане оказалась весьма ощутимой. Яков надвинул пилотку себе на глаза, на

секунду прикрыл тяжёлые веки и провалился в глубокую
тьму.

Оборона сборочного цеха

Находясь в глубокой землянке, парень крепко спал и не слышал грохота канонады, доносящейся с разных сторон: с севера, запада, юга и даже с востока, с берега Волги. Но едва снаружи прозвучал громкий крик: «Воздух! Курс 40! Восемнадцать самолётов!», как Яков вскинулся на ноги, взглянул на часы и зачем-то запомнил: «13.08».

Он выбежал из помещенья наружу и посмотрел в синее небо. Прямо на сборочный цех большого завода летели три эшелона бомбардировщиков с крестами на крыльях. Поблёскивая носовыми бронебойными стёклами, сверху двигались шесть двухмоторных «юнкерсов Ju.88».

«Высота около восьми тысяч метров», – отметил автоматически парень. Он перевёл взгляд чуть пониже и разглядел ещё два звена «хенкелей». Эти находились приблизительно на шести километрах. Под ними шли «лапотники», тоже шесть штук.

Соотнеся видимый размер самолётов с реальным размахом их крыльев, Яков прикинул расстояние до цели. Он понял, что до них около десяти километров и бросился к ближайшей, третьей зенитке.

Парень примчался к орудию и обнаружил, что там командует его заместитель. Лейтенант прислушался к словам

немолодого сержанта и во всём с ним согласился. Опереди он пехотинца на полминуты, сейчас отдавал бы те же приказы.

То есть, стрелять осколочными зенитными гранатами с дистанционным взрывателем. Не желая мешать хорошей работе, он устремился к следующей пушке. Добравшись туда, Яков спросил у наводчиков, как те ведут ближние цели? Он принял доклад и внёс небольшие поправки.

Оказавшись у первой зенитки, лейтенант повторил процедуру. Он убедился, что самолёты уже оказались в зоне досягаемости дальнобойных снарядов и глянул направо.

Сержант стоял возле окопа номер четыре, смотрел на него и ждал команды начальника. Яков набрал воздуха в грудь и гаркнул во всё горло: «Батарея! Осколочными, беглый огонь!» Оглушительно грохнули все четыре выстрела. С обеих сторон отозвались хлопки других батарей.

Десятикилометровое расстояние до цели снаряды преодолели за двенадцать секунд. Сработали взрыватели, установленные на эту дистанцию, и перед летящими бомбардировщиками возникли облачка белых разрывов. Густая шрапнель разлетелась во всех направлениях. Яков увидел, как мотор первого «юнкера» слегка задымил, и убедился, что не ошибся в расчётах.

Подбитый фашист сразу покинул ряды эскадрильи, ушёл

в левую сторону и сбросил бомбы, не глядя, куда они попадут. Скорее всего, он ударил по своим же позициям, но не обратил на подобную мелочь никакого внимания. Пилот развернул самолёт и, быстро снижаясь, потянулся на запад.

Рухнул ли он, где-то в степи или добрался до аэродрома, Яков не знал, но всё равно записал этого фрица на счёт своей батареи. Парень встал в неглубоком окопе между первой и второй пушкой и по мере приближения врага корректировал беглый огонь. Его заместитель командовал на другом фланге участка.

Интенсивный обстрел длился чуть больше минуты, и за это короткое время три батареи отправили в небо почти три сотни снарядов. Верхний эшелон самолётов потерял чёткость строя. Ещё две машины задымили и повернули назад. Все остальные последовали такому примеру. Они освободились от боезапаса над ничейной землёй, и ушли восвояси.

Наводчики перенесли прицел пушек на высоту в шесть тысяч метров и стали стрелять во второй эшелон. Через пару минут плотный беглый огонь рассеял среднюю линию нападавших фашистов.

К этому времени «хенкели» оказались в непосредственной близости от советских зенитчиков и начали на них сбрасывать свой ужасающий груз. Десятки бомб весом в полтонны упали на землю. Мощные взрывы подняли к небу огромные тучи гари и пыли. Тысячи камней и осколков с отвра-

тительным свистом разлетелись в разные стороны, сокрушая всё, что попало у них на пути.

Когда взрывы приблизились к зенитке вплотную, Яков упал на дно небольшого окопа. Он закрыл череп руками и крепко зажмурился. Рядом грохнуло с такой потрясающей силой, что в голове загудело.

Сверху обрушился град мелкой щебёнки, завалил лейтенанта и наполнил атмосферу вокруг мельчайшими частицами почвы. Стало нечем дышать. Яков сдёрнул с макушки пилотку, заткнул нос и рот и, кое-как втянул в себя воздух сквозь пропотевшую ткань.

Парень почувствовал, как по щеке и губе ползёт, что-то тёплое. Он потрогал лицо, взглянул на кончики пальцев и понял, что из уха и носа текут струйки крови. Когда земля перестала дрожать, он приподнялся, посмотрел из траншеи и с удивлением увидел, что орудие слева продолжает стрелять.

Два номера находились на прежних местах. Они крутили маховички поворотного и подъёмного механизма орудия и выцеливали пикировщика, который напал на позицию. Словно сквозь вату, до парня донёсся вой фашистского «лапотника».

Раздался оглушительный взрыв. Туча осколков врезалась в одного из наводчиков и смела его с колёсной платформы. Благодаря силе инерции пушка чуть повернулась.

Прогремел громкий выстрел. Снаряд врезался в брюхо

немецкой машины, выходящей из пике, и разнёс её в клочья. Куски фюзеляжа, крылья и хвост пролетели ещё несколько метров и, кувыркаясь, рухнули вниз.

Яков поднялся на ноги и, шатаясь от лёгкой контузии, помчался к зенитке. Пока он ковылял до орудия, боец уронил подбородок на грудь и начал медленно валиться на землю.

Лейтенант подхватил убитого под руки, отволол его в сторону и сел в железное кресло, мокрое от пролитой крови. Он схватил рычаги и краем глаза увидел, что на место второго номера встал какой-то солдат.

Пушка крутанулась вокруг вертикальной оси и повела длинным стволом в сторону мерзкой сирены, раздавшейся с неба. Глядя в прицел, Яков вращал маховик и наводил орудие по горизонтали. Солдат, находившийся слева, поднимал ствол к высокому небу.

Общими силами они совместили перекрестие прицела с очередным пикировщиком. Яков бросил взгляд на врага. Каким-то мистическим образом, он разглядел ухмылку пилота, что сидел за стеклом, и крикнул: «Огонь!»

Заряжающий дёрнул спусковой механизм. Грохнул выстрел, и кабина исчезла в облаке белесого газа. Взрывная волна разрушила «юнкерс», швырнула обломки в разные стороны, и они рухнули, не задев окопы зенитчиков.

Соседи справа и слева поддержали одинокую пушку. Они открыли ураганный огонь, и туча снарядов полетела в про-

тивника. Заметив усиление стрельбы, звено «лапотников» вышло из боя. Крутившаяся над землёй «карусель» мгновенно распалась.

Оставшиеся самолёты врага сбросили боезапас, не глядя куда, развернулись и улетели на запад. К счастью, последние бомбы не попали в окопы и не причинили зенитчикам никакого вреда.

Какое-то время, пушки стреляли вслед удирающим фрицам, но «юнкерсы» шли над самой землёй и быстро скрылись из вида. Яков оторвался от прицела орудия и весьма неуклюже сполз с сидения наводчика. Голова сильно кружилась, и, чтобы не потерять равновесия, парень схватился рукой за лафет. Потом медленно выпрямился и осмотрелся вокруг.

Витавшая в воздухе, пыль застилала глаза, но он всё же увидел, что пушки стоят на прежних местах, и как ему показалось, – все были целы. А вот с людьми дела обстояли значительно хуже.

Возле четвёрки орудий мелькали лишь несколько красноармейцев. Остальные куда-то пропали. То ли, их всех побил осколками, то ли, контузило взрывами, и теперь они не могли подняться на ноги?

Яков хрипло спросил одного из солдат:

– Где Лобов Иван?

– Убит! – ответил боец и кивнул на человека, лежавшего возле стенки окопа.

Лишь после этого Яков вдруг вспомнил, что сам же стащил заряжающего с железной платформы. Он уложил его рядом с погибшим сержантом, но в суматохе не понял, жив тот или погиб.

Присмотревшись к ранам второго номера пушки, Яков заметил кусочек металла, торчащий у него из виска, и потрясённо подумал: «Ведь он умер вместе с первым наводчиком. Как же он смог тогда выстрелить?»

Повернувшись к солдату, Яков спросил: «А ты как?»

– Оглушило слегка, – ответил красноармеец значительно громче, чем следовало.

«Или сам плохо слышит после контузии, или же думает, что я чуть оглох?» – мелькнуло в голове у зенитчика. Яков попробовал вытереть кровь со щеки, но она уже совершенно засохла. Он кивнул в сторону прочих бойцов, лежащих у пушки, и приказал: «Займись всеми ранеными, а я пойду, гляну, как там другие?»

Посмотрев на часы, Яков удивился тому, что с начала налёта прошло всего тридцать минут. Лейтенанту почему-то казалось, что бой длился значительно больше. Выбросив из головы досужие мысли, он обошёл позиции.

Все орудия посекло осколками бомб, и они нуждались в мелком ремонте. Из сорока двух человек, над которыми парень принял командование утром, остались лишь тридцать четыре. Трёх убило на месте. Пятерых сильно ранило, дво-

их из них тяжело и, видимо, они скоро умрут. Остальные измотаны или контужены.

От ефрейтора, служившего здесь со вчерашнего дня, Яков узнал, что ремонтники оставили на батарее кое-какие запасные части для пушек. Вместе с ним он принёс детали к позиции и занялся заменой повреждённых деталей.

Устраняя поломки, он грустно подумал: «Ещё пара подобных атак, и здесь останется меньше людей, чем до моего приезда сюда».

К счастью, зенитки почти не пострадали от камней и осколков, и их удалось привести в рабочую норму.

Пока он возился с материальной частью своей батареи, бойцы перевязали всех раненых и перенесли двух «лежачих» в землянки. Трое «лёгких» остались, как наблюдатели. Затем здоровые красноармейцы занялись подноской снарядов, и лишь после этого очередь дошла до погибших.

Четыре крепких солдата подходили к покойникам. По очереди брали их за руки и за ноги и почти волоком несли в голую степь, где находилось их «местное кладбище».

Поплевав на ладони, бойцы вырыли в иссохшей земле неглубокую и небольшую могилу, опустили в неё всех убитых и похоронили без всяких речей. Затем, написали фамилии павших на крышке от снарядного ящика и установили тот «монумент» на появившемся холмике.

Красноармейцы, молча, постояли поблизости и вернулись

к пышущим жаром орудиям.

К этому времени, остальные бойцы занимались расчисткой окопов у пушек. Они убрали опустевшие ящики и стреляные гильзы снарядов, подготовили боеприпасы к новому бою и выставили двух часовых.

Потом все повалились там, где стояли, и прямо в пыли, тотчас уснули. Подошедшие с погоста могильщики, не мешкая, присоединились к друзьям.

Зная, что прожектористов есть телефон, Яков кое-как отряхнул запылённую гимнастёрку и брюки и, волоча усталые ноги, пошёл к ближайшим соседям. Он равнодушно взглянул на симпатичную девушку в ладно подогнанной форме, представился командиру команды, возившемуся с аппаратурой, и попросил разрешения позвонить в штаб полка.

Рыхлый, пожилой капитан, сразу всем видно – из штатских, отвёл парня в землянку и указал на полевой аппарат, стоявший на ящике от снарядов для пушек. Зенитчик шагнул к деревянной коробке и открыл верхнюю крышку. Он вынул тяжёлую бакелитовую трубку и нажал на кнопку вызова.

Секунд десять спустя, на том конце провода отозвался приглушенный помехами голос. Узнав, в чём собственно дело, лейтенанта соединили с тем офицером, который дежурил при штабе.

Парень назваля согласно уставу, доложил о потерях, а затем перечислил фамилии, имена и отчества трёх погибших. Он подождал, пока всё записали, и сообщил, что сбиты два самолёта фашистов, а ещё четыре повреждены. Под конец, он добавил, что людей и снарядов у них очень мало. Ещё два таких боя, и позиции будет некем и нечем уже защищать.

Штабной майор сухо ответил, что всё хорошо понимает, но артиллеристов взять негде. Поэтому придётся ему обходиться теми ресурсами, которые есть. Дивизия обещала прислать взвод пехотинцев, и как они только появятся, сразу будут направлены к их батарее. Ближе к вечеру придут полуторки. Они привезут воду, еду и снаряды. На этом разговор и закончился. Дежурный пожелал парню удачи и отключился от связи.

Положив трубку на рычаги, Яков поблагодарил начальника прожектористов и отправился на свою батарею. Он обошёл все орудия и убедился, что наблюдатели не спят, как остальные бойцы, а стоят на прежних местах и осматривают небо в бинокли.

Лейтенант вернулся в землянку и по привычке взглянул на свой скромный хронометр. Парень увидел, что ещё нет пяти, и решил, что стрелки почему-то не двигаются. О том, что случится с ним дальше, он не хотел даже думать.

Открыв металлический термос, Яков напился тёплой воды и, не выходя из помещенья наружу, ополоснул из кружки

лицо. Всё равно пол земляной и влага впитается в него без остатка.

Он немного расслабился и ощутил, что голова продолжает кружиться. Лейтенант опустился на лежанку из ящичков, поудобней устроился на уставшей спине и опустил тяжелые веки.

Перед глазами возникло множество радужных разноцветных колец. С каждой секундой они становились крупнее и ярче, заполняли всё пространство в его голове, и казалось, хотели взорвать её изнутри.

Когда стало казаться, что мозг не выдержит такого напора, свет стал постепенно бледнеть и слабел до тех пор, пока совсем не погас. Потом всё повторилось, но парень уже крепко спал и фантаσμαгорию пылающих всполохов видел во сне.

Вторая атака

Минут через тридцать раздался знакомый крик наблюдателей: «Воздух!» – кричали они.

Очнувшись от забытья, лейтенант вскинулся на ноги. Забыв о контузии, он ринулся к выходу. Очутившись на пороге землянки, Яков остановился и вернулся назад. Он схватил «халхинголку», нахлобучил её поверх пыльной пилотки и, затягивая под подбородком тугой ремешок, помчался наружу.

Быстро взбежал по короткому склону, поднял глаза к синему небу и увидел ту же картину, что в полдень. Так же, как и четыре часа назад, к сборочному цеху завода двигались три эшелона бомбардировщиков с крестами на крыльях. Только теперь в каждом из них находилось по пятнадцать самолётов фашистов. Следом за этой армадой виднелся такой же внушительный строй воздушных машин.

«Похоже, сейчас врежут не только по нам, но и по всем остальным», – понял вдруг Яков. Словно услышав мысли бакинца, самолёты не спеша перестроились и вытянулись в длинную линию. Теперь шли сразу на три батареи зениток.

Лейтенант оббежал все позиции, отдал нужные солдатам команды и крикнул: «Огонь!»

Соседи справа и слева тоже не сидели без дела. Они по-

сылали снаряды так часто, как только могли.

В этот раз двухмоторные «юнкерсы» шли на максимально большой высоте. Когда гранаты зениток начали рваться вблизи самолётов, пушки уже оказались в зоне их досягаемости. Боясь попасть под прицельный огонь, пилоты не стали снижаться. Они наплевали на точность, открыли все люки и сбросили груз.

Заострённые цилиндры с тротилом освободились от прочных захватов и вереницей посыпались вниз. Большая часть смертоносных снарядов обрушилась на ничейную полосу, но приблизительно четверть достигла намеченной точки.

Чувствительные запалы сработали от удара о землю. Полутонные бомбы взорвались с ужасным шумом. Оглушающий грохот перекрыл стрельбу орудий и прокатился по батарее, как ураган.

Ударные волны шли по площадке сразу во всех направлениях и словно кувалдой били во всё, что встречалось у них на пути. Сжатый воздух сминал советских солдат и швырял их на многие метры в разные стороны. Он сносил стенки окопов и хотел опрокинуть пятитонные пушки. Раскалённые кусочки металла с душераздирающим визгом летали вокруг.

Продолжая командовать, Яков взглянул на расчёт первой

зенитки и со страхом увидел, как он попал под удар кучи осколков. Правый наводчик, подносчик снарядов и заряжающий залились потоками крови, рухнули наземь и задёргались в предсмертной агонии. Пушка подняла ствол к небу и перестала стрелять.

Левый наводчик выпрямился, беспомощно повертел головой, но не нашёл вокруг никого, кто бы мог заменить всех убитых бойцов. Рядом стоял лишь наблюдатель, раненный в грудь. Тот нерешительно встал на платформу и замер на месте. Он не мог ни крутить маховики, ни подносить большие снаряды. Единственное, что ему оказалось под силу, дёргать рычаг спускового устройства.

Прижав рукой сползавшую каску, Яков метнулся на помощь. По дороге он спрыгнул в окоп второго орудия и разглядел, что возле зенитки находилось пять человек.

Лейтенант перехватил пехотинца, несущего длинный снаряд к казеннику пушки, приказал отдать его заряжающему и двигаться следом. Вместе с красноармейцем он добежал до первой позиции. Сам занял место наводчика справа, а солдата послал к штабелю ящиков.

Едва он устроился на жестком сидении, как за спиной лязгнул затвор, проглотивший боеприпас. Парень облегчённо вздохнул, прильнул к прицелу и стал выцеливать самолёты врага.

Всё это время, вокруг рвались тяжёлые бомбы и гремели ужасные взрывы. Над ухом свистели осколки, а воздух на-

полнили копоть и пыль, поднятая с почвы ударной волной.

Не обращая вниманья на смерть, витавшую рядом, Яков поймал очередной «юнкерс» в перекрестье визира и крикнул: «Огонь!» Грохнул выстрел орудия. Вспухло облако газов сгоревшего пороха, и у самолёта исчезла большая часть левой плоскости. Машина вдруг задымила и завертелась юлой. Она резко клюнула носом, вошла в плоский штопор и с громким воем врезалась в землю.

Поворачивая пушку к другому фашисту, парень бросил взгляд на батарею соседей. В этот момент, бомба попала в одно из орудий. К небу поднялся султан гари и дыма. В нём кувыркались казённик и горящие колёса платформы. Рядом мелькнули куски человеческих тел, разорванных на много частей.

Времени на сильную скорбь ни у кого не имелось. Сражение вокруг продолжалось с тем же ожесточением, что и секунду назад. Пилоты врага бросали тяжёлые бомбы на все батареи.

Зенитчики защищали цеха Сталинградского тракторного, вели ураганный огонь и сбивали фашистских стервятников одного за другим. И те, и другие несли большие потери, и никто не хотел уступать.

Вот только, фашисты рвались вперёд ради мифического мирового господства. В то время, как наши солдаты защищали Отчизну. Они бились с врагами, что хотели их всех

превратить в бессловесных рабов, а то и совсем уничтожить.

Через десять минут первая волна самолётов израсходовала боезапас, развернулась на запад и направилась к аэродромам. Возвращались они не таким чётким строем, как летели сюда. Каждый двигался сам по себе, не соблюдая порядка. Число исправных машин сократилось на четверть. Остальные дымили моторами и едва шевелили рулями, пробитыми советской картечью во многих местах.

Невзирая на повреждения бомбардировщиков, гитлеровские пилоты облегчённо вздохнули. Они радовались небольшой передышке и верили, что теперь они в безопасности.

А вот советским зенитчикам не удалось даже слегка отдохнуть. Вторая волна вражеских асов сменила ушедшую к западу, и крошечный ад открыл на земле ещё один филиал. Позиции всех батарей потонули в грохоте пушек и взрывов.

Не сбавляя максимального темпа, Яков крутил ручки маховиков. Он поворачивал пушку в горизонтальной плоскости и целился в самолёты противника с помощью второго наводчика. Подносчик снарядов таскал боеприпасы и заряжал длинноствольную пушку. Раненый наблюдатель стрелял. И эти три операции повторялись снова и снова.

Лейтенант почти что, оглох от непереносимого шума. Несколько раз осколки рвали сапоги и одежду, резали кожу на руках и ногах, и били в железную каску. Если б не шлем, парень, наверняка, был убит.

В разгар смертельного боя кто-то вдруг крикнул: «Танки идут!» – и всё стало значительно хуже, чем было до этого.

Опустив взгляд к земле, Яков посмотрел на северо-запад и с удивленьем увидел, как из-за дальних развалин показались две «тридцатьчетвёрки». Он чуть не крикнул: «Наши, ура!» – но вовремя понял, что сильно ошибся.

На броне виднелись кресты, а следом шли пять или шесть фашистских «Т-3» с короткими двухдюймовыми пушками. За ними мелькали стальные «коробки», вооружённые меньшим калибром – от двадцати до тридцати семи миллиметров.

Лейтенант огляделся и с радостью понял: расчёты, в общем-то целы, и хотя в них по три-четыре бойца, все ведут беглый огонь по самолётам противника. Ещё парень заметил, интересную вещь.

Узкий просёлок, по которому двигался враг, шёл наискосок и упирался в прогал, что находился между его батареей и соседями справа. То есть, бронемшины иногда подставляли свой бок под выстрел первого и второго орудия.

На расстоянии в тысячу метров их зенитные пушки пробьют даже 100-миллиметровую лобовую броню. Ну, а если возникла возможность врезать по цели, в слабое место, то почему бы её не использовать? Во-первых, в боковую часть танка легче попасть. Во-вторых, подобный удар нанесёт неприятелю более весомый урон.

Встав на площадку, на которой сидел, Яков напрягся и, перекрывая шум боя, крикнул во весь голос: «Первое и второе орудия! Бронебойными по танкам! Третье и четвёртое, продолжайте стрелять по самолётам врага!»

Несмотря на хлопки громких выстрелов и грохот разрывов, лейтенанта услышали на второй, ближайшей позиции и немедленно выполнили эту команду. Его и вторая зенитка опустили стволы.

Две остальные продолжили яростно бить в высокое синее небо. Оттуда по-прежнему слышался вой пикировщиков, падали бомбы и глухо трещали пулемётные очереди.

Не отвлекаясь на то, что творится вверху, Яков стал поворачивать пушку в сторону дальних развалин. Парень поймал в прицел ближайшую «тридцатьчетвёрку», поругался на то, что приходится бить по машине завода, который сейчас защищает, отдал команду: Огонь!

Бронебойный заряд попал в носовую часть башни и окутал её облаком дыма. Машина резко затормозила, а затем и остановилась совсем. Взрывная волна угодила в скошенную лобовую плиту, врезалась в неё под углом и не смогла одолеть прочную сталь. К счастью, удар оказался настолько силен, что поворотные механизмы заклинило, и 76-миллиметровая пушка потеряла подвижность.

Несмотря на поломку, фашисты не вышли из боя. Поочередно подрабатывая гусеницами, танк повернулся и его вну-

шительный ствол нацелился напрямиком на окоп.

Тёмное жерло застыло на месте, и из него вылетел сноп белого дыма с огнём. Снаряд врезался в грунт возле самого брестера. К небу взметнулся вал иссохшей земли и накрыл весь расчёт.

Зенитка пальнула в ответ и попала между лобовой маской и бронекорпусом танка. Струя раскалённого газа пробила 45-миллиметровую стальную броню. Она влетела в машину и сожгла внутри всё, что в ней находилось. От высокой температуры сработал боезапас, который хранился в отсеке. Мощный взрыв оторвал башню от ходовой части и швырнул далеко в левую сторону.

Закончив с артиллерийской дуэлью, Яков взглянул на другую «тридцатьчетвёрку». Он сразу вспомнил, что краем уха услышал, как зенитка соседей дважды пальнула. Правда, её два снаряда врезались в танк чуть пониже.

Первый снёс пару передних катков и разорвал ту гусеницу, что справа. Машина закружилась на месте, остановилась, но так для себя неудачно, что подставила бок под новый удар.

Второй снаряд пробил прочный корпус, взорвался в моторном отсеке и разворотил мощный двигатель. Осколки пробили баки с горючим. Солярка хлынула на развороченный дизель и вспыхнула чадным огнём.

Два уцелевших фашиста выскочили из горящей машины и ожившими факелами заметались по полю. Они слепо поты-

кались в разные стороны, упали на землю и застыли навечно.

У Якова не было ни желания, ни времени жалеть неприятеля. Он перевёл прицел на ближайший «Т-3». Прозвучал оглушительный выстрел, и в броне угловатой машины появилась дыра размером с кулак. Внутри крупной башни что-то вдруг грохнуло. Пара люков сразу открылась, но наружу никто не полез. Вместо людей повалил очень густой чёрный дым.

С другими немецкими танками произошло нечто подобное. Яков действовал удивительно чётко, так же, как на учебном полигоне училища и не обращал внимания на то, что фашисты палят из десятка стволов.

Ничего с этим сделать нельзя. Оставалось лишь положиться на благосклонность судьбы. Парень вспомнил, как говорила его старая бабушка: «Бог не выдаст, свинья-то не съест!» Он отбросил посторонние мысли и сосредоточился на быстрой стрельбе.

Машины, что ехали сзади, были устаревшей конструкции и имели броню, способную выдержать только огонь пулемётов. Снаряды их пушек оказались значительно мельче, чем у советских зениток, но это не делало их совсем неопасными.

Попади они в механизмы орудия, и оно тотчас выйдет из строя. А осколки и взрывная волна могли очень легко убить человека. К счастью, пока всё обходилось, и зенитки поджигали «коробки» противника одну за другой.

Наконец, главная сила врага была уничтожена. К тому времени, от батареи до фрицев оставалось всего полкилометра. У них уцелело лишь три или четыре «Т-2» и ещё какая-то дрянь, что привезли из Италии, Франции и других стран-сателлитов, которые дружили с фашистами.

Все они оказались вооружены пулемётами и малокалиберными авиационными пушками, калибром около двадцати миллиметров. Поэтому, не шли напролом, как «тридцатьчетвёрки» и средние танки «Т-3».

Они укрывались за подбитыми недавно «камрадами» и выкатывались на прямую наводку всего на пару секунд. «Коробки» строчили из «MG-34», посылали короткую очередь из нескольких мелких снарядов и удирали назад.

Клубы чёрного дыма и горящие бронемшины закрывали от советских зениток большую часть огромного поля. Попасть в маневрирующие небольшие машины было удивительно сложно. Это позволяло фашистам почти безнаказанно обстреливать всю батарею.

Стараясь угадать, из-за какого укрытия появится следующий «panzer», Яков переводил прицел с одного подбитого танка на другой. Он слышал свист пуль и осколков, пролетающих мимо, и с содроганием думал: «Рано или поздно они перебьют нас всех до единого. А здесь нет даже пехоты для нашей охраны – подойдут фрицы вплотную и возьмут под белые ручки».

Ощутив новый удар по платформу, Яков чувствительно вздрогнул. Разрывы бомб и снарядов обрушили стенки окопа и наполовину засыпали его рыхлой землёй. Теперь зенитка стояла в маленькой впадине с пологими склонами, и в неё без всяких препятствий залетали куски свинца и металла.

Парень продолжил стрельбу и горько подумал: «Почему же конструкторы не поставили металлический щит, как это делают на обычных орудиях? Он закрывал бы расчёт со стороны неприятеля, и у нас было больше шансов на то, чтобы остаться в живых».

Из-за чадающего танка «Т-3» вынырнул угловатый уродец, раскрашенный в камуфляж пустынных цветов. Он дал очереди из авиационной пушки и пулемёта и, двигаясь задом, рванулся в укрытие.

В этот момент, «коробка» попала в перекрестье прицела и получила 85-миллиметровый снаряд прямо в лоб. Сорванная мощным ударом башня слетела с гусеничной платформы и, подсакивая, словно консервная банка, покатилась по иссохшей земле.

Яков проводил её взглядом и увидел жуткую вещь. Из дальних развалин показалась небольшая колонна колёсных и полугусеничных бронетранспортёров. На крыше каждого стоял пулемёт и маячил расчёт из двух человек. Немного отстав, ехали грузовики со снятыми тентами. Они мало чем отличались от советских полуторок и вмещали не более два-

дцати фрицев каждый.

– А вот и подмога к ним подоспела! – пробормотал лейтенант. Он крикнул наводчику второго орудия: «Осколочными по пехоте!» – и перевёл визир своей пушки на головную машину.

Яков прицелился, послышался выстрел, и парень увидел, что угодил в радиатор того «ханомага», который шёл впереди. Не рассчитанный на попадание большого снаряда, бензиновый двигатель тут же сорвался с креплений. Он смял водителя и командира, сидевшего рядом, влетел в пассажирский отсек и перемолол в кровавую кашу десять «панцергренадеров».

Залп обоих орудий уничтожил два броневедомокола, а второй добавил ещё одну пару. Потом дошла очередь до грузовиков. Едва первый из них разлетелся в мелкие клочья, как все остальные затормозили. Солдаты начали прыгать через борта, падать на землю и разбегаться в разные стороны.

Оставленные без внимания зенитчиков, лёгкие танки выскочили из-за укрытий. Они открыли пальбу из скорострельных пулемётов и пушек, рванулись вперёд и удивительно быстро, помчались вперёд.

Артиллеристам весьма повезло. Рельеф местности сильно помог уцелеть их орудиям. Оказавшись на открытом пространстве, машины лишились защиты развалин, которые их закрывали от других батарей, расположенных справа и сле-

ва.

Командиры соседей заметили атаку «коробок» и отдали новый приказ. Половина зенитчиков оторвалась от налёта «лаптёжников», перевела стволы своих пушек в горизонтальную плоскость и стала стрелять по врагам, которые шли по земле.

Лёгкие танки попали под плотный перекрёстный огонь, и через десять минут, все до одного, запылали дымным костром. Между ними металась горящая фигурка фашистов.

Последний «panzer» оказался в ста метрах от Якова. Парень со страхом подумал: «Хорошо, что всё поле перерыто воронками. Машины бросало в разные стороны, и стрелки не могли достаточно точно навести свои пушки. Иначе перебили бы нас за тридцать секунд!» – он отбросил невесёлые мысли и продолжил уничтожать автомобили захватчиков.

Освободившись от сотен солдат, грузовики разворачивались и пытались удрать с поля боя. Однако, зенитчики не позволяли им этого сделать. «Опели», «стайеры» и «феномены» взрывались от каждого попадания и превращались в кучи раскалённого жаром железа. Часть шоферов не успевала покинуть кабины и сгорала вместе с машинами. Другие катались по пыльной земле и пытались сбить пламя, охватившее тело.

Покончив с транспортом немцев, что не успел скрыться в развалинах, Яков облегчённо вздохнул и окинул придири-

чивым взглядом поле сражения. Оно дымилось воронками и остовами разнообразных машин, но никаких шевелений лейтенант не заметил. Он хотел посмотреть, не нужно ли подключиться к товарищам, отражавшим воздушный налёт, но почему-то замер на месте.

Он сидел неподвижно и не понимал, почему не приказывает наводчику слева поднять ствол орудия к небу? Ведь там, наверху, так же, как прежде шёл бой с фашистами. Вой пикирующих бомбардировщиков рвал перепонки в ушах. Гремели зенитки, взрывались различные бомбы. Очереди из пулемётов стегали по почве во всех направлениях, а осколки отвратительно цокали по металлу платформы.

Повернув орудие на северо-запад, Яков прильнул к окуляру и взгляделся в руины домов, до которых оказалось всего триста метров. Он заметил немецких солдат, что часто мелькали среди пыльных развалин. Пригибаясь к земле, они перебежали с места на место, выскакивали на открытую местность и укрывались в глубоких воронках от бомб.

Лейтенант посмотрел на юго-запад и увидел ту же картину. «Пока мы отбивались от самолётов и танков, – понял зенитчик, – пехота подошла к нам вплотную и сейчас рванётся в атаку».

– Второе орудие! – во весь голос закричал лейтенант, – осколочными гранатами по развалинам справа! Огонь! – сам он начал стрелять по руинам, находящимся слева.

Установленный на минимальную дистанцию, взрыватель снаряда сработал в трёхстах метрах от жерла пушки. Шрапнель разлетелась в разные стороны и накрыла не менее, чем два отделения. Сбоку грохнул ещё один выстрел, и та же печальная участь постигла фашистов с другой стороны.

«Лапотники» всё крутили свою «карусель» и один за другим, нападали на батарею зенитчиков. Осколки и пули косили солдат. Через какое-то время, вместо трёх пушек, что подносили снаряды к орудию, осталось по одному человеку.

Причём им приходилось выполнять роль заряжающего, и производить выстрел по команде наводчика. Все бойцы имели небольшие ранения и оказались сильно измотаны. На соседних позициях дела обстояли не лучше, и плюс ко всему, они были заняты борьбой с пикировщиками.

Пока уцелевшие красноармейцы бегали за снарядами к ящикам, штурмовая группа фашистов поднялась в полный рост. Фрицы вдруг закричали: – «Hurra!» – и рванулись к зенитчикам с удивительной прытью. За ними спешили обычные пехотинцы с винтовками.

Заметив атаку «камрадов», пилоты бомбардировщиков побоялись попасть по своим. Они перестали пикировать на батарею, где находился Яков Калинин, и сбросили бомбы на их соседей справа и слева. Потом, брызнувши в разные стороны и поодиночке устремились на запад.

Фрицы промчались сто с чем-то метров, приблизились на

расстояние прицельной стрельбы и стали палить на ходу, из «шмайсеров» и ручных пулемётов. Выпущенные из десятков стволов кусочки свинца противно свистели в окружающем воздухе. Они выбивали из почвы фонтанчики пыли, громко стучали по железной платформе и высекали пучки длинных искр.

Грохнул пушечный выстрел. Яков увидел, как снаряд его пушки попал в грудь очень крупного молодого фельдфебеля с «MG 34» в руках. Раздался оглушительный взрыв, и ударная волна детонации превратила фашиста в кровавые брызги. Оторванные руки и ноги отлетели в разные стороны, а голова в металлической каске упала на землю и, словно мяч, покатила вперёд.

Сотни осколков врезались в бегущих врагов, и убили и искалечили всех, кто находился вокруг. Мёртвые штурмовики споткнулись на полном ходу и, словно колоды, рухнули в пыль. Живые завывали от ужасающей боли и, хватаясь за раны, покатались по пыльной земле. Но даже большие потери не прекратили атаку захватчиков.

Оглянувшись назад, Яков заметил, что заряжающий бежит за снарядом. Что-то попало бойцу в правую ногу. Он нелепо качнулся, потерял равновесие и упал лицом вниз. С осязательным трудом боец перевернулся на спину. Отталкиваясь от земли сапогом и руками, он еле подполз к штабелю ящиков и сел возле него. Потом, стащил с плеча карабин, передёрнул затвор и приготовился к стрельбе по врагам.

– «Снарядов больше не будет!» – подумал вдруг Яков: – «Сейчас немцы окажутся рядом. Командир второй батареи увидит, что они уже здесь и прикажет врезать по нам. Чтобы пушки не достались врагам, и они не ударили с фланга в него!»

Не желая безропотно ждать, когда его кто-то убьёт, парень прыгнул с неудобного кресла наводчика, отошёл на два шага назад и присел за невысокой станиной орудия. Какая никакая, а всё же защита от пуль стреляющих фрицев.

Выхватив из кобуры пистолет, лейтенант снял оружие с предохранителя и взялся левой рукой за воронённый затвор. Защитная коробка ствола сдвинулась немного назад. С тихим щелчком взвёлся курок.

Яков плавным движением отпустил тугой механизм, увидел, что он вернулся на место и с облегчением услышал, как тупорылый заряд вошёл в открытый патронник. Теперь можно было стрелять по врагам.

Парень поднял «ТТ» на уровень глаз. Как можно удобнее, он положил правую кисть на спущенное колесо платформы зенитки. Рядом устроил ладонь левой руки. Свободными пальцами он обхватил свой кулак, с зажатым в него рукоятью оружия, навёл мушку на ближайшего фрица и нажал на спусковую скобу.

Послышался выстрел, очень негромкий в окружающем шуме смертельного боя. Отметив, что попал в того пехотин-

ца, в которого целился, лейтенант стал посылать в нападающих пулю за пулей.

С другой стороны от орудия расположился левый наводчик. Пожилой усатый боец встал на колено левой ноги. Скинул с плеча винтовку под названием «mauser» и примкнул к ней штык армии Гитлера.

Данный предмет весьма отличался от четырёхгранных советских штыков, предназначенных для «трёхлинейки» конструктора Мосина. Это был достаточно длинный, широкий, обоюдоострый кинжал.

Мужчина привычно поднял оружие и дослал в ствол патрон. Он опёр цевьё на пробитое колесо платформы зенитки и, без всяких эмоций, прицелился в бегущих фашистов.

Штурмовики, сломя голову, мчались вперёд. Все старались, как можно быстрее, пересечь открытое место. Они бежали, не пригибаясь, и палили на полном ходу. О точном огне не могло быть и речи, но пули свистели так близко и часто, что уберечься от них оказалось почти невозможно.

Находясь в неглубоком укрытии, Яков вдруг успокоился, и начал действовать так, словно вновь очутился в тире училища. Дымящиеся гильзы «ТТ» вылетали из выводного окна одна за другой. Тяжёлый затвор дёргался после каждого выстрела, возвращался на прежнее место и загонял новый заряд в опустевший патронник.

Зенитчик всегда отличался завидною точностью на огне-

вом рубеже. Сейчас лейтенант находился в очень удобной позиции. Бил не спеша и с упора, и каждым выстрелом срезал врагов одного за другим.

Выпустив все восемь зарядов, парень увидел, что кожух затвора не вернулся назад, как положено. Оголив круглый ствол, он остался в том положении, куда его откинуло выстрелом.

Левой рукой Яков выхватил из подсумка запасную обойму. Большим пальцем правой нажал на защёлку. Свободными пальцами левой ладони освободил и вытащил из рукояти пустой магазин. Мгновенно сменил его на заряженный.

Большим пальцем правой руки парень спустил рычажок «затворной задержки». Приготовился к ведению огня и вдруг увидел нечто ужасное. Оказалось, что пока он возился с оружием, фашисты приблизились к краю окопа.

К счастью зенитчиков, к тому времени, они уже опустошили магазины у карабинов, «шмайсеров» и всех пулемётов. Не имея возможности пополнить запасы патронов, он дружно бросились в рукопашную схватку.

Убив высокого фрица, бегущего к пушке, парень сдвинулся в сторону. Он пропустил мимо себя уже мёртвое тело, которое продолжало упрямо бежать. Яков заметил приклад, летящий в лицо. Он резко отпрянул назад. Грохнулся на спину и выстрелил снизу в нападавшего немца.

Тяжёлая пуля пробила лобную кость, влетела в череп фа-

шиста и превратила мозг нападавшего в серое жидкое месиво. Из носа и рта мертвеца хлынула алая жидкость. Подчиняясь инерции, покойник устремился вперёд, и рухнул на Якова.

Стараясь убраться из-под тяжёлого трупа, лейтенант ринулся в сторону. Опёрся левой рукою о землю и ощутил под ладонью черенок от сапёрной лопатки. Парень до боли сжал крепкие пальцы. Вскинулся на ноги и, стараясь удержать равновесие, взмахнул небольшим инструментом.

Рядом с ним оказался огромный фашист. Он держал карабин, словно дубину, и пытался ударить зенитчика сверху. Парень повёл рукой в обратную сторону и рубанул по горлу врага.

Остриё перебило артерии с мышцами. Из глубоких разрывов ударила горячая кровь. Штурмовик уронил верный «маuser» и схватился за рану руками. Он упал на колени, как богомолец, и, содрогаясь в страшной агонии, свалился ничком.

Затем, началось настоящее месиво. Вертясь, как юла, Яков уходил от ударов фашистов. Бил лопаткой вправо и влево, но когда понимал, что не успеет дотянуться до немца, палил из «ТТ».

Краем глаза, он видел, что левый наводчик расстрелял все патроны. Поднялся на ноги и, следуя правилам боя штыком, направил винтовку вперёд. Мужчина отбил мощный удар, направленный в грудь. Продолжая движение, он врезал при-

кладом в морду напавшего фрица. Тот слетел с ног, словно лёгкая кегля и укатился куда-то в сторонку.

Боец выставил ствол перед собой и воткнул длинное лезвие в живот другого фашиста. Острый клинок вспорол всю одежду и потное тело. Стенки брюшины разъехали в стороны. Серо-багровые органы кучей рванулись наружу.

За спиной Якова грянул раскатистый крик. Послышалось родное: – Ура!

Откуда-то сзади выскочило с десятков бойцов. Они в едином порыве помчались вперёд. Немцы слегка отшатнулись назад. Ряды враждующих армий мгновенно смешались. Образовалась огромная свалка.

Теперь, никто из противников не чувствовал рядом своих. Каждый видел только врага. Он дрался сам за себя и за свою драгоценную жизнь. Крики ярости, злобы и боли, слились в общий, неразборчивый рёв.

Чавканье разрубленных тел, треск перебитых костей, хрип раненых и уже умирающих, сопровождали картину неистовой битвы. Их дополнял безудержный мат на двух языках.

Каким-то неведомым чудом молодой лейтенант оказался во втором эшелоне безудержной схватки. Он перевёл сбившееся от напряжённого дыхания и, как можно скорее, перезарядил пистолет.

Стараясь не угодить в советских солдат, офицер стал па-

лить в проклятых фашистов. Яков был приличным стрелком. Ему не составляло труда, продырявить нужную цель, находящуюся недалеко от него. Захватчики падали один за другим.

Выпустив последний патрон из «ТТ», парень пошарил взглядом вокруг. Он поискал любое оружие, готовое к бою. Везде валялись неподвижные трупы. Среди них, лежали винтовки с пустыми затворами и несколько «шмайсеров» без магазинов.

Похоже, что и те и другие противники, опустошили обоймы, когда фашисты бежали к зениткам. А после того, как столкнулись с врагом, перезарядиться уже никто не успел. Все стали драться лишь тем, чем попало под руку. В ход шли штыки и приклады, лопатки и железные каски.

Все впали в какую-то жуткую, невероятную высокую степень агрессии. Все били руками, ногами и головами туда, куда попадут. Остервенело душили друг друга. Рвали зубами лица и глотки. Давили пальцами в глаза неприятеля до тех самых пор, пока они не вытекали наружу, как грязное жидкое месиво.

Смертельные недруги не уступали друг другу ни в силе, ни в ловкости, ни в злобе, ни в ярости. Какое-то время не удавалось понять, на чьей же стороне перевес?

Убитые и раненные безвольно вались на землю, но живые и там продолжали борьбу. Все дрались до тех самых пор, по-

ка кто-то из них, не отдавал свою душу жестокому богу войны.

Дерущихся с обеих сторон становилось всё меньше и меньше. Яков подумал, что скоро останется только он, да какой-нибудь молоденький «обер». Так что, придётся им в последнюю очередь кинуться в битву. Так делали вожаки крупных стай, состоящих из диких зверей.

Найдя трёхлинейку с примкнутым штыком, парень поднял винтовку с земли, взял оружие наперевес, как учили инструкторы по рукопашному бою, и, шатаясь от сильной усталости, двинулся на помощь своим. Тем, кто ещё кое-как стоял на ногах.

Тут он со страхом увидел, что со стороны неприятеля бежит с полсотни солдат. Они не были такими молодыми и сильными, как штурмовики, что напали на батарею зенитчиков. В начале атаки, пехотинцы среднего возраста сильно отстали от своих резвых «камрадов» и не могли их тогда поддержать.

Зато, когда они оказались у места сражения, то успели сменить магазины. Если бы не общая свалка, в которой невозможно понять, где русские, а где фашисты, то перестреляли бы всех за пару секунд. Сила вдруг оказалась на стороне немецких захватчиков. Красноармейцы медленно подавались назад.

– «Сейчас, нас окружают и сразу убьют!» – понял вдруг Яков и приготовился к неминуемой смерти.

Секунду спустя, он услышал лающий крик на чужом языке: – Panzer! – вопил кто-то из фрицев. Его громкий испуганный вопль поняли все, кто находился поблизости. Даже те, кто неистово дрался и, казалось, не замечал ничего, что творится вокруг.

Удивительно дружно немцы отступили на шаг. Они разом все повернулись и, подхватив легкораненых под руки, побежали к ближайшим развалинам. Все, как один, петляли из стороны в сторону и низко пригибались к земле. Фрицы ныряли в воронки, попавшиеся им на пути, и старались удрать, как можно скорее.

Удивлённый поведением противника, парень глянул назад и едва не заплакал от радости. Ворота главного корпуса, который защищали зенитчики, были распахнуты настежь. Из них выезжали некрашенные «Т-34». Грозно рыча мощными дизелями, они разворачивались в небольшую цепочку, параллельную линии фронта.

Еле стоящие на дрожащих ногах, красноармейцы устало повернулись к востоку и посмотрели на сборочный цех большого завода. Они увидели советские танки и закричали: – Ура! – душевный подъём оказался настолько велик, что все были готовы, немедленно бросится вслед за врагом.

Но пока собирали годное к бою оружие, лежавшее среди множества мёртвых солдат. Пока рылись в подсумках покойников в поисках полных обойм или, хотя бы отдельных па-

тронов, все слегка успокоились.

Танки повернули на юго-запад и походным маршем двинулись в центр Сталинграда.

– Почему они мимо идут? – удивлённо спросил кто-то из уцелевших бойцов.

– Потому что недавно с конвейера, – объяснил пожилой усталый солдат. В нём Яков с трудом узнал своего наводчика слева. Красноармеец был очень грязным и оборван так сильно, словно его долго грызла стая собак. Во многих местах виднелись глубокие раны. Каски нет, руки ободраны до самых костей, клочок кожи на голове сорван напрочь, а кровь обильно заливала лицо.

– Могли бы, и стрѐльнуть в фашистов! – возмутился какой-то боец. – Куда они так спешат?

– Да нет у них ни экипажа, ни снарядов, ни даже патронов! – обречённо бросил наводчик. – Там сидят лишь заводские водители. Сейчас отгонят машины в ближайшую часть. Там их снарядят боеприпасами с топливом, посадят танкистов, и только тогда, они пойдут в бой. А пока это просто тракторы с пушками.

– Хорошо, что фашисты об этом не знали, – облегчённо вздохнул любопытный боец. – Не то грохнули нас здесь, как всех остальных, – он указал на десятки мёртвых солдат, одетых в разную форму. Они лежали возле орудия все впере-мешку. Трудно было понять, где торчит рука или нога одно-

го, а где же – другого.

Вспомнив об отступивших фашистах, Яков метнулся к орудию. Он осмотрел его с разных сторон, покрутил маховики и с облегчением понял, что пушка готова к продолжению боя.

Лейтенант на наводчика, раньше сидевшего слева, и тот с пониманием кивнул. Мол, всё в полном порядке, ещё постреляем. Парень повернулся к красноармейцам, удивительно вовремя пришедшим на выручку. Он коротко представился всем: «Командир третьей батареи зениток! – и тут же спросил: – Откуда вы появились, и кто вами командует?»

Вперёд вышел сержант с краповыми петлицами на гимнастёрке и доложил: «Взвод полка МВД прибыл из штаба дивизии на двух полуторках. Наш лейтенант увидел, что идёт бой с фашистами. Он приказал двум отделениям остановиться возле другого орудия, – боец указал в сторону соседней позиции.

– Они выпрыгнули из первой машины и помчались на помощь. Мы подъехали к вам. Спешились и рванули в атаку. Офицер взбежал на откос, тут же поймал шальную немецкую пулю и теперь лежит там», – боец махнул рукой себе за спину, туда, где находилась низина.

Посмотрев в сторону, указанную МВДешным сержантом, парень отметил, что машин уже нет: «Ушли сразу после того, как высадили всех пехотинцев, – расстроился Яков. – Даже

раненых с собой не забрали. Хотя, – добавил он про себя, – тут шла такая кровавая свалка, что никто не смог бы сказать, чем же дело закончится. Да и некому было грузить там «тяжёлых», все дрались врукопашную».

Вслух он сказал пожилому сержанту: «В таком случае, вы поступаете под моё руководство. Тот рядовой, назначается командиром данной зенитки. Всем выполнять его приказания. – Яков указал на наводчика слева. Мужчина устало сидел возле раненого в ногу товарища, и умело накладывал перевязку на голень».

Лейтенант предупредил пехотинцев, что в развалинах часто сидят немецкие снайперы. Он посоветовал всем, ходить пригибаясь, а не маячить здесь в полный рост. Потом, нашёл свою каску, слетевшую в рукопашном бою, надел «халхин-голку» на голову и двинулся к соседней позиции.

Парень прошёл по полузасыпанным ходам сообщения несколько метров. За спиною слышались одиночные выстрелы.

«Добивают тяжелораненых немцев!» – понял зенитчик. Он хотел было вернуться назад и отчитать подчинённых, но вспомнил кошмар переправы, где вместе с солдатами гибли ни в чём неповинные малолетние дети, женщины и старики.

Перед глазами всплыла картина тех улиц, на которых лежали обуглившиеся трупы людей, и зло сказал про себя: «Они нас тоже совсем не пожалеют! – Яков сделал ещё пару

шагов и грустно добавил: – Нам своих изувеченных некуда класть, а тут ещё с ними возись».

Через сорок шагов Яков наткнулся на разбитую пушку, одиноко стоявшую среди множества мёртвых солдат. Картина второго побоища ничем не отличалась от первой, что парень видел минутой назад.

Между трупами бродили оборванные, донельзя измученные красноармейцы. Они собирали оружие и меняли свои трёхлинейки на укороченный «mauser». Некоторые счастливы держали в руках пистолеты-пулемёты «MP 40», или, как их называли на фронте, «шмайсеры».

Следующим важным трофеем были фляги фашистов, которые тут же снимали с поясов мёртвых немцев. После драки с противником, у всех пересохло во рту. Бойцы снимали бакелитовые колпачки в виде стаканчиков, что закрывали пробки с винтом, открывали баклажки и жадно пили то, что находилось внутри.

Красноармейцы не обращая внимания, какая им встрети-лась жидкость: вода, эрзац кофе или же шнапс. Утолив сильную жажду, они потрошили под сумки, рюкзаки и карманы убитых.

Зенитчик хотел приказать: – Прекратить мародёрство! – но благоразумно решил: «Пусть себе роются. Всё равно никто здесь из нас не протянет больше чем сутки, а так, глядишь, и найдут какие-нибудь важные карты или бумаги фа-

ШИСТОВ».

Один из бойцов заметил подошедшего к ним лейтенанта и окинул его внимательным взглядом с головы до сапог. Солдат протянул Якову шикарный хронометр, только что снятый с погибшего немецкого оберга, и спокойно сказал: «Возьми вместо своих».

Яков взглянул на левую руку и огорченьем увидел, из его новых часов торчит острый осколок. Поняв, что «котлы» безнадежно испорчены, парень снял подарок отца и отбросил их в сторону.

Он застегнул на запястье ремешок, ещё сохранивший тепло убитого фрица и перевёл взгляд на стрелки. Лейтенант с удивлением отметил, что с начала последнего боя прошло девяносто восемь минут.

«А мне показалось, что нескончаемый ужас тянулся часов пять или шесть», – подумал он потрясённо.

Привычно одёрнув свою гимнастёрку, офицер тут же представился всем МВДешникам. Все отвлеклись от своих прежних занятий, враз подтянулись и напряжённо застыли.

В глазах новоприбывших читался ехидный вопрос: «Что же сейчас сделает молодой лейтенант? Станет орать и грозить трибуналом? Или поймёт, что теперь сам замазался по уши и сделает вид, что ничего не заметил?»

Парень пошёл по второму пути и, не учиняя разнос, строго спросил: «Кто уцелел из obsługi орудия?»

Ему указали на пехотинца. Они сидел на земле, привалившись к штабелю ящику со снарядами к пушке. Левая нога перебинтована выше колена. Глаза устало закрыты. Лицо очень бледное от потери большого количества крови.

Это был правый наводчик по имени Павел. Его Яков отметил ещё в прошлый раз, часа четыре назад. А запомнил его потому, что солдат очень интересовался матчастью и спрашивал больше, чем все остальные.

Рядом лежал подносчик снарядов с перевязанной бинтом головой. Услышав вопрос командира, красноармейцы попытались подняться, но лейтенант остановил их обоих. Он обернулся к молодым МВДешникам и спросил о другом: «Кто-нибудь нашёл здесь еду, шоколад или сахар?»

Молодого, закопчённого в бою лейтенанта все тут же признали начальником, и к нему протянулось сразу несколько рук. В грязных ладонях виднелись надкушенные куски колбасы, разорванные обёртки немецких сладостей и белоснежные куски рафинада.

– Накормить раненого командира орудия и его заместителя! – кивком головы Яков указал на зенитчиков и продолжил: – Дать им вволю чего-нибудь сладкого, чарочку шнапса и выполнять все их приказы. Вернусь, всё проверю! – Перед уходом он строго закончил: – Все документы погибших, а так же бумаги на немецком наречии быстро собрать. Я потом всё заберу.

На других позициях его батареи дела обстояли чуть лучше. Они не подверглись атаке фашистской пехоты, и здесь не было множества трупов, своих и чужих. Правда, не обошлось без потерь. Из четырнадцати человек артиллерийской obsługi, один погиб и трое имели ранения. Один получил очень тяжёлые травмы от попадания камней и, скорее всего, не доживёт даже до вечера.

«А если прибавить ещё восемь убитых с первого и второго орудия, – размышлял командир батареи, – то у нас остаётся шестнадцать бойцов. Причём четверо из них покалечены. Будем надеяться, что среди остальных наберётся восемь наводчиков.

Ладно! – успокоил Яков себя. – На этот час, получается по три зенитчика на каждую пушку. Всех остальных заменят пришедшие сюда МВДешники. Я их насчитал двадцать два человека, но лишь пятнадцать здоровых. Значит, если считать наблюдателей, то на каждую пушку приходится по шесть-семь человек. Пока ещё можно держаться».

Распределив наводчиков и пехотинцев равномерно по всем расчётам, Яков приказал навести должный порядок на каждой позиции. Пока зенитчики возились с орудиями и снарядами, невредимые солдаты занялись погибшими красноармейцами.

Они собрали документы и смертные медальоны, и переписали адреса и фамилии. Потом отнесли всех покойников

на скромное «батарейное» кладбище и похоронили в крупной воронке, появившейся рядом.

Затем очередь дошла до мёртвых фашистов.

Краткая передышка

Яков шагал по знакомой тропинке, но в этот раз путь ему показался вдвое длиннее, чем прежде. Оно и понятно, ведь чувствовал парень себя очень неважно. Голова так болела сильно, будто её стянули металлическим обручем. Тело трясло и ломило от недавней драки с фашистами. Ноги утратили привычную лёгкость. Лейтенант шёл с ощутимым трудом, словно он был обут в сапоги из свинца, которые надевают на себя водолазы.

Оказавшись в расположении прожектористов, Яков даже не глянул на девушек, возившихся со звукоулавливающей установкой. Парень вошёл в землянку начальника отделения, отдал ему все бумаги и попросил переслать в штаб полка. Лысоватый немолодой капитан пообещал всё отправить при первой возможности.

Опустившись на ящик, который играл роль табурета, Яков привычно поправил чехол для оружия, что висела на кожаном поясе. Парень удивился тому, что кобура оказалась застёгнута, а внутри находится его новый «ТТ».

Честно сказать, как только зенитчик расстрелял все патроны, он сразу забыл о своём пистолете. Если б его кто-то спросил, то он просто сказал, что потерял «пушку» в бою. Сунув руку в карман галифе, Яков вытащил две пустые обой-

мы и похвалил свою аккуратность: «Хорошо, что не бросил при перезарядке».

Найдя пистолет в положенном месте, Яков облегчённо вздохнул и спросил у капитана:

– У вас не найдётся патронов к «ГТ»?

– Сколько вам нужно? – поинтересовался мужчина.

– Хотя бы на три обоймы, – ответил зенитчик. Он вынул оружие из кобуры и выщелкнул пустой магазин.

– Неужели всё так быстро потратил? – удивился хозяин землянки. – И сколько фрицев уже положил?

Не обратив внимания на усмешку, парень честно ответил:

– Точно не знаю...

Яков вспомнил, что несколько раз не смог свалить фрица с первой же пули и приходилось его добивать.

– В десятерых, точно попал!

Зенитчик на секунду задумался. Перед глазами возникло облако взрыва, в котором мелькали обломки грузовика и множество тел, разорванных в мелкие клочья. Затем в памяти всплыли два орудийных снаряда, попавшие в гущу штурмовиков.

Лейтенант немного помялся, не зная, можно ли их всех записать на свой личный счёт, но решил, что это совсем не бахвальство, а доклад о недавних событиях и спокойно сказал: – Ещё штук шестьдесят мы накрыли шрапнелью.

Капитан как-то по-новому глянул на мальчишку восем-

надцати лет, который со своей батареей вывел из строя два взвода врага и с уважением подумал: «Да если бы все так воевали, то от фашистов давно бы ничего не осталось!»

Сорокалетний мужчина был штатским до мозга костей и работал простым инженером на одном из предприятий в глубоком тылу. Его призвали в Красную армию лишь квартал назад. Он явился в военную часть, но не участвовал в сражениях с захватчиком, а прибыл в Сталинград вместе с отступающими к востоку войсками.

Прожектористы всегда находились во втором, а то и в третьем эшелоне протяжённого фронта. Капитан и даже ведал о том, сколько красноармейцев погибло по пути сюда с юга и сколько зенитчиков полегло уже здесь, возле сборочного цеха завода.

Батареи находились от них далеко, и что там творится, мужчина толком не знал. Он слышал грохот нескольких пушек, и только. Стараясь хоть как-то выразить своё уважение, он указал на полевой телефон и сказал:

– Пока ты будешь звонить, я набью все магазины.

Яков благодарно кивнул капитану и сел к аппарату. Он связался со штабом и доложил пожилому дежурному: «Только что была отбита массированная атака самолётов, танков и мотопехоты. Силами второй, третьей и четвёртой батарей сбито девять бомбардировщиков, повреждено одиннадцать. Сожжено пятнадцать танков, семь бронетранспорте-

ров и тринадцать автомашин. Уничтожено до роты солдат. Фашисты не смогли прорваться к сборочному цеху завода и повернули назад.

Выслушав скромные похвалы войскового начальства, Яков сухо продолжил: – На второй батарее уничтожено одно орудие. О других потерях не знаю. На третьей батарее, одно орудие разбито, два требуют большого ремонта. Потери личного состава превышают шестьдесят три процента.

Прибывший взвод МВД принял участие в рукопашной схватке с фашистами, потерял командира и двадцать девять бойцов ранеными и убитыми. Немедленно требуются люди, орудия и снаряды. Ещё одна такая атака и на наших позициях никого не останется».

В ответ он услышал те же слова, что и в свой первый доклад. Мол, держитесь! Знаем о всех ваших трудностях и делаем всё, что в наших силах. Как только появится такая возможность, пришлём всё, что нужно.

Выслушав знакомые байки, Яков буквально взбесился. Не имея привычки разговаривать матом, парень, неожиданно для себя, перешёл на азербайджанский язык и высказал всё, что думает о подобном снабжении передовой.

Причём он употреблял такие сочетания слов, услышав которые, каждый бакинец сразу схватился за нож, а любая бакинка попыталась бы вырвать глаза.

Окончив орать в телефонную трубку, парень положил её на рычаг и отрешённо подумал: «Если майор понял хотя бы

четверть, то скоро пришлют спецкоманду. За пару минут прочтут приговор военно-полевого суда и шлёпнут меня перед строем за оскорбление офицера из штаба полка. Чтоб неповадно было другим.

Хотя... – остановил он себя, – какая мне, в общем-то, разница? Из тех, кто прибыл сюда в девять утра, уже половина погибла, а все остальные вряд ли здесь долго протянут. Не зря в мне штабе сказали, что больше суток здесь никто не выдерживает. Лишь мой заместитель, покойный сержант смог протянуть пару дней».

С трудом поднявшись со стула, Яков столкнулся с испуганным взглядом хозяина тесной землянки. Судя по лицу капитана, он догадался, что сейчас говорил лейтенант, а может быть, он даже знал какой-нибудь тюркский язык и уловил общий смысл ругательных слов?

«Плевать! – спокойно решил лейтенант: – Пока сообщит куда следует, пока там соберутся, принять надлежащие меры, меня уже несколько раз убьют здесь фашисты!»

Мужчина подал несдержанному на язык лейтенанту снаряжённые обоймы к «ТТ» и непечатую коробку с патронами. Он немного помялся и предложил:

– Может быть, выпьешь стакан? У меня, сам понимаешь, в основном молодые девчонки. Они не выносят даже запах «сучка», отдают свои порции мне, а я сам не любитель этого дела.

– Налейте немного, – кивнул молодой человек, но тотчас

передумал и сказал сам себе: «Незачем мне сейчас выпивать, и так голова кругом идёт!»

Чуть помолчав, зенитчик сказал: – Если можно, то я отнесу водку к себе. Нужно обработать раны ребятам.

– Конечно, конечно! – засуетился хозяин землянки. – Ты иди, а я пришлю к вам солдата, он принесёт термосок с аракой.

Яков вернулся на батарею и, в который раз за день, обошёл все позиции. Раненые были уже перевязаны, а здоровые красноармейцы возились с мёртвыми немцами. С ними не церемонились. Стараясь укрыться в складках степи, их оттаскивали на нейтральную полосу и сбрасывали в большие воронки.

К счастью, фашистские снайперы в советских солдат не стреляли. Видно, решили дать им похоронить убитых «genossen». Пусть даже таким простым способом. Всё лучше, чем твои друзья и соратники будут валяться на пыльной земле и разлагаться в лучах горячего солнца.

Когда с покойниками было покончено, Яков посмотрел на стенки окопов, обрушенных взрывами бомб, и хотел приказать подновить невысокие брустверы. Взглянул на бойцов, валящихся с ног от усталости, парень подумал: «Пусть отдохнут хоть немного, а то начнётся очередная атака, а у них сил уже нет, винтовку поднять».

Затем его мысль перескочила совсем на другое: «Как же

эти траншеи содержали в порядке ещё до меня? – он посмотрел на разросшееся «батарейное» кладбище и сам же себе ответил: – Скорее всего, раньше здесь было намного больше народу».

Тут он заметил незнакомого немолодого солдата, идущего от прожектористов. Потрясённый боец смотрел на позиции, перепаханные большими воронками, на израненных красноармейцев, лежащих на голой земле, и на орудия, иссечённые осколками с пулями, – его расширенные от удивленья глаза наполнял мистический ужас.

«Скорее всего, пока не бывал под настоящим обстрелом, – усмехнулся про себя лейтенант. – Интересно, как они, такие непуганые, все попали сюда? Наверное, прибыли посуху, из Самары с Саратовом, и ещё до того, как фашисты взялись бомбить все дороги. А потом сидели в тылу, пока фронт сам до них не дошёл.

Хотя, чего это я? – остановил Яков ехидные мысли. – Боец принёс на позицию водку, обещанную добрым соседом, а я над ним насмехаюсь. Тоже мне, нашёлся седой ветеран. Сам явился сюда часов семь назад».

Приняв ценный подарок, Яков попросил передать благодарность капитану прожектористов и отпустил испуганного до смерти посланца. Парень позвал к себе немолодого сержанта, прибывшего в разгар рукопашной, спросил, как они

все устроились, и пока тот отвечал, принялся к дыханию своего подчинённого.

Отметив, что от собеседника не пахнет спиртным, Яков кивнул на немецкую флягу, висевшую на боку МВДешника, и приказал:

– Снимите с неё колпачок.

Лейтенант подождал, пока удивлённый мужчина исполнит приказ. Затем, управой казал на двенадцатилитровую ёмкость, стоявшую возле ноги, и продолжил:

– Возьмите термос. Пройдите по позициям всей батареи и раздайте бойцам по порции водки. Судя по виду стаканчика немцев, в него помещается не более ста пятидесяти граммов. Тем, кто прилично принял на грудь, ничего не давать, а то, чего доброго, ещё опьянеют.

Если кому-то потребуется обработать глубокую рану, налейте, сколько нужно для этого. Пусть хотя бы польют сверху бинты. Вдруг поможет остановить течение крови. Да и лишняя дезинфекция никогда не мешает. То, что останется, принесёте в землянку, где я живу. Выполняйте!

Проводив взглядом сержанта, лейтенант устало поплёлся к жилищу для офицеров. Яков вошёл в необжитое никем помещение и опустился на жёсткие нары. Он медленно снял тяжёлую каску и положил на соседнюю «койку». Рядом бросил пилотку, сильно промокшую от солёного пота. Потом прислушался к своему состоянию и ладонью пощупал увлажнив-

шийся лоб.

Кожа под пальцами оказалась горячей. Голова болела значительно больше, чем прежде. Перед глазами мелькали какие-то тени и пятна. Парня немного подташнивало.

После завтрака прошло много времени, но есть, почему-то, совсем не хотелось. Желания выпить сто граммов водки тоже у него не возникло. Зачерпнув кружкой воду из термоса, парень выпил её небольшими глотками, лёг на уставшую спину, опустил тяжёлые веки и отключился в тот же момент.

Как это ни странно, но сквозь забытьё он слышал и ощущал удивительным образом всё, что происходило вокруг. В дверь постучали. Щелястая створка открылась, и в землянку вошёл сержант МВДешников.

Осматриваясь в полумраке землянки, он постоял возле порога. Стараясь не топтать, мужчина прошёл к столу, составленному из ящичков от зенитных гранат, и опустил на пол «термосок с аракой». Потом повернулся к низкому выходу и исчез в сиянии солнца, что быстро клонилось к закату.

Очередные налёты

Раздался до боли знакомый, оглушительный крик: «Воздух! Курс 40! Двенадцать самолётов врага!» – и Яков очнулся от забытья.

«Опять!» – простонал лейтенант. Он опустил ноги на пол и, помогая телу руками, с великим трудом принял «положение сидя». Несколько долгих секунд зенитчик пытался сориентироваться в окружающем полутёмном пространстве и сфокусировать расплывавшийся взгляд.

Наконец его зрение пришло в полную норму. Предметы перестали двоиться и дрожать, вися в воздухе. Парень осторожно поднялся на нетвёрдые ноги, слегка пошатнулся и, опершись рукою на стол, встал вертикально.

Парень припомнил коротенький текст из медицинского справочника и сказал себе: «Э-э, братец, да у тебя, кажется, сильное сотрясение мозга или контузия. Хорошо бы тебе полежать несколько дней в тишине и покое, ан нет, приходится идти воевать!»

Снаружи раздавались команды наводчиков, и командиру всей батареи нельзя было находиться в землянке дольше других. Ещё, чего доброго, примут за труса. Яков надел пилотку на гудящую голову, сверху осторожно пристроил тяжёлую каску. Насколько это возможно, он принял внушитель-

ный вид и вышел из своего помещения. Парень привычно посмотрел на часы и со злостью сказал: «Двадцать один ноль одна. Каждые четыре часа, пропади они пропадом!»

Яков добрался до узкой траншеи, соединяющей второе и третье орудия. Парень взглянул на позиции и с облегчением понял, что пока он лежал без сознания, приезжали ремонтники. Они привезли новую пушку и утащили разбитую. Мало того, кое-как подшаманили все остальные. В глаза бросались детали, которые они заменили. Снарядов тоже оказалось в достатке.

Парень не стал возмущаться, мол, почему, не разбудили его? Он перевёл взгляд на летящие самолёты фашистов, собрал волю в кулак и с трудом разогнал лёгкий туман, клубившийся у него в голове.

В мозгу заработал какой-то мыслительный счётчик. Яков прикинул расстояние до приближавшихся фрицев, немедленно понял, что пора вступать в бой и отдал команду: «Беглый огонь!»

Всё остальное пошло по обычному плану. То есть, повторился кошмар, что пережил лейтенант в тринадцать и семнадцать часов. Бесперывная карусель в облаках, построенная бомбардировщиками «Ju 87».

Вой пикирующих на батарею «лаптёжников». Грохот выстрелов пушек. Взрывы бомб и треск бортовых пулемётов. Свист пуль и осколков. Вонь сгоревшего пороха и тучи зем-

ли, высоко поднятой к небу.

Подносчики метались от ящиков к лафетам орудий и подносили снаряд за снарядом. Зенитчики вертели маховики с удивительной скоростью. Заряжающие палили по фрицам. Время от времени, из них кто-то падал. Его место занимал один из товарищей, что оказались поблизости. Перебинтованные наблюдатели оттаскивали раненых в сторону и делали им перевязки на скорую руку.

Яков стоял в центре этого ада. Он громко командовал и корректировал беглый огонь. Краем глаза парень увидел, что на обоих соседей напали самолёты врага, и они отбиваются так же, как его батарея.

«Значит, нельзя ожидать какой-либо помощи. Придётся справляться самим!» – сказал себе лейтенант и услышал крик, долетевший с четвёртой позиции: «Правый наводчик убит!»

Офицер бросился к боковому орудию, сел в железное кресло и вместе с левым напарником начал выцеливать фашистских стервятников. Картина боя внезапно уменьшилась и резко сжалась до клочка неба над головой.

Теперь ему некогда было смотреть, что происходит справа и слева. Главное – поймать «юнкерс» в прицел. Услышать за левым плечом лязг затвора орудия. Дать команду «Огонь!» и стерпеть грохот выстрела, терзавшего уши.

Затем всё повторить – много раз, в том же порядке. То

там, то здесь слышался вой самолёта, что падал на землю, и его наполняла короткая радость: «Ещё одним гадом стало здесь меньше!»

Как-то вдруг Яков понял, что над ним чистое небо, в котором нет пикировщиков. То есть, теперь можно слезть с жесткого кресла, размять онемевшую шею и осмотреться вокруг.

Едва схлынула ярость жестокого боя, как на лейтенанта опять навалилась боль и усталость. Он увидел сержанта, стоящего возле места наводчика соседней зенитки. Яков отметил, что тот легко ранен в левую руку. Он подозвал МВДешника и назначил своим заместителем.

Не слушая возражений мужчины, офицер приказал привести тех солдат, которые не получили серьёзных увечий. Пока они собирались, Яков опустил на ящик со снарядами к пушке, опёрся локтями в колени и низко свесил гудящую голову. Он закрыл глаза и попытался прийти хоть немного в себя.

Наконец, вокруг него собрались все здоровые бойцы его батареи. Яков им объявил, что должен делать каждый из тех, кто оказался возле орудия, и как лучше наводить ствол зенитки в двух плоскостях. Он сообщил, что в случае смерти товарищей, они должны будут их заменить и отправил всех по рабочим местам.

Лейтенант рассказал заместителю всё, что узнал, когда

прибыл на батарею, послал его проследить за наведением порядка, а сам потащился к соседям прожектористам.

Он связался с дежурным в штабе полка и доложил о результатах последнего боя. Зенитчик сказал о трёх сбитых и пяти повреждённых самолётах противника и о потере ещё одной трети бойцов. Затем, молча выслушал заклинания об держании вверенного им рубеже и, ничего не спросив, положил трубку на место.

«А чего тут ещё говорить? – размышлял лейтенант. – Сил на то, чтобы требовать подкрепление, нет, а как дела на нашей позиции, в штабе знают давно. Смогут прислать людей, снаряды и технику, простоим ещё какое-то время. Нет, значит, сделаем всё, что сумеем и погибнем здесь смертью храбрых». – Подивившись таким мрачным мыслям, парень подумал о том, что своим фатализмом он стал походить на майора Степана Сергеича, с которым плыл из Баку.

Кивнув капитану, Яков вышел из тесной землянки. Прожекторист удивлённо смотрел ему в след. Ведь у него на глазах, в течение короткого дня, восемнадцатилетний юнец превратился в бойца умудрённого жизненным опытом.

Лейтенант вернулся к своей батарее, спустился в низину и увидел две старых полуторки со знакомым уже старшиной. Вместе с ним приехало ещё одно отделение советских солдат.

В этот раз прибыли люди из разных частей, вроде тех, что

собирал Степан Сергеевич по пути к речке Сухая Мечётка. Здесь оказались связисты, кавалеристы, пехотинцы и даже моряк Черноморского флота, невесть как оказавшийся в Сталинградских степях.

К радости парня, среди десятка солдат нашлось два пушкаря. Лейтенант объяснил им особенности зенитных орудий и распределил всех бойцов по расчётам. Затем, проследил за тем, как старшина раздаёт пищу и водку, сам немного поел и ощутил, что если сейчас он не ляжет, то просто рухнет на землю.

Яков еле поднялся с длинного ящика, на котором сидел, и поплёлся к жилью офицеров. Находясь в полусне, он дошёл до землянки, опустился на жёсткую койку и провалился во мрак.

Новый налёт начался в шесть утра. Зенитчик едва разлепил тяжёлые веки, доковылял до позиций и отдал приказ: «Беглый огонь!»

То, что было дальше, – прошло как бы мимо него. Нет, он не стоял столбом, а следил за обстановкой вокруг и отдавал нужные людям команды. Лейтенант заменил убитого пулей наводчика, что находился на соседнем орудии.

Пушка сделала несколько выстрелов, а потом рядом с ней взорвалась авиационная бомба. Острый осколок пробил «халхинголку» над ухом, рассёк кожу и мышцы и застрял в прочном черепе, чуть не дойдя до мозга зенитчика.

Получив удар в голову, Яков ощутил себя так, словно в правый висок вонзился клинок. Он лишился сознания, ничком упал на лафет и врезался козырьком металлической каски в настил колёсной платформы.

Ремешок тут же лопнул. Защитный убор скатился на землю и обломил тонкий кусок крупновской стали, застрявший в кости. Из разрезанных тканей хлынула кровь и залила всё лицо. Свалившегося на бок командира оттащили в сторонку. На его место сел ближайший боец, и оружие снова стало стрелять по фашистам.

К неподвижному лейтенанту подполз крепкий солдат с искалеченной взрывом правой ногой. Увидев, что кровь потихоньку течёт по щеке, красноармеец решил, что начальник ещё не погиб.

Он открыл медицинскую сумку с красным крестом на боку и достал из неё свежий бинт. Солдат разорвал упаковку из плотной бумаги и стал неумело перевязывать рану. Замотав череп Якова, боец уложил его на спину и без сил повалился возле него.

Им оставалось лишь ждать, когда закончиться бой и выжившие артиллеристы отнесут их в землянку. Хотя она и находится рядом, но там, реже падают бомбы и не свистят пули вокруг.

Когда и как кончился бой, Яков не знал. Его сознание иногда поднималось из глубоких пучин забвения. Оно всплывало

к поверхности, за которой виднелись контуры потустороннего мира, следило за суетой возле орудий, отмечало вспышки разрывов и самолёты с крестами, мелькавшие в небе. До него доносились какие-то звуки, дробящиеся наподобие эха в глубоком ущелье. Затем все картинки затягивало радужной пеленой, и они исчезали бесследно.

Очнулся он оттого, что его подняли несколько рук. Поддерживая голову Якова, его куда-то несли и осторожно укладывали на жёсткое ложе. По лицу потекла тёплая жидкость. Что-то попадало в щель между губ, и чтобы не захлебнуться, пришлось напрягать последние силы и глотать безвкусную воду.

Наконец, лейтенанта оставили в полном покое. Вокруг воцарилась благословенная тишь, лишь иногда нарушаемая, звучащей вдалеке канонадой. Стало темно и легко.

«Кто здесь устроил небывалый бардак? – рокотал чей-то внушительный голос. – Почему возле четырёх зенитных орудий всего двенадцать бойцов? Они что, до сих пор дрыхнут в землянках? Почему осыпались стенки окопов? Где командир батареи?»

Дверь в землянку широко распахнулась. К лежанке рванулись два запыхавшихся красноармейца. Они увидели, что Яков пытается встать и бросились ему помогать. Бойцы осторожно подняли лейтенанта с постели, надели на забинтованную голову парня пилотку, подхватили под руки и, держа его

почти на весу, устремились наружу.

Оказавшись на ярком свету, Яков на время ослеп. Из глаз потекли обильные слёзы, а успокоившаяся боль в голове, вспыхнула с удивительной силой. Механически двигая ноги, парень стремился на звук грозного голоса и не мог толком понять, что происходит вокруг. Мысли зенитчика путались, в висках громко стучало, холодный пот тёк по лицу.

Кое-как сфокусировав зрение, Яков увидел перед спиной нескольких молодых офицеров. За ними маячила большая фигура в генеральском мундире. Державшие лейтенанта под руки, солдаты остановились. Они убедились, что командир самостоятельно держится в вертикальной позиции и отошли на один шаг назад. Бойцы встали так, чтобы успеть его подхватить, если он упадёт.

Сообразив, что перед ним большое начальство, Яков весьма аккуратно поднял правую руку к пилотке. Он чуть покачнулся, но удержался на месте, проглотил сухой ком, застрявший в иссушенном горле, и, растягивая слова, хрипло сказал:

– Прибыл по вашему приказанию, товарищ генерал.

Высший офицер обернулся. Свита тотчас расступилась. Перед глазами комиссии оказался худой лейтенант, едва стоящий на слабых ногах. То ли пьяный, то ли сильно контуженный? Небрит со вчерашнего дня. Сильно потеет. Сквозь смуглую кожу проступает нездоровый румянец.

Форма новая, но очень мятая и грязная до такой сильной степени, словно молодой офицер валялся в пыли. Вместо уставной фуражки пилотка солдата, выгоревшая почти добела. Голова кое-как забинтована. Из-под слоёв серой марли торчат тёмные волосы с проседью.

Генерал хотел спросить насчёт царившего вокруг безобразия, но сначала решил кое-что уточнить.

– Давно здесь, лейтенант? – прорычал он, словно медведь.

– Сутки назад принял под своё руководство четыре орудия и шестнадцать артиллеристов, – сообщил запиनावшийся Яков. – За истекший период батарея отразила пять воздушных атак. Сбила четырнадцать и повредила более двадцати самолётов. Отбросила нападение пехоты и танков. Сожгла пятнадцать бронемашин, семь бронетранспортёров и тринадцать грузовиков. Уничтожила до роты живой силы противника.

Услышав впечатляющий список побед, генерал чуть смягчился и спросил более уравновешенным тоном:

– За последние сутки к вам было послано семьдесят два пехотинца. Почему до сих пор не выставлено боевое охранение вокруг?

Совершенно спокойный зенитчик вспомнил, что слышал, как генерал назвал цифру двенадцать. Парень прибавил к ней двух крепких бойцов, которые его сюда привели, и с печалью отметил, что это все, кто сейчас может стоять на но-

гах. Он опустил руку от пропотевшей пилотки и доложил:

– Четырнадцать пехотинцев обслуживают четыре орудия. Остальные пятьдесят шесть человек и все артиллеристы, которые здесь были сутки назад, – он сделал ударение на последних словах, – находятся там.

Парень показал на импровизированное «батареиное» кладбище, лежащее в сотне метров от главных позиций. Члены высокой комиссия посмотрели в указанном им направлении. Вместо землянок, которые ожидали увидеть, они наткнулась взглядом на длинный ряд могильных досок, изготовленных из ящичков для зенитных снарядных. Они торчали из свежих холмиков пыльной земли и сияли своей новизной.

– За истекшие сутки, – продолжал монотонно рассказывать Яков, – было много раненных и убитых фашистами. Вследствие этого, состав орудийных расчетов сменился, как минимум, дважды. Для удержания данной позиции требуется пополнение, состоящее из шестнадцати артиллеристов и взвода пехоты.

Генерал с интересом взглянул на летёху, который посмел дать ему указание. Он скользнул взглядом по измождённой физиономии парня, но вместо того, чтобы прикрикнуть на молодого нахала, внезапно спросил:

– Как ваша фамилия?

– Лейтенант Малинин! – отрапортовал «качающийся на ветру» доходяга.

– Яков, это ты? – удивился седой генерал.

Усилием воли парень разогнал серый туман, застилавший глаза. Он присмотрелся к начальнику и узнал в нём бывшего комиссара Бакинского войскового училища, которое успешно окончил месяц назад.

– Так точно! – сказал лейтенант и тихо добавил: – Здравствуйте, Пётр Андреевич.

Лишь после этого генерал убедился, что перед ним еле стоит его недавний студент. Один из лучших курсантов того большого потока, который он вёл до отправки на фронт в мае 42-го.

Генерал повернулся к своей крупной свите, ткнул пальцем в офицера с петлицами артиллериста и приказал:

– Товарищ капитан, примете у лейтенанта батарею зенитных орудий.

Штабной порученец вдруг побледнел, словно свежевыпавший снег, и с трудом произнёс:

– Слушаюсь!

– Контуженого командира и всех тяжелораненых отправить немедленно в госпиталь, – продолжил говорить проверяющий. Словно запоминая окружающую его обстановку, он посмотрел на неустроенные позиции батареи зениток. Затем, коротко бросил:

– Двигаем дальше! – и направился к «эмке» чёрного цвета. Он сел на сидение рядом с шофером, а сзади устроились

два адъютанта.

Остальная часть свиты набилась в открытый «ГАЗ-64». У этого «джипа» были крупные, лупоглазые фары, большие колёса и полукруглые вырезы вместо передних дверей. Машины тронулись с места и попылили по балке прямо на север, в сторону посёлка Спартаковка.

Через пару минут подъехали две старых полуторки. В их кузовах находились ящики с боеприпасами, медикаментами и термосы с водою и пищей. Способные передвигаться зенитчики оставили возле орудий двух наблюдателей, спустились в низину и без лишних слов занялись разгрузкой. Растерянный капитан стоял в стороне и не знал, что ему делать теперь?

Яков подошёл к офицеру, и хотел представить бойцам командира, но вдруг пошатнулся и чуть не упал. Не отходящий от парня, сержант очень вовремя подхватил его под руку и удержал в вертикальной позиции. Потом подвёл его к ближайшему ящику и помог опуститься на крышку.

– Познакомьтесь, – пробормотал лейтенант и указал на МВДешника, раненного в предплечье левой руки, – мой заместитель. Он введёт вас в курс дела, а я, извините, сейчас себя плохо чувствую. – Яков лишился сознания и сполз на пыльную землю.

Эвакуация в тыл

Очнулся парень лишь после того, как его подняли в кузов и уложили на голые доски. Он слегка повернул голову, гудящую, словно внушительный колокол, и увидел, что рядом находятся другие бойцы. Среди них оказался любознательный солдат, что интересовался устройством зенитки больше всех остальных. Павел был ранен в грудь и трудно хрипел при каждом натруженном вздохе.

Чуть дальше устроили ещё пять «тяжёлых», которых Яков не смог распознать. У одного череп был так забинтован, что виднелись только глаза. У другого – обожжено всё лицо, а три остальных, лежали от него далеко. На прощание сержант пожал руку всем отъезжающим и перелез через низенький борт. Машина тронулась в путь и помчалась в сторону Волги.

Несмотря на большие ухабы, по которым мчалась полуторка, Яков сразу уснул и приходил он в себя лишь время от времени. Обычно это происходило, когда парня трогали с места.

Стоило это сделать, как в глубине его черепа пробуждалась нестерпимая боль. Она горячей волной растекалась по мозгу и билась в висках с такой страшной силой, что о забытии не могло быть и речи. Приходилось зенитчику поднимать тяжёлые веки и смотреть на окружающий мир сквозь

пелену выступающих слёз.

Глядя поверх деревянного борта, парень увидел, что машина петляла между цехов большого завода. Пару раз, она заезжала в опустевшие здания, где укрывалась от нападения «лапотников». Затем, миновала управленческий корпус и выехала в осаждённый фашистами город. Потянулись разбитые жилые дома. Они стояли вдоль улицы, как закопчённые скалы, разрушенные дождями и ветром.

Дорога всё время шла под уклон, и лейтенант догадался, что они едут к реке. Вот только вместо санбата, обещанного генералом, их привезли прямо к Волге. Вынесли на пустой речной берег и разместили на полоске песка длинным рядочком. Раненым объяснили, мол, так их будет удобней носить на плавсредства и погрузка займёт меньше времени.

Недалеко от ног Якова плескались мелкие волны. Шагах в десяти, от его головы находился обрыв высотой в несколько метров. Те, кто мог двигаться сам, поднимались и устремлялись к нему. Они приваливались спиной к земле и, хотя бы с одной стороны, были закрыты от нападения врага. Все остальные, а их оказались многие сотни, находились на открытом пространстве, и с ужасом смотрели на небо, где безраздельно хозяйничали самолёты фашистов.

Над Волгой вились одномоторные «мессершмитты», «фокке-вульфы» и «хейнкели». Они стреляли из пулемётов и били во всё, что попадётся им на глаза. Иногда они проно-

сились над песчаными пляжами и палили по красноармейцам, лежащим бок о бок, словно спички на полке.

Чуть выше кружились пикирующие бомбардировщики. Они нападали на любую машину, танк или отряды пехоты, что шли в Сталинград. В глубине небосвода парили уродливые мерзкие «рамы» и зорко высматривали крупные цели. Едва на фарватере появлялся корабль или катер, как разведчики вызывали артиллеристов по радио и давали координаты плавсредств.

Большие фугасы утюжили воду и быстро топили теплоходы и баржи. Ужасные взрывы рвали их корпуса в мелкие клочья. Волна детонации поднимала и разбрасывала в разные стороны всё, что находилось внутри.

Иногда это было оружие, снаряжение и продовольствие. Чаще всего в небе мелькали останки солдат, ехавших в город. От попаданий баржи с горючим занимались огнём. Горящее озеро нефтепродуктов растекалось по волнам и плыло вниз по течению, сжигая всё, что встретится у него на пути.

Оба берега Волги подвергались обстрелу. В воздухе жутко свистели осколки снарядов и били по раненым, словно металлический град. Здесь не имелось землянок или окопов, чтобы укрыть несчастных бойцов. Во-первых, их некому было копать, а во-вторых, вода находилась поблизости и тотчас заливала каждую ямку.

Между «тяжёлыми» метались измождённые медики и пы-

тались хоть чем-то помочь искалеченным людям. Но их было мало, а нуждающихся в интенсивном лечении много. Санитары просто падали с ног от усталости.

Хорошо, что время от времени, забирали и уносили куда-то погибших. Но делали это лишь для того, чтобы на свободное место положить тех несчастных, в ком ещё теплилась жизнь.

Как только стемнело, началась переправа. Яков вновь прошёл через ужас, что пережил три ночи назад. Только тогда он был крепок, здоров, и полон сил и энергии, а теперь оказался совершенно беспомощен.

Его подняли, словно бревно, и погрузили на катер, заполненный беженцами до крайних пределов. Здесь были женщины, старики и дети разного возраста. От младенцев, кричащих в полную глотку, до худых, испуганных войною подростков.

Перевозчик сдал кормой вперёд, развернулся на месте и, виляя из стороны в сторону, рванулся к противоположному берегу. «Рама», висящая в небе, дала команду на «камрадам» и занялась корректировкой стрельбы.

Сверху сыпались снаряды и бомбы. То и дело, возле низких бортов вскипали большие фонтаны воды. На миг они зависали в пространстве и, норовя всех утащить за собой, бурлящим потоком проливались на палубу. Кораблик швыряло, как в бушующем море, но каким-то удивительным образом

он оставался на поверхности Волги.

Яков лежал на мокрых досках, а возле него, сидели десятки бледных гражданских. Все что-то шептали и закрывали глаза каждый раз, когда рядом гремел мощный взрыв.

Услышав вой пикировщика, лейтенант вдруг сильно дёрнулся. Парень непроизвольно задвигал руками, будто крутил маховики для наводки, и пытался поймать на прицел атакующий «юнкерс». Сорванное горло зенитчика прохрипело: «Огонь!» – в голове вспыхнул пожар жуткой боли, а Яков вновь провалился в безмолвную тьму.

Следующий мучительный приступ лейтенант испытал, когда его уложили на плащ-палатку и понесли через остров под названием Зайцевский. Добравшись до главного русла, санитары сняли зенитчика с брезентовой плащ-палатки и положили на землю.

Ощувив под собой неподвижную плоскость, он лишился сознания и был в забытьи до тех пор, пока не пришлось ему погрузиться на новый корабль. Теплоход устремился через главный поток, имевший в том месте ширину в один километр. Ужасающая бомбёжка повторилась ещё один раз. Только теперь эта мука длилась значительно дольше.

Таким образом, то теряя, то обретая сознание, Яков видел все перемены. Парень заметил, как его привезли на полуторке к Ахтубе, как заехали на деревянный паром и пересекли неширокий рукав великой реки. На берегах узкой

протоки строчили дегтярёвские пулемёты, объединённые в пары. Сверху ревел очередной пикировщик с крестами на крыльях. Он поливал переправу огнём и хотел попасть бомбой в маленький плот.

Наконец машина добралась до суши и поехала в гору к посёлку Верхняя Ахтуба. На станции железной дороги Якова снова подняли. Его занесли в обычный плацкартный вагон и, как «тяжёлого» устроили на нижней полке в открытом купе. Во всех проходах разместили тех раненых, что были способны двигаться сами. Те из них, кто не мог долго стоять, сидели или даже лежали на грязном полу.

Часа через два погрузка закончилась. Большой санитарный состав тронулся с места и, стуча колёсами на раздолбаных стыках, направился на юго-восток, к селу Баскунчак. К той самой станции, что зенитчик с товарищами удачно объехал на полutorке НКВДешника, который спешил в Сталинград.

Поезд медленно шёл, а вернее сказать, еле тащился, делая остановки через каждые несколько вёрст. На левобережье всё осталось по-прежнему и составы на железных путях стояли вплотную друг к другу. Но если в осаждённый фашистами город везли здоровых красноармейцев и новую технику, то в обратную сторону ехали беженцы и немногие раненые.

Совершенно естественно, что военные части пользова-

лись большими правами и их пропускали в первую очередь. Изредка, открывались «окна» в другом направлении, и санитарные поезда делали короткий рывок. Они проезжали какой-то участок пути и замирали опять. Потом, подолгу стояли среди голой степи и представляли собой мишень для бомбардировщиков Гитлера.

Советские истребители куда-то исчезли и до сих пор их не видели в небе. Самолёты фашистов свободно летали над железной дорогой, сбрасывали мощные бомбы и стреляли из пулемётов, не разбирая того, что под ними сейчас на земле.

Пилотам было плевать – это военные, идущие к фронту, или гражданские, бегущее в тыл. Их не останавливали и красные кресты, нарисованные на крышах теплушек. Какая им разница, кто из недочеловеков сдохнет сегодня, а кто только завтра? Главное, побыстрее расчистить прекрасную землю для расселения высшей, расы арийцев.

Налёты совершались с большой регулярностью. Если поезд стоял, то услышав вой самолётов, медики бросались наружу и укрывались в ближайших оврагах. За ними спешили те раненые, что были способны двигаться сами. «Тяжёлые» не могли даже встать. Те, кому удавалось, сворачивались в плотный комок и прижимались к наружной стене. Они очень надеялись, что строчки вражеских пуль пройдут по центру вагона и их не заденут.

Остальные бедняги не могли даже этого сделать. Они ле-

жали пластами, молились или смотрели отчаявшимися глазами и бормотали такие ругательства, которые знали. Если состав шёл по путям, то он останавливался. После чего, всё происходило в том же порядке.

Налёты повторялись по многу раз за день, и не всем удавалось их пережить. Бегущие от ужасной войны горожане гибли от взрывов бомб и снарядов, попадавших в вагоны, от осколков, разлетавшихся в разные стороны и от очередей пулемётов, посылаемых фашистами с неба.

Люди умирали от страшных ранений, полученных в самом Сталинграде, и от тех сильных увечий, что настигали их по пути в тыл страны. Забитый до предела санитарный состав постоянно избавлялся от мёртвых. Их выносили наружу и складывали длинным рядочком вдоль обоих путей.

Время от времени появлялись отделения железнодорожных войск Красной армии, что передвигались на военных полуторках. Они собирали покойников в открытые кузова автомашин, везли в ближайшую балку и хоронили, слегка присыпав землёй.

Постепенно вагон освободился настолько, что на полу никого не осталось. Занятыми оказались только те полки, что находились внизу и над ними. Третий ярус оказался пустым.

К тому времени Яков пришёл немного в себя. Он вдохнул воздух, заполнявший вагон и ощутил, что осеннее солнце раскалило атмосферу вокруг до тридцати с лишним гра-

дусов.

Он сразу понял, что находится в санитарном составе. В памяти всплыли слова усталого медика, что склонился над ним три дня назад: «Осколок крепко сидит в кости черепа. Поэтому, мы не стали его вынимать. Дали вам болеутоляющее и зашили рану на коже. У вас сотрясение мозга от сильной контузии, и сейчас вам очень нужен продолжительный отдых. Лежите спокойно и постарайтесь не двигаться, хотя бы первые дни».

Затем, врачи осмотрели солдата, лежавшего на другой нижней полке купе. Эскулапы решили, что его нельзя транспортировать в операционную, что находилась в нескольких вагонах отсюда.

Медсестра сделала пару уколов новокаина и накрыла лицо человека куском белой ткани, обильно смоченную хлороформом. Хирург подождал пару минут, чтобы пациент крепко заснул и взялся за дело. Он разрезал скальпелем грудную клетку бойца, удалил крупный осколок вражеской бомбы, засевший поблизости с лёгким и зашил глубокую рану. Санитары взяли бинты, и наложил болезному тугую повязку.

Вспомнив всё это, Яков чуть повернул гудящую голову. Парень скосил глаза на соседнюю полку и весьма удивился. Там лежал любопытный солдат из его батареи зениток.

Рана в груди Павла уже стала затягиваться. Он дышал не так трудно, как раньше, но был без сознания и выглядел плохо. Многодневная щетина покрывала удивительно бледные,

глубоко запавшие щёки. Обескровленные губы у него запеклись и потрескались.

«Надо же, как всё странно совпало? – сказал себе Яков. – Вместе воевали возле завода. Вместе прошли через ад переправы и оказались на соседних местах санитарного поезда. Расскажи кому, все лишь усмехнуться. Хотя в то, что мы пережили с ним в Сталинграде, вообще невозможно поверить!»

Лейтенант посмотрел на нижнюю полку, расположенную через проход от купе. Парень увидел молодого сержанта, одетого в замасленный комбинезон танковых войск. Он сидел, прислонившись к стенке, и спокойно смотрел на соседа. Яков с ним поздоровался и догадался, сосед его слышит, но судя по блуждавшему взгляду, почему-то не видит.

Раздался вой пикирующего самолёта фашистов. Поезд со скрежетом затормозил и замер среди бескрайней степи. Все, кто сумел, поднялись на ноги и со всей возможной скоростью двинулись в сторону тамбура. Чтобы не мешать пассажирам, танкист поднял босые ступни из прохода на полку.

Яков понял, что люди спешат покинуть вагон и хотят переждать атаку снаружи. Ведь шансов спастись там значительно больше, чем внутри стоящего поезда. Парень хотел устремиться за ними. Он попытался подняться и осознал, что не сможет этого сделать. Положившись на милость судьбы, зенитчик остался на месте.

Когда «ходячие» ушли из вагона, Яков прислушался. Грохот бомб и трескотня пулемётов доносились со стороны паровоза. Парень решил, что пока нет особой опасности. Стараясь как-то отвлечься от шума, зенитчик попробовал завести разговор. Он окликнул танкиста и тут же представился:

– Меня зовут Яков, а вас?

– Сержант Петров, – отозвался сосед и предложил: – Здесь мы не в воинской части. Находимся на положении раненых. Поэтому, давайте без чинов и фамилий. Если хотите, то зовите меня просто Доля.

– Это что, прозвище? – спросил лейтенант.

– Нет, сокращённое имя, – нахмурился ослепший танкист.

Якову пришёл на ум одноклассник, грек по национальности. Во время учёбы в семилетке в Баку, он подружился с чернявым потомком Гомера, и частенько бывал в его шумном доме. Парень вспомнил многочисленных родственников дорогого приятеля и сказал:

– Дядю моего соседа по парте все звали Долий, что значит – верный друг Одиссея, или большой сосуд для вина. Его имя происходит от какого-то греческого или римского корня.

– Точно, – обрадовался хмурый танкист. – Первый раз встречаю какого-то, кто слышал это редкое имя. К сожалению, оно весьма необычно для русского слуха. Домаш-

ние звали меня просто Доля и я к этому с детства привык. Все остальные считают, это обычная кличка, что означает участь, судьбу или частицу чего-то. Я лично не против, и если не спрашивают, то не спешу объяснить, что здесь и как.

Закончив знакомство, Яков задал главный вопрос:

– А почему ты не вышел наружу, как все остальные?

– Я служил мехводом на «Т-34» и воевал на окраине Сталинграда. Пять дней назад в наш танк влетел крупный снаряд. Грохнуло так, что от взрыва я перестал видеть и слышать. Чувствую только, что машина горит и скоро огонь меня начнёт жечь.

Я на ощупь выбрался из подбитой машины, откатился в сторонку, и тут грохнула наша боеукладка. Потом рядом упала фашистская бомба. От всех этих взрывов поднялась плотная пыль и забила глаза.

Скоро воздух немного очистился, и стало возможно дышать. Я протёр кулаками глаза и неожиданно понял, что совершенно ослеп. Вокруг идёт бой. Куда ползти – непонятно.

Лежу я и думаю: «Я на нейтральной земле. Никто не полезет под пули и не станет меня выручать. Чем сидеть и ждать смерти от снайпера, лучше покончить со всем этим сразу». Я вынул наган из кобуры, что висела на поясе, взвёл курок и поднёс к голове. Кто-то схватил меня за руку сзади и как закричит: «Перестань валять дурака!»

Кое-как разобрал, что это голос моего командира. Он то-

же успел покинуть машину, увидел, что я хочу застрелиться, и успел отвести в сторону ствол. Короче сказать, вытащил он меня к нашим окопам и отвёз в медсанбат.

Врачи посмотрели глаза. Сказали, что с ними всё в полном порядке, но я получил травму мозга и современные медики не могут справиться с этой проблемой. Правда, они меня успокоили. Мол, часто бывает, что зрение потом возвращается. Сам понимаешь, такой я на фронте не нужен, вот меня и отправили в тыл.

При первом налёте я тоже хотел выйти наружу, а после, подумал: «Зачем я буду путаться под ногами у зрячих? Вдруг помешаю кому-то спастись? К тому же, я сослепу могу заблудиться и отстать от санитарного поезда. Кто тогда будет со мною возиться? Таких, как я, теперь тысячи ходят в России. Врачей на них всех не хватит. А так – или убьют в этом вагоне, или же довезут до спокойного места. Оттуда как-нибудь доберусь до дома родителей.

– А где ты жил до войны? – спросил лейтенант.

– В Горьковской области. Княгининский район, колхоз «Красные Лебеди». Не слыхал?

Яков ответил, что сам он родился Баку. Никогда не был на Волге. Поэтому, точно не знает, что и где там находится. Парень хотел было спросить, куда они едут, но подумал о том, что вряд ли ослепший танкист знает об этом.

Он посмотрел на немецкие ручные часы, висевшие на ле-

вом запястье, и удивился, что они всё ещё ходят. То ли, сам заводил, когда возвращался в сознание? То ли, это делал кто-нибудь из соседей, чтобы узнать сколько времени?

Парень сориентировался по солнцу и стрелкам хронометра и с удивлением понял, поезд идёт не на северо-запад, куда нужно сержанту, а на юго-восток. То есть, прямо в противоположную сторону. Яков немного подумал и не сказал молодому соседу о данном открытии. Не стал его сильно расстраивать. Вместо этого он рассказал, как его батарею зениток спасли советские танки, что неожиданно выехали из ворот сборочного цеха завода.

Сержант оживился и вдруг заявил:

– Кстати сказать, за день до ранения я тоже оказался на тракторном. Накануне наш полк поучаствовал во встречном бою с проклятыми фрицами. Мы здорово потрепали друг друга, но нам удалось оттеснить фашистов на запад и занять их позиции.

За нами осталась часть города и все машины, что на ней находились. Сильно разбитые танки, в первую очередь, немецкие «Т-2», пехотинцы забрали себе. Они зарыли их в землю поверх гусениц и стали использовать, как обычные ДОТы.

Из интереса я влез в такую «коробку» и удивился, как там свободно, словно сидишь в маленькой комнате. Не то, что в «Т-34». Хотя если делать просторную башню, то нужно мотёр туда ставить вдвое сильнее. А где его взять? Ну да лад-

но, что уж об этом теперь говорить? Пусть будет тесно, зато толще брони, да и пушка мощнее, – успокоил себя мрачный Доля и вернулся к оставленной теме.

– Так вот, двенадцать подбитых машин можно было ещё починить, и командир батальона решил отогнать их в ремонт. У одних башню заклинило, у других орудие почему-то не движется, у третьих проблемы с двигателем или трансмиссией.

Дождались мы, пока не станет темнеть, и выбрались из укрытий в развалинах, где укрывались от «лапотников». Мы взяли друг друга на прочный буксир, вытянулись в колонну и поспешили к заводу. На одном перекрёстке из улочки вдруг выезжает четыре «тридцатьчетвёрки». Они втискиваются в наш длинный строй и идут вместе с нами.

Рации у всех были разбиты, спросить по радио ничего мы не можем, а выбираться наружу никому неохота. Хоть и едем по своей территории, а вдруг где-то рядом сидит снайпер фашистов? Вот мы и думаем: «Мало ли что? Может быть, ребята из другого полка тоже пошли на починку?»

Мы ввалились гурьбой на ремонтную площадку завода и эти приبلуды следом за нами. Мы потянулись к воротам и совсем забыли про них. А они разъехались в разные стороны, разместились в противоположных углах и стали стрелять. По зданиям, по танкам, по людям. Мы ничего не можем понять: кто же палит, откуда, в кого?

Тем временем фрицы без остановки лупят в упор. Побили много рабочих и наших танкистов. Изувечили несколько приличных машин, что нуждались лишь в мелком ремонте. Разрушили стену цеха завода и разломали уйму станков.

Много они бед натворили, пока мы догадались, что здесь к чему. Тогда мы всерьёз взялись за них и сожгли всех до единого. Один уже загорелся, а всё не может уняться. Направил горящую «тридцатьчетвёрку» на наших. Пошёл на таран и смял «коробку» прежде, чем башню снесло мощным взрывом.

Долго мы потом удивлялись. Ну, мы-то понятно, нам некуда уже уходить с отчей земли, и мы защищаем её до последнего. А они все чего? Ведь они же захватчики. У них же должны быть другие мотивы. Главное для оккупантов – выжить в ходе войны и дожидаться делёжки добычи.

Кроме того, одно дело – драться стенка на стенку, когда рядом ты чувствуешь локоть товарища. Совсем другой колленкор – забраться в гущу врага и погибнуть, словно японский пилот-камикадзе. Но тех, в крайней мере, специально для того выбирают и долго воспитывают особенным образом. А где фашисты набрали шестнадцать таких добровольцев, готовых пойти на верную смерть?

Слепая любовь к великому Гитлеру? Германия превыше всего, и прочие бредни о высшей расе и господстве над миром? А какого хрена здесь делают все остальные: Италия,

Франция, Румыния, Хорватия, Венгрия, а так же Болгария.

Я слышал, здесь даже финны имеются. Ну ладно, можно подумать, они тоже надеются на кусок пирога, но ведь на каких плохих танках они все воюют? Это же дрянь, барахло.

Орудия двадцать, самое многое, тридцать семь миллиметров, лобовая броня только двенадцать. Да наши 76-миллиметровые пушки их пробивают насквозь, словно картонные. Ведь верная гибель идти в атаку в этих «коробках», а они лезут, как оглашенные.

Сержант помолчал, покачал головой, а снова опять вернулся к рассказу.

– После того, как сожгли всех фашистов, что пришли на площадку ремонтного цеха, мы посчитали потери. Выяснилось, что в перестрелке погибло много танкистов и заводских, как механиков, так и водителей. То есть, подбитые «тридцатьчетверки» некому было уже ремонтировать, а готовые гнать в военные части.

Обычно, после того, как экипаж приезжал на завод в повреждённой «коробке», он забирал, ту военную технику что уже подшаманили. Перегружал оставшийся боезапас и возвращался на передовую линию фронта.

Теперь же людей не хватало. Поэтому, мы все сначала помогали ремонтникам навести порядок в цеху. Потом экипажам пришлосьделиться и сесть в разные танки. В некоторых «тридцатьчетвёрках» вообще находилось по одному

человеку. Плюс ко всему, машины только недавно сняли с конвейера. В них не имелось снарядов и даже патронов для к пулемёта.

В тот день мы выехали из цеха завода. Смотрим, чуть вдалеке стоит батарея зениток. Вокруг кипит яростный бой, а мы и помочь ничем им не можем. Порычали моторами, сделали вид, что перестраиваемся в боевой распорядок. Глядь, немцы повернули назад и рванули к своим. Ну, думаю: «Слава Богу! А то пришлось бы кидаться нам в драку только с голыми гусеницами».

– А когда это было? – спросил ошарашенный Яков.

– Второго сентября, – ответил сержант.

– Так значит, мы с тобою могли ещё встретиться там? – удивился зенитчик.

– Могли! – мрачно откликнулся Доля. – Если б у нас были снаряды. Танк – он ведь только с виду удивительно грозный. Он, конечно, большой молодец, когда воюет на чистом пространстве да против пехоты, которая не успела хорошо окопаться. А в боях в центре города он обычно живёт меньше трёх суток. Сгорает вместе с людьми. Даже такой агрегат, как «Т-34», и тот недолго воюет.

– Знаю, – хмуро сказал лейтенант. – Сами сожгли два таких в том бою.

Словно не слыша соседа, Доля продолжал:

– Мне ещё повезло. Продержался почти всю неделю, а ко-

гда всё же подбили, смог целым вылезть наружу. Иной раз всюду идёт такая стрельба, что машина стоит, а экипаж опасается высунуть нос. Оно и понятно, пока маячишь на башне, в тебя все палят, словно в тире.

– Так ведь у танков внизу имеется люк для подобного случая, – удивился зенитчик.

– Есть! И внушительный клиренс вполне позволяет сквозь него проползти. Но на окраинах Сталинграда уже нет ни одного ровного места. Кругом большие воронки от бомб и кучи разбитого кирпича и бетона. Да ещё трупы всюду лежат. Иногда пустыри или улицы сплошь усыпаны мёртвыми. Едешь прямо по ним и только по форме ты понимаешь, здесь наши легли, а здесь проклятые фрицы. – Сержант вдруг нахмурился и злобно сказал:

– Так что хрен его, где откроешь! Обязательно во что-то упрётся, – он отвернулся к стене вагона и надолго умолк.

Сто восемьдесят километров пути санитарный состав прошёл за пять с лишним суток и его очень часто атаковали самолёты врага. К счастью танкиста и Якова, их купейный вагон был одним среди многих и находился в сплошной веренице таких же больших эшелонов.

Пилоты фашистов били по тем, кто подвернётся им под руку и не следили за очередностью. Им было всё равно, кого они недавно обстреляли, а кого ещё нет. Главное, чтоб нанести наибольший урон новой технике и живой силе врага.

Добравшись до села Баскунчак, поезд простоял у развилки почти целый день. После чего, он всё же тронулся, но свернул не на юг, к солнечной Астрахани, как надеялся парень, а почему-то пошёл в противоположную сторону. Он двинулся точно на север и потащился к селению Пушкино. До него оказалось четыреста с небольшим километров.

Ветка железной дороги отстояла от Волги почти на две сотни вёрст, но по ней подвозили огромную часть солдат и воинской техники. Поэтому она бомбилась фашистами удивительно часто. Так же, как трасса, по которой недавно проехал зенитчик. Налёты фашистов продолжались до середины пути, а потом они прекратились.

«Скорее всего, все самолёты противника находятся у Сталинграда и его обширных окрестностей, – думал зенитчик. – Да и зачем летать далеко, если красноармейцы сами придут на нужное тебе расстояние? Достаточно разрушить железнодорожную трассу в одном единственном месте. Военные эшелоны собьются в плотную кучу и можно их бить словно в тире».

Пятнадцатого сентября эшелон миновал узловую очень крупную станцию, возле которой ещё до войны находился посёлок под названием Урбах. Год назад все поволжские немцы были срочно подняты с места и депортированы в Казахстан и Сибирь. Опустевшее внезапно местечко почему-то назвали в честь великого поэта России. То ли он здесь по-

бывал когда-то проездом, то ли просто выбрали нечто нейтральное?

Здесь поезда повернули на запад, проползли восемьдесят два километра и оказались на мосту через Волгу длиною почти в две версты. Обеспокоенный Яков глянул в окно. Парень заметил, что возле крайней опоры стоит батарея из четырёх зенитных орудий диаметром 85-миллиметров. Возле них виднелись расчёты, состоящие из молоденьких девушек.

Вокруг не было видно воронок от бомб, и Яков с облегчением понял, что проклятые «юнкеры» здесь ещё не бывали. Слишком для них далеко. А если и залетают сюда бомбардировщики фрицев, так только двухмоторные. Но чтобы не угодить под шрапнель мощных орудий, они должны находиться на максимально большой высоте.

С восьми, а то и с девяти тысяч метров мост выглядит тоненькой ниточкой, и попасть в него почти невозможно. Куда прощё бить по узлам железной дороге и по крупным заводам. Там очень легко нанести огромный урон.

Поезд спокойно переехал широкую Волгу, въехал в Саратов и замер на какой-то станции. Было достаточнолюдно и не слышалось грохота взрывов. Вокруг царило такое спокойствие, что парню вдруг казалось, он вернулся в Баку, где нет ужасной войны. Вот только сотни калек в свежих повязках не давали забыть лейтенанту о том, что в Сталинграде идёт бесконечная бойня.

Через пару часов прибыли местные медики. Часть раненых, тех, кто полегче, сгрузили и отправили в госпиталь. Почти пришедшего в себя лейтенанта почему-то оставили. Слепшего Долю и любопытного зенитчика Павла, который стал иногда возвращаться в сознание, тоже. Ближе к вечеру привезли партию очень «тяжёлых». Их уложили на свободные полки и сообщили, что утром поезд отправится в Куйбышев.

«Не стоит нам здесь оставаться до вечера, – подумал вдруг Яков. – Не ровён час, сюда явятся фрицы. Начнут сыпать бомбами, и погибнешь в глубоком тылу ни за грош».

Однако никто не спрашивал мнения парня и эшелон санитарных вагонов остался на месте. Наступила летняя ночь, и всё произошло точно так, как представлял себе Яков.

Ближе к двенадцати раздался звук мощной сирены и поднял лейтенанта на ноги. Громкоговорители, что висели на станции, громко прокаркали: «Воздушная тревога!» – и начался налёт проклятых фашистов.

Ярко вспыхнули прожектора, и пошли чертить небо во всех направлениях. То один, то другой захватывал чужой самолёт с крестами на крыльях, неспешно летящий на огромной высоте.

Луч высвечивал бомбардировщик на чёрном бархате ночи и сопровождал до тех самых пор, пока он не уйдёт из воздушного пространства над станцией. Зенитки посылали снаряд за снарядом. Вспышки разрывов вспухали меж звёзд и

тысячи крупных картечин летели в фашистов.

Попавшие под огонь самолёты открывали широкие люки и освобождались от нескольких тонн смертоносного груза. Они резко виляли в разные стороны, проводили противозенитный манёвр и спешили поскорее убраться в плотную тьму. Часть немецких стервятников получила повреждения корпуса и, дымя своими моторами, повернула на запад.

Один снаряд попал «хейнкелю» в левую несущую плоскость. Потеряв, половину крыло самолёт вошёл в штопор и, оглашая окрестности душераздирающим воем, устремился к земле.

От фюзеляжа тотчас отделилось несколько точек. Над ними раскрылись купола парашютов, и лётчики сбитой машины повисли над городом. Каждого из них захватил луч прожектора и вёл сколько мог. К месту посадки бросились милиционеры и стали искать четверых немецких пилотов.

Сброшенные бомбы посыпались вниз. Они подали в жилые дома, окружавшие станцию, на железнодорожные трассы и большие составы, стоящие вплотную друг к другу. Сотни килограммов тротила взрывались с оглушительным грохотом и разносили всё в мелкие щепки.

Огонь поджигал всё то, что могло бы гореть. Головни разлетались на множество метров, и от них начинали пылать другие постройки. Пожар разрастался и захватывал квартал за кварталом. Команды пожарных метались среди языков

буйного пламени. Они разворачивали длинные шланги и при помощи ручных древних насосов пытались залить угли водой.

Один фугас попал в поезд Якова, и вагон с «тяжелыми» ранеными превратился в облако плазмы. Разорванный бомбой состав дёрнулся, как от удара. Буфера громко лязгнули. Задняя часть эшелона тронулась с места и пошла под уклон. Прямо на паровоз, оказавшийся сзади.

Находившийся рядом путеец схватил тормозной тяжёлый «башмак», лежавший между путями, и положил на блестящие рельсы. Колёса наехали на стальную колодку, и пошли дальше юзом. Послышался скрип железа. Вагоны остановились, и крушения удалось избежать.

К утру пожар потушили. Пути привели в надлежащий порядок, и санитарный состав двинулся дальше, к городу Куйбышев. Яков сидел на полке купе и смотрел в окно небольшого купе. Зенитчик увидел, как Саратов исчез далеко позади. Лишь после этого, парень поверил, что оказался в тылу.

Впереди лейтенанта ожидало лечение в течение нескольких месяцев. Он благополучно избавился от жесточайшей мигрени, вернулся в военную часть и участвовал в жестоких боях, вплоть до окончанья войны.

Бой на горной дороге

Военная проза. Рассказ «Бой на горной дороге»

Издан в журнале «Метаморфозы» Белоруссия №4, 2018 г., стр. 237...238

Когда-то, очень давно, был у меня приятель Виктор Аксаков. Жили мы с ним в Самаре, недалеко друг от друга, учились в соседних классах, но каким-то неведомым образом попали в одну дворовую компанию. Благодаря этому обстоятельству, мы постоянно виделись с ним в десятилетке, на пляже и на футбольной площадке, где гоняли кожаный мяч.

По окончании школы, судьба развела нас в разные стороны, и мы стали встречаться от случая к случаю. Чаще всего на бегу, на остановке, у магазина или просто на улице.

Через какое-то время я случайно узнал, что его призвали на службу в Советскую армию. Да не абы куда, а в погранвойска, расположенные в Узбекистане. Виктор успешно окончил учебку, отслужил целых полгода и неожиданно для себя, попал в «СБО». Так назывались «сводные боевые отряды», которые в 1980-м году создавались в советских среднеазиатских республиках.

Затем, его подразделение получило приказ: – Форсировать реку под названием Пяндж и войти на территорию со-

седней братской страны!»

Так Виктор попал в самое пекло. Нужно добавить, что в это самое время много ребят из нашего города служили в, так называемом, ограниченном контингенте советских войск в Афганистане.

Если вспомнить историю, то в сравнении с тем же Вьетнамом, где в 1975 году разбили американскую армию, это была не война, а скорее, миротворческая операция. Как теперь говорят: – Принуждение к миру.

Наши войска вошли в эту республику по приглашению местных властей, построили военные базы в самых населённых местах и попытались стать буфером между враждебными силами, развязавшими гражданскую бойню. С одной стороны находилось руководство страны и верные им военные части, с другой повстанцы различного рода.

Пока наши специалисты-строители возводили для афганцев школы, заводы и фабрики, американцы снабжали моджахедов оружием и постоянно натравливали на советских людей. В этой непростой ситуации и оказался мой школьный приятель вместе со своим подразделением.

Едва они прибыли на ту территорию, в которой им предстояло служить, как их капитан получил срочный приказ: – Доставить продовольствие в кишлаки местных жителей.

Ранним солнечным утром, солдаты пригнали на склад десяток многотонных машин и заполнили их кузова мешками

с мукой, сахаром и другими съестными припасами: рисом, крупой и бутылками с подсолнечным маслом.

Получилась большая колонна грузовиков «Зил-131», которая сразу же двинулась в путь. Её сопровождали несколько бронетранспортёров «БТР-60» с бойцами, сидевшими на серо-зелёной броне.

Караван прокатился по ровной, как стол, голой безводной степи и углубился в предгорье. Местность медленно поднималась всё выше и выше, а ущелье становилось всё тесней и тесней. Очень скоро дорога ужалась до одной колеи.левой обочиной она висела над пропастью, а правой почти прикасалась к отвесной скале.

Десятки огромных колёс крутились без устали и перемалывали каменистую почву в труху. Частицы бесплодной иссохшей земли поднимались к высокому синему небу.

Белесая пыль клубилась в разреженном воздухе и оседала на всё, что находилось вокруг. На тенты машин, на броню транспортёров, на советских солдат, которые группами сидели на ней. Пыль набивалась в глаза, уши и рот, покрывала короткие волосы, офицерские кепки, панамы и хлопчатобумажную военную форму солдат.

Солнце светило с неистовой силой. Слой атмосферы здесь был значительно тоньше, чем на уровне моря и едва защищал от лучей горячего солнца. Стояла жара градусов тридцать, а может и больше.

Всех бойцов мучила сильная жажда. Фляжки быстро пу-

стели, но ни бурной горной реки, ни шумных ручьёв, стекающих с дальних вершин, по пути почему-то не встретилось.

Наконец, впереди появился первый кишлак, в котором обитали афганцы. Небольшое селение состояло из пары десятков домов. С высоты БТРа было видно, что за каждым высоким забором стоит жилище, сложенное из обломков камней и обмазанных глиной.

Вокруг ни единого дерева, ни куста, ни даже чахлой травинки. Похоже, что всё это съели низкорослые щуплые козы с большими ушами. Виднелись только мрачные голые скалы, и лежала мелкая пыль. В данное время эти животные бродили где-то в горах под присмотром местных мальчишек.

Всюду царило такое убожество, что вызывало тоску по родным деревням, утопающим в зелени российских равнин. Чем пробаивались здесь местные жители, было сложно представить себе.

Где-то Виктор услышал, что среди горных вершин встречаются небольшие долины, с весьма плодородной землёй. Только афганцы растят там не рожь и пшеницу, ни фрукты и овощи, а опийный мак. Причём, в огромных количествах.

Когда мак отцветёт, дехкане надрезают ножом ярко-зелёные головки растения. Они собирают вытекший сок, сушат его до состоянья смолы и продают наркоторговцам. Говорят, что так они зарабатывают значительно больше, чем на привочном сельском хозяйстве.

Кстати сказать, пресечение подобной «работы» было одной из главных задач нашей армии, вошедшей в Афганистан. Чтобы отвлечь людей от преступного промысла, СССР много строил в удивительно дикой феодальной стране. Это были роддома и больницы и предприятия различного профиля. Советский Союз снабжал неимущих продуктами и старался поднять образование граждан хотя бы до уровня третьего класса общеобразовательной школы.

Как только колонна втянулась в кишлак, из-за высоких дувалов примчались донельзя худые полуголые дети. За ними появились старые измождённые женщины, закутанные в тёмные тряпки до самых макушек. Открытыми оставались только руки и лица, изрезанные большими морщинами.

Последними пришли аксакалы, одетые, как оборванцы. Все старики оказались худыми, как вешалка, и были одеты в штаны, в простые рубахи и в подобие длинных жилеток или ватных халатов.

На голове небольшие чалмы из грязной замызганной ткани. На ногах разбитая обувь, вроде калош. Вся одежда засалена до такой жуткой степени, что уже не понять, какого она была раньше цвета?

В отряде имелись ребята, которые замечательно знали узбекский язык и переводили слова офицера для обитателей гор. Услышав, что привезли продовольствие, все весьма оживились. А когда услышали, что это совершенно бесплат-

но, то все обрадовались, словно малые дети.

От всех жителей слышались одни и те же слова: – «Shuravi» и «katta rahmat». – что значит: – «Советский, большое спасибо!»

Каждый мешок, сгруженный наземь, принимался с большой благодарностью. Солдаты, прибывшие в Афганистан всего день назад, чувствовали себя очень неловко. Мол, что тут такого? Просто мы оказали посильную помощь бедным друзьям. Многие молодые бойцы настолько размякли, что были готовы брататься с добродушными местными жителями.

Старики принесли пару кувшинов из мятой, позеленевшей от старости меди, и стаканы самого ужасного вида. Они разлили мутный напиток, от которого пахло забродившим изюмом, и предложили своё угощение.

Офицеры увидели, как солдаты потянулись к странному пойлу, и приказали нетерпящим возражения голосом: – Ничего у местных не брать! Никаких сувениров, ни еды, ни даже воды. Если, кого-то замечу за этим, посажу на губу на неделю! Немедленно все по машинам.

Молодые солдаты слегка огорчились. Потом неожиданно вспомнили, из какой грязной посуды им предлагали напиться и согласились со своим капитаном: – Неизвестно какую болезнь, ты подхватишь от этих стаканов. – сказали парни себе и совсем успокоились.

Во всех прочих поселениях повторялась всё та же картина. Бескорыстная советская армия раздает голодающим жителям грузовик продовольствия, а декхане принимают её с такой благодарностью, что нельзя описать. Да ещё и хотят угостить от души. Жаль, что начальство не разрешает всем выпить стаканчик их странной настойки.

Лишь в пятом или шестом кишлаке Виктор заметил какие-то странности. Во-первых, советских солдат всюду встречают лишь дети, старики и старухи. Нигде он не видел молодых и крепких мужчин, женщин разного возраста и молоденьких девушек. То ли, вся молодёжь на делянках мака в горах? То ли, уехала в город на заработки?

Во-вторых, едва начиналась разгрузка, как несколько щуплых подростков начинали вертеться поблизости. Они забирались на крыши домов и заглядывали в грузовики, словно хотели понять, сколько товара осталось? После чего, общались о своих впечатлениях кому-то из старцев. Тот тихо беседовал со своими разведчиками и давал им какой-то приказ.

Пацаны молчаливо кивали. Никуда не спеша, они отходили в сторонку и исчезали меж высоких заборов. Куда они убегали, Виктор догадаться не мог, но на всякий случай, подошёл к капитану. Он обратился по форме и, получив разрешение, доложил о том, что заметил.

– Знаю. – устало сказал офицер: – Сейчас заглянем ещё в одну такую деревню и вернёмся назад. Скажи в своём от-

деление, чтобы на обратной дороге держали ухо востро. К этому времени мы раздадим все продукты. Назад поедем пустыми, и моджахеды наверняка попытаются нас обстрелять. Так сказать, в благодарность за помощь их голодающим родичам.

Всё так и случилось. Едва колонна втянулась в ущелье, как раздался оглушительный взрыв. Идущий первым, «БТР-60» подняло вверх на полметра, и бросило вниз под откос. Сидевшие сверху, солдаты разлетелись в разные стороны, упали на землю и застыли на ней, как тряпичные куклы.

С обоих откосов загревели автоматные выстрелы. К ним подключились и два пулемёта, бьющие с разных сторон. Пули свистели над головой и стучали по корпусам транспортёров.

Моторы взревели на полную мощь. Вторая машина резко увеличила скорость, обогнула воронку, оставшуюся от большого фугаса, и рванулась вперёд. Остальная колонна помчалась за ней.

Стараясь не свалиться с брони, Виктор поднял голову вверх, заметил чалму моджахеда, торчащую из-за серого камня, и дал в её сторону короткую очередь. Так же делали и другие солдаты. Встретив отпор, афганцы немедленно прекратили огонь и стали стрелять не настолько прицельно, как раньше. Это дало шансы отряду вырваться из узкой теснины.

Какое-то время спустя, над долиной вдруг появились два

вертолёта «Ми-24». «Крокодилы» зашли на боевой разворот и обрушили шквал огня и металла на оба склона ущелья. Огонь моджахедов совсем прекратился. Колона выехала на открытое место и замерла неподвижно.

Капитан выскочил из командирской машины и приказал отделению, стоявшему рядом: – Бегом на место атаки. Собрать всех бойцов, живых или мёртвых, и вернуться сюда.

Под прикрытием вертолётов, солдаты добрались до погибшего «БТР-60». Он нашли двух убитых, трёх раненых и девяти здоровых, но сильно оглушённых парней. Тех, кто мог идти сам, привели, остальных принесли на руках. Всех устроили в грузовиках, тронулись в путь и уже через час благополучно добрались до воинской базы.

После этой поездки, Виктор служил в Афгане ещё полтора долгих года. Всё это время, он относился к афганцам с огромной опаской и часто вспоминал слова капитана: – Они могут целовать тебе руки, но когда ты повернёшься спиной, воткнут тебе нож под лопатку.

Потом, СССР разрушили враждебные силы, которые действовали, как изнутри, так и снаружи. В Афганистан вошла американская армия и стоит там уже четырнадцать лет. В полтора раза больше, чем погибший Советский Союз.

За это долгое время, предприятия, больницы и школы, построенные «шурави», почти все развалились. Зато с начала «войны с терроризмом», начатой Соединёнными Штатами в

2001 году, производство наркотиков в Афганистане увеличилось почти в сотню раз!

Мина-лягушка

Военная проза. Рассказ «Мина-лягушка»

Издан в журнале «Метаморфозы» Белоруссия №4, 2018 г.
стр. 239...240

Мина-лягушка

Эта история произошла вначале восьмидесятых годов прошлого, двадцатого века. Мой школьный приятель Виктор Аксаков был призван в армию и оказался в Узбекистане. Оттуда, его перевели в ограниченный контингент советских войск, размещённых в Афганистане. Нужно напомнить, что та операция проводилась по просьбе правительства южной республики.

Пехотная часть, в которой служил мой товарищ, размещалась на одной из многочисленных баз, где находились наши ребята. Время от времени, их моторизованной роте давали различные боевые задания.

Они сопровождали колонны машин с грузом для местных дехкан, который приходил из Союза. Блокировали банды душманов, прорвавшихся из Пакистана. Проверяли «зелёнку», не прячутся ли там моджахеды?

«Зелёнкой» называли участки земли, где имелась более или менее густая растительность. Были в Афганистане и та-

кие места, где большие купы кустов и худосочных деревьев покрывали пустынную местность недалеко от грунтовых дорог.

Именно в этой «зелёнке» душманы скрывались от советских солдат. «Повстанцы» устраивали засады на гуманитарные конвои машин и вели оружейный, а иногда и миномётный обстрел.

Иногда группы бандитов размещали в тех зарослях самодельные установки для пуска ракет. Это была примитивная рама, сваренная из кусков арматуры. На ней, под углом к горизонту, находился снаряд толщиной в руку мужчины и длинную в полметра, может чуть больше.

Рядом стояла открытая бутылка из пластика, заполненная обычной водой. В ёмкости плавал небольшой кусок дерева. Когда вода испарялась, поплавок опускался на дно пустого сосуда и натягивал токую нить. Электрическая цепь замыкалась и отправляла ракету в полёт.

Точность у таких установок была, можно сказать, никакой, но если она попадала в расположение войск, то могла принести огромное количество бед. Осколки взрывного устройства убивали людей, оказавшихся рядом. От снарядов возникали пожары, и выходила из строя различная техника, как военная, так и гражданская.

Душманы знали, что «шурави» часто проверяют «зелёнку» и ставили там ловушки на наших бойцов. От самых простейших «растяжек», когда к стволу дерева крепилась грана-

та со снятой чекой, до новейших тогда ещё мин, под названием «лягушка», которые им поставляла Америка.

Эти мины спокойно лежали в земле на небольшой глубине, но стоило на них наступить человеку или тронуть ногой тонкую проволоку, протянутую к взрывателю, как устройство срабатывало.

Человек шёл себе дальше, ничего не заметив, а небольшой заряд пороха подкидывал мину вверх на метр-полтора. От взрыва в воздух летели тучи шрапнели и осколки металла от корпуса.

В тот памятный день, один из многих советских солдат медленно шёл по «зелёнке» в цепи своих верных соратников. Он крутил головой во все стороны и внимательно осматривал местность, не затаились ли где моджахеды?

Как не был парень внимателен, но он не заметил небольшой бугорок, надёжно укрытый под жухлой травой. Молодой человек наступил на мину-лягушку. Он ощутил, как под ногой что-то щёлкнуло и замер на месте, как статуя.

Остальные бойцы сразу поняли, что с ним случилось, и отшатнулись назад. Сапёры проверили местность вокруг бедолаги, нашли и разрядили ещё несколько разных сюрпризов и стали думать: – Что делать дальше?.

Разминировать это устройство уже не получится. Сойти с этой мины и кинуться в сторону со скоростью спринтера, тоже не выход. Здесь плоская местность, где негде укрыться,

и растёт очень много кустов, а в них не очень разгонишься. Меж тем, как стальные осколки разлетаются метров на тридцать и попадают во всё, что встретят вокруг.

Тогда командир роты принял волевое решение – действовать старым дедовским способом. В те времена, в Афганистане почти все о нём много слышали. Правда, никто, ни разу не видел, как это было на деле и чем всё закончилось?

Лейтенант связался по радиации с воинской базой, которая размещалась поблизости. Он объяснил дежурному офицеру возникшую у него ситуацию и попросил срочно прислать два бронжилета и пару новых ватных матрасов.

Через десять минут возле них затормозила боевая машина пехоты и из неё выгрузили всё, что просил командир.

Боец уже был в стандартном бронжилете и каске, но на него нацепили ещё два дополнительных «броника». Один одели так, чтобы он закрывал шею и голову. Второй закрепили на талии, наподобие юбки.

Оба матраса устали на землю узким концом и держали их так, чтобы они стояли торчком. Один приложили к спине бедолаги. Второй прижали к нему уже спереди. Получившийся «сэндвич» связали верёвкой.

Вокруг пояса несчастного парня обмотали канат. Сзади к нему подъехала боевая машина, а металлический трос прицепили за крюк, торчавший из кормы БМП. После чего, все соратники, которые находились поблизости, отбежали по-

дальше и надёжно укрылись в различных низинках.

БМП резво рванулся вперёд. Канат натянулся и сдёрнул бойца с мины-лягушки, словно лёгкую кеглю из пластика. Испуганный парень пролетел метра три. Рухнул на спину, и его потащило по пыльной земле, как пустую консервную банку.

Как только боец стронулся с места, взрывное устройство немедля подпрыгнуло в воздух на метр. Раздался оглушительный грохот. Сотни кусочков железа брызнули в разные стороны. Они разлетелись метров на тридцать и посекали всю «зелёнку», растущую рядом.

Взлетевшая пыль быстро осела. Сослуживцы рванулись к бедняге. Они развязали канат, сняли матрасы, изорванные в клочья камнями и сталью, и с облегчением увидели, несчастный солдат отделался очень легко.

Лишь три мелких осколка попали в ноги бойцу. Раны оказались довольно серьёзными, но не представляли опасность для жизни. Его перевязали, погрузили в машину и отправили в госпиталь воинской базы.

Там за работу взялись хирурги. Они извлекли весь металл, зашили глубокие раны и отправили парня лечиться в Союз. Через три с лишним месяца он вернулся обратно, дослужил срок до конца и благополучно уехал на Родину.

Из огня да в полымя

Военная проза. Подборка рассказов «Из огня да в полымя»

Издан повторно в литературно-художественном журнале «Луч» № 0-2 2019

Кроме того, рассказы вошли в роман «Разведчик, штрафник, смертник. Солдат Великой Отечественной», выпущенный издательством ЭКСМО в июле 2015г.

Концлагерь в крымской степи

Место, где содержали советских бойцов, оказалось невероятно унылым и голым. Оно представляло собой большую площадку, вытянутую в длину. По всем сторонам данной зоны располагались невысокие взгорки.

Холмы с крутыми, каменистыми склонами надёжной стеной отгородили долину от окружающей крымской степи. В дальнем конце котловины эти возвышенности плотно сходились друг с другом и создавали непроходимый тупик.

Со стороны Чёрного моря в ложбину вёл довольно удобный ровный проход. Широкое устье перекрывала ограда с небольшими воротами. Это были деревянные стойки высотой в три метра, по которым тянулись ряды из колючей заржавленной проволоки. Они шли так часто, что между ними не смог бы пролезть и ребёнок.

Возле ворот концентрационного лагеря был врыт толстый столб. На нём висел «квадратный» громкоговоритель, снятый с какого-то советского здания.

Дальше виднелись две огневые позиции, разнесённые в разные стороны. Фашисты хорошо обустроили временные пулемётные гнёзда. Их обложили камнями, а так же мешками, плотно набитыми щебнем.

Между укреплёнными точками стоял бронетранспортёр

«Ханомаг» и перекрывал пыльный просёлочек. Стенки угловатой машины украшали маскировочные грязно-серые пятна.

Вооружённые карабинами молодые охранники лениво прохаживались по гребням всех ближайших возвышенностей. У их командиров были удобные, лёгкие «шмайсеры».

О каких-либо удобствах для красноармейцев, фашисты даже не думали. Их лагерь весьма походил на обычный загон для скота. Мало того, в течение целой недели, военнопленных не накормили ни разу.

Что уж тут говорить о еде, когда даже с питьём сразу возникли большие проблемы. Несмотря на летнюю пору и большую жару, воду к ним привозили два раза в сутки – в обед и ближе к позднему вечеру. Причём, её доставляли в удивительно малом количестве. В сутки, заключённым давали лишь две солдатские кружки ёмкостью 400 граммов.

В первый же день, фашисты пригнали небольшой грузовик, с кузовом в виде фургона. Сверху на нём находился громкоговоритель приличных размеров. Офицер в чёрной эсесовской форме взял из странной машины переносной микрофон и объявил на ломаном русском:

– Вода будет всем выдаваться в порядке живой очереди! Во время раздачи, солдаты должны соблюдать чёткий порядок! Никто не должен шуметь или драться! Никто не должен лезть к бочке без очереди! Никто не должен вставать в хвост шеренги повторно! За нарушение любого из названных пра-

вил, виновный будет сразу расстрелян!

Пленные красноармейцы внимательно выслушали предупреждение фрицев, но, как это часто бывает в России, в это поверили. Ко времени первого появления бочки, недавние уголовники успели порыскать в разношёрстной толпе и встретить друг друга.

Они коротко переговорили на фене и немедленно выяснили, кто из них всех главнее. Затем, сколотили приличную банду, спаянную воровской дисциплиной. По укоренившейся на зоне привычке, они попытались всё взять под свой жёсткий контроль.

Как только, первая водовозка въехала в лагерь, к ней тотчас устремилось несколько крепких парней, судя по внешнему виду, бывшие зэки. Они расшвыряли уже возникшую очередь и с боем пробились к маленькой бочке с живительной влагой.

Однако, там урки наткнулись на нечто для себя неожиданное. Они, видимо, совершенно забыли, что впереди находились не привычные для них вертухаи советской формации.

Энкавэдэшники относились к таким персонажам, как к довольно преступным, но всё-таки близким для себя элементам. Другое дело, «враги трудового народа», их нужно держать в железной узде.

Благодаря подобным воззрениям, особисты смотрели сквозь пальцы на дикие выходы зеков. Бьют политических,

ну и пусть себе бьют. Держат за горло всех остальных, вот и прекрасно. Крепче будет порядок в их лагерях. Да и плохо ли, когда вместо тебя, работает кто-то другой и внимательно смотрит за дисциплиной на зоне?

В этот раз, сплочённую группу из десяти уголовников встретили жёстокие охранники фрицев. Вместо питья «до упора» все гопники получили автоматную очередь в пузо.

Быстрая казнь банды преступников привела в чувство всех остальных. Так возле бочек с водой установился должный немецкий порядок. Он строго поддерживался до самого последнего дня.

Услышав стук тележных колес, пленные тут же сбегались со всей огромной площадки и быстро выстраивались в длинные нетерпеливые очереди. Потом, все по порядку подходили к трём водовозкам.

У каждой бочки сидел какой-нибудь хмурый старик. По всей видимости, то был обычный крестьянин, пригнанный фрицами из ближайшей деревни. Кучер черпал мутную жидкость из грязной замызганной ёмкости и давал подошедшему к нему человеку.

Трясушимися о нетерпенье руками каждый пленный получал свою мизерную пайку. Тем временем, сзади напирала толпа из людей, донельзя измученных жаждой. Поэтому, времени насладиться водой ни у кого не имелось. Требовалось почти сразу вернуть посуду назад.

Ну, а с полученной у бочки водой человек мог уже сделать всё, что угодно. Хочешь, выпей всё залпом. Хочешь, быстро слей в свою кружку, миску или во фляжку и растяни эту порцию на весь жаркий день.

Но это в том случае, что у тебя есть сосуд, куда можно сцедить драгоценную влагу. То есть, если ты ухитрился не растерять своё небольшое имущество во время смертельно опасного боя.

У каждого пожилого возникшего было пять солдатских металлических кружек. И после раздачи воды, все они должны были оказаться на месте. В первый день, возле бочек всё же возникла неразбериха, и в суматохе пропало целых три питейных сосуда.

Никто не стал разбираться, кто их стащил. Как только фашисты заметили недостачу, так просто схватили первых попавшихся под руку, отволокли их в сторонку и расстреляли у всех на глазах. Фрицы убили столько людей, сколько пропало у них «ценных» ёмкостей. После такого урока никто уже не пытался присвоить чужой инвентарь.

Оказавшись в невероятно ужасных условиях, пленные красноармейцы стали устраиваться кто, как сумел. Счастливые обладатели кружек, мисок и тем более фляжек мгновенно сбились в небольшие сплочённые группы.

Потерявшие свои вещмешки, а среди них оказался Григорий, стремились прибиться к этим стихийным командам.

Они старались объединиться с теми людьми, у кого сохранилась хоть какая-то кухонная утварь.

Во-первых, вместе им было значительно легче отстоять своё небольшое имущество от посягательств преступников. Во-вторых, имея хоть какую посуду, можно было сразу же выпить часть выданной утром воды, а остальное сохранить на потом и проглотить чуть попозже.

Как это ни странно, но и при полном отсутствии пищи пленным сразу понадобилось отхожее место. Оно образовалось как-то само по себе и стихийно возникло в самом дальнем конце широкой долины. Там всё было покрыто засохшим дерьмом.

Пленные прибывали в ложбину ещё несколько дней. Они поведали всем о страшных, невероятных вещах. Из сбивчивых рассказов бойцов, остальные узнали, что было на советском плацдарме после прорыва?

Некоторые красноармейцы тогда уцелели, откатились назад и продолжали сопротивление врагам. Скоро патроны закончились, но даже тогда, немцы не стали лезть на рожон. Они не хотели рисковать своей жизнью и идти в рукопашную с донельзя озлобившимися советскими гражданами.

Фашисты вплотную приблизились к окопам защитников русской земли и стали выкуривать их при помощи ранцевых и передвижных огнеметов, установленных на специальных тележках. В хорошо укреплённых блиндажах или дотах фа-

шисты динамитными шашками выбивали прочные двери и швыряли в проёмы ручные гранаты.

Так что, до знаменитых баталий «в штыки», которые очень хвалил Александр Васильевич Суворов, дело ни у кого не дошло. Хочешь, не хочешь, а пришлось всем сдаться.

На второй день кошмарного плена, Григорий шёл куда-то по лагерю и случайно наткнулся глазами на бледного красноармейца. Тот вздрогнул, как от удара, и быстро отвернулся от парня.

Только взглянув на забинтованную голову молодого мужчины, боец неожиданно понял, кто стоит перед ним. Оказалось, что это тот политрук, который перед началом прорыва явился в их роту. Он собрал всех людей и рассказывал им о том месте, где нужно сосредоточиться перед атакой.

Тогда комиссар, призывал всех до единого отдать свою жизнь за Великую Родину и товарища Сталина. Вот только сейчас на нём была не добротная офицерская форма с двумя кубарями в петлицах, а сильно поношенная, простая одёжка рядового пехоты. Скорее всего, он переоделся перед атакой.

Не желая никого выдавать, Григорий изобразил на лице равнодушную мину. Он сделал вид, что не узнал пламенного пропагандиста и агитатора коммунистической партии ВКП(б).

Молодой человек пошёл себе дальше и поблагодарил свою непростую судьбу за большую удачу. За то, что ему повезло

поменять щеголеватую матросскую форму на обноски солдата, убитого пулей фашиста в последнем бою.

На третий день, сразу после рассвета, один из охранников включил мощный громкоговоритель, который висел на столбе. На головы красноармейцев обрушились удивительно громкие звуки фашистского военного марша. Следом за ним, прозвучало громоподобное объявление на ломаном русском:

– Внимание! Данный сигнал означает, что наступило время подъёма и утреннего построения, – потом мерзкий голос сухо добавил: – Если кто-то не выполнит эту команду, то будет расстрелян.

Забывшиеся предутренним сном, пленные красноармейцы торопливо поднялись с каменистой земли. Все, как можно скорее, построились в линию, что протянулась по центру долины.

Приблизительно через час, в лагерь приехала чёрная советская «эмка». Из неё появился лощёный молодой офицер, одетый в чёрную форму «СС». Он неспешно прохаживался перед длинной шеренгой красноармейцев, постукивал стеклом о блестящий сапог и говорил по-русски, с немецким акцентом:

– Германское командование создало Русскую освободительную армию. В неё входят советские солдаты и офицеры, которые не хотят воевать против Великой Германии.

Возглавляет РОА широко всем известный генерал-лейтенант РККА Андрей Андреевич Власов. Он был командующим 2-й Ударной армией Волховского фронта. Весной 1942-го, Власов со своими солдатами и офицерами перешёл на сторону несокрушимого вермахта. Если кто-то из вас хочет служить в Русской Освободительной Армии, сделайте три шага вперёд.

На широком плацу повисло гробовое молчание. Потом из шеренги несмело шагнул один человек. За ним, так же робко, вышел другой. На этом всё и закончилось.

Всем показалось, что эсэсовец совсем не расстроился от небольшого числа советских бойцов, желавших вступить в ряды РОА. Он просто вяло махнул правой рукой.

К добровольцам тотчас подбежали фашисты, похлопали их по плечам и увели с территории лагеря. Уже за оградой, их посадили в кузов армейского грузовика и увезли неизвестно куда.

С невозмутимым лицом эсэсовец ждал, пока машина уедет. Затем будничным тоном продолжил:

– Тех, кто не хочет служить великой Германии, ждёт одно наказание – расстрел. Сегодня будет убит... – при этих словах он достал из кармана мундира изящные золотые часы на длинной цепочке. Немец откинул толстую крышку хронометра и посмотрел на острые стрелки. Он на секунду задумался и, приняв решение, тут же продолжил: – Например,

каждый двадцать девятый!

Офицер чуть помолчал и добавил: – День ото дня это число будет меняться, постоянно варьируясь в пределах от двадцати до тридцати. А сегодня, мы начнём с цифры... – он сделал паузу и равнодушно закончил: – Например, с цифры восемь. – После чего, развернулся и спокойно ушёл.

Стоявшие рядом, фашисты отдали честь командиру и занялись выполнением приказа начальства. Один из них, подошёл к правофланговому красноармейцу, ткнул ему пальцем в грудь и начал расчёт с того числа, которое только что назвал офицер.

Фельдфебель добрался до двадцати девяти и кивнул двум охранникам. Те ловко выдернули человека из строя, отвели его в сторону и грубо толкнули к откосу крутого холма.

Тем временем, фриц деловито продолжил работу. Причём опять с цифры восемь. Так он и действовал до тех самых пор, пока не оказался у замыкающего шеренгу солдата.

Завершив процедуру отбора, фашисты продолжили непростую работу. Всех тех, на кого выпал жребий, быстро построили в одну небольшую шеренгу. После чего, наступила скорая и неотвратимая казнь. Немецкий унтер крикнул: «Огонь!» Автоматчики дали длинную очередь, и убитые люди повалились на землю.

Однако, этим дело не кончилось. Всем приказали на ломанном русском: – Не расходиться и выполнять все команды

охранников лагеря, иначе последует быстрый расстрел.

Трупы несчастных бойцов не убрали, а просто оставили на пыльной площадке. Так они там и лежали, до тех самых пор, пока не пригнали пустые телеги из ближайшей деревни. На это ушло, ни много ни мало, почти два часа.

Всё это долгое время, шеренга оборванных красноармейцев должна была неподвижно находиться на месте и, не опуская глаза, смотреть на мёртвых соратников. Арестантов, что не хотели этого делать, ожидала та же печальная участь, что и погибших.

После прибытия порожнего транспорта, фашисты взяли из строя несколько пленных, тех, что покрепче. Они брали убитых за руки за ноги и поочерёдно укладывали в деревянные дроги.

Пожилые крестьяне, что сидели в повозках, скорбно кивали и ожидали окончания погрузки покойников. Затем они взмахнули вожжами, тронули своих лошадей и уехали неизвестно куда. Лишь после этого, охранники дали команду: «Всем разойтись!»

Утром нового дня, всё повторилось, за исключением пары деталей. Едва загремел бравурный марш армии Гитлера, как всё немедля проснулись и рванулись вперёд.

При построении, возникла ожесточённая схватка за первые места на плацу. Почти все преступники и многие из простых заключённых вдруг захотели, оказаться в начале длин-

ной шеренги. Причём желательнее, в первой пятёрке.

Охранники не стали смотреть, кто победит в этом сражении. К свалке тотчас подбежало несколько немцев с оружием. Один из них крикнул: «Прекратить драку немедленно!»

Разгоряченные люди его не услышали. Тогда раздались короткие автоматные очереди. Пули изрешетили дерущихся пленных, и всё мгновенно закончилось. Тех, кто остался в живых, фашисты отправили в хвост протяжённого ряда.

После этой расправы, каких-либо свар уже никогда не случалось. Все заключённые окончательно поняли ужасную вещь. Угадать, какой номер, будет сегодня расстрелян, и с какой цифры начнётся отсчёт, увы, невозможно.

Все решили уповать на везение и безропотно вставали туда, укажут фашисты. А немцы передвигали людей туда и сюда, как им только захочется. Как понял Григорий из их разговоров охранников, они заключали пари на номера, которые выпадут в жеребьёвке сегодня. Так продолжалось изо дня в день.

Всегда находились слабые духом бойцы, которые всё же решались, покинуть строй сослуживцев. Каждый раз, из многих сотен голодных, измученных пленных, три или четыре предателя выходило вперёд.

Причём не всегда это были бывшие зеки или преступники. Как это ни странно, но и среди уголовников имелись очень разные люди. Встречались среди них и такие, которые

не хотели, идти на службу к фашистам.

Прямо с утра, скорая и ужасная смерть собирала в маленьком лагере обильную жатву. В этом случае, каждый несчастный вёл себя на особицу. Самые сильные люди, молча, шагали вперёд и с сосредоточенным видом двигались к лобному месту.

Другие, что пожиже в коленках, без всяких слов падали в обморок. Немцы не ждали, пока красноармеец очнётся. Они подбегали к обречённому на казнь человеку, хватали за руки и, словно грязный мешок, тащили к месту расстрела.

Самые слабые, впадали в истерику. Они ни за что, не хотели покинуть своё место в шеренге, которое им почему-то, казалось надёжной защитой. Они крепко цеплялись за ближайших соседей, упирались в землю ногами и кричали на все голоса.

С подобными трусами фашисты вели себя, словно дикие звери. Их безжалостно били ногами или прикладами и, в конце концов, силком отволакивали к каменистому склону холма.

Скоро, ужасающий жребий выпал на политрука, замаскированного по простого солдата. Охранники выхватили его из длинного строя и грубо швырнули к прочим несчастным. И тут случилось нечто такое, чего ещё ни было в лагере.

Молодой комиссар упал на колени и принялся целовать заплётённые сапоги ближайших фашистов. Стоя на четве-

реньках, он бросался от одного фрица к другому, хватал их за ноги и с громким рыданием молил о пощаде.

Неожиданно для всех окружающих, на лицах охранников возникли гримасы необычного вида. До этого случая, чужеродные физиономии немцев могли отражать всё, что угодно.

В основном, проявлялось равнодушие и безразличие. Чаще всего, мелькала жестокость, а иногда и животная радость от ощущения, что они безнаказанно могут унижить, избить или даже убить безоружных врагов.

В тот день, Григорий увидел выражение брезгливости, а вернее сказать, даже гадливости, смешанной с большим отвращением. Внезапно, фашисты ожесточились больше обычного.

Они безжалостно били труса ногами, наносили удары прикладами и с шумным рёвом и гоготом погнали его к тесной группе обречённых на смерть. Никакие, даже очень униженные, мольбы или просьбы не помогли человеку. Фрицы поступили с ним точно так же, как и со всеми другими бойцами в предыдущие дни. Они безжалостно расстреляли всех выбранных жребием.

Перед каждой такой экзекуцией, эсэсовец смотрел на свои дорогие часы, а затем называл две разные цифры. Одна, означала номер тех красноармейцев в строю, которые будут сегодня расстреляны и колебалась от двадцати до тридцати. Вторая, говорила о том, с какого числа поведётся отсчёт и находилась в пределах от одного до десяти.

Григорий задумался: зачем офицер смотрит на свой дорожный хронометр? Парень решил, что немец хочет узнать, на какое деление укажет ему минутная и секундная стрелка. После чего, он производит в уме какие-то несложные действия и называет итог своих вычислений.

Для чего эсесовец так поступал, понять парень не мог. Скорее всего, так он снимал с себя ответственность за убийство людей и перекладывал её на злодейку-судьбу. Мол, всё здесь решает случайность, а он совсем не причём.

После прорыва прошло больше недели. Григорий почувствовал, что начинает быстро слабеть. Десять тяжёлых и безрадостных дней, проведённых без какой-либо пищи и достаточного объёма воды, не прошли даром для парня. Впрочем, как и для всех остальных заключённых.

Каждое утро, вдруг выяснялось, что несколько человек не могут самостоятельно подняться на ноги. Чаще всего, это были те люди, которые получили ранения в последних боях, и у них начиналась гангрена.

Заметив беднягу, что совсем обессилел, немецкие автоматчики подбегали к несчастному и расстреливали на месте в упор. Потом велели живым взять мертвеца и оттащить к той площадке, где совершалась регулярная казнь.

К вящему ужасу пленных, с каждым днём таких доходяг становилось всё больше и больше. Теперь каждый боец с содроганием ждал, что скоро наступит черёд и его быстрой

смерти. Григорий тоже пришёл к такому печальному выводу.

«Фашисты решили нас всех заморить жаждой и голодом, чтобы не тратить патроны впустую, – обречённо раздумывал парень. – Об этом говорит и то обстоятельство, что вербовка в армию Власова не проводилась уже два раза подряд».

Григорий не знал, радоваться отмене призыва в РОА или же ему огорчаться. С одной стороны, парень не мог переступить через себя и выйти из строя, как другие предатели. Если глянуть с противоположной позиции, то это единственный шанс, чтобы спастись из этой безжалостной зоны. И кто его знает, как бы он поступил дня через два и не пожалел бы потом о любом из этих решений?

Когда сознание мутится от жажды и голода, а впереди тебя ожидает гибель от пули немецких охранников, всякое может случиться. А так, он уже точно не станет служить у фашистов. Вот тут и произошло то событие, которого никто уже больше не ждал.

Ранним утром, в долину явилось сразу несколько бра-вых молодых офицеров и взвод пехотинцев противника. Они приехали на двух чёрных «эмках» и нескольких немецких грузовиках. Солдаты вытащили из автомобилей весьма необычные вещи. Григорий напряг ослабевшее зрение, немного прищурился и рассмотрел три конторских стола и несколько стульев разного вида.

Охранники принесли всё на территорию лагеря и быст-

ро расставили на небольшом возвышении. Над обшарпанной мебелью натянули широкие тенты из ткани защитного цвета. На стульях с комфортом разместились эсэсовцы. Рядом с ними на табуретках примостились обычные армейские писари.

К обессиленным пленным подбежали фашисты. Они поднимали пинками истощённых бойцов и направляли их к странному гостям. Там заключённых сортировали и ставили в три большие шеренги.

Григорий занял то место, что ему указал хмурый охранник, и огляделся вокруг. В строю, в который его поместили, в основном, оказались молодые, здоровые люди без заметных повреждений на теле. В соседнем ряду находились крепкие, матёрые красноармейцы и те, что имели небольшие ранения. Дальше виднелись лишь доходяги и пожилые бойцы.

Охранники тщательно обыскали каждого пленного и отобрали у всех документы, а заодно, вещмешки, которые кое у кого сохранились. Только затем, узнику позволяли двигаться дальше. «Красноармейские книжки» передавали сидевшим у столов офицерам.

Эсэсовцы быстро пролистывали бумаги и беглым взглядом осматривали тех заключённых, что застывали перед ними на вытяжку. Иногда, спрашивали о чём-то на русском, а после этого, называли номер команды. Находившиеся поблизости писари заносили все данные в толстые амбарные

книги.

На ленивый вопрос офицера: «В каких частях воевал?» Григорий ответил на прекрасном немецком:

– Служил в хозяйственном взводе, герр офицер!

С небольшим интересом фриц посмотрел на славянскую физиономию молодого бойца, что стоял перед ним, и спросил:

– Откуда знаешь язык?

– Дружил с детьми немцев Поволжья, – отрапортовал пехотинец и вспомнил недавнюю встречу с подводником. Вопросы фашистов не отличались один от другого.

Оно и понятно, о чём ещё можно говорить с «утерменшем», то бишь, недочеловеком. Конечно же, о языке, на котором тот быстро лопочет, что-то невнятное. Ведь он ничего не может понять в высоком искусстве, в литературе и в классической музыке.

– Хорошо! – бросил эсесовец и безразлично добавил: – Команда «А». Следующий!

Не зная, что нужно делать в такой ситуации, Григорий замер на месте.

«Не благодарить же фашиста за то большое внимание, что он оказал ничтожному пленному», – мелькнуло в голове пехотинца. Он просто кивнул, мол, всё понял и отлично запомнил, и двинулся к красноармейцам, которые прошли регистрацию.

Автоматчики не позволили всем снова смешаться в общую кучу. Парня направили в группу молодых, совершенно здоровых людей. Они сидели на каменистой земле и ожидали, пока все заключённые не пройдут строгий отбор и их не разделят по разным командам.

Ждать им пришлось достаточно долго. Ближе к полудню всех пленных бойцов построили в небольшие отряды, которые обозначались латинскими буквами. Один из эсесовцев объявил им русском:

– Вы должны все гордиться оказанным вам высоким доверием. Вас отправляют в Германию! Уверен, что вы будете благодарны Великому рейху за сохраненную жизнь! Вы будете делать там всё, что от вас только потребуют! – Напоследок фриц строго добавил: – За попытку к бегству – расстрел прямо на месте!

Он развернулся и направился к легковой советской машине, стоящей за воротами лагеря. К нему подошли остальные эсэсовцы. Офицеры уселись в трофейный автомобиль и уехали.

Ещё через час, команду «А» вывели из полевого концлагеря и вместе с другими отрядами погнали куда-то на север. Унылая колонна бойцов далеко растянулась вдоль старинного тракта. Несколько сотен измученных пленных сопровождали восемь мотоциклов с колясками.

Очень подвижные, небольшие машины медленно ехали

вдоль степного просёлка. Они спокойно катили рядом с узкой дорогой. Вокруг простиралась, ровная, как обеденный стол, поверхность земли. П подобной прогулке она не доставляла водителям каких-либо трудностей.

Три лёгких транспорта держались по правую руку, а ещё три – находились с другой стороны от этапа. Один экипаж указывал путь, другой замыкал скорбное шествие.

На его долю выпало самое простое занятие – добивать тех измученных пленных, которые падали с ног от усталости и уже не могли двигаться дальше. Время от времени, короткие автоматные очереди разрывали сонную тишь окружающей местности.

Составленная из молодых, сильных и здоровых бойцов команда «А» шла впереди основного конвоя. Невысокий Григорий шагал в середине отряда и думал: «Нас охраняет два отделения мотопехоты. На каждом из мотоциклов по три крепких немца. Итого двадцать четыре фашиста и все с автоматами. Плюс ко всему, восемь ручных пулеметов, закреплённых на люльках. Всё это против нескольких сотен безоружных людей, измождённых жаждой и голодом.

Выходит, что каждому немцу нужно убить два-три десятка красноармейцев. Если считать по-хорошему, то на это, каждому фрицу хватит одной длинной очереди из автомата.

Машины едут метрах в десяти от колонны. Даже если мы все кинемся разом, то пока дохромаем до фрицев, они перестреляют нас всех до единого. Откроют огонь из восьми пу-

лемётов и «шмайсеров», и проблема с нашей колонной будет целиком решена. Если кому-то, вдруг повезёт, он уцелеет и скроется в голой степи, то куда после бежать? Весь Крым давно уже занят фашистами!»

На этом, Григорий закончил анализ путей, ведущих к свободе. Оставалось лишь ждать, развития дальнейших событий. Возможно, ему где-нибудь, представится удобный момент, и он сумеет сбежать.

Начиная с полудня и до позднего вечера, не было сделано ни одного небольшого привала. Измотанные жаждой и голодом, военнопленные шли по безводной степи, выжженной летним безжалостным солнцем.

Они шагали без крошки еды и капли питья. Автоматически двигая ноги, несчастные люди упорно тащились неизвестно куда. Григорий впал в состояние, похожее на забытье, и продвигался вперёд, как большая игрушка с заведённой пружиной.

К наступлению ночи, большая колонна, наконец, добралась до какой-то маленькой станции железной дороги. Судя по внешнему виду, она находилась на очень глухой, давно заброшенной ветке.

Всех, кто сумел добрести до данного пункта, тщательно разделили по отдельным командам и построили в ряд. Они оказались перед пустым товарным составом, что был предназначен, для перевозки различного груза.

При небольшой переделке, такой подвижный состав превращался в «теплушки». В них перевозились бойцы Красной Армии к фронту. В их числе, находились и кавалерийские части вместе с животными. В обратную сторону, везли гражданских людей, который эвакуировали из тех многих районов, к которым подходили фашисты.

Фрицы всё-таки смилостивились и разрешили работникам станции принести заключённым немного воды. На каждый двухосный вагон пришлось по несколько ведёр тёплой, и мутной живительной влаги. Путьцы наливали её в пустые жестянки из-под немецких консервов и передавали пленным бойцам.

Фашисты следили за тем, чтобы всем заключённым досталось лишь по одной кружке воды. Смертельно утомлённые узники были рады и этой маленькой порции. Наконец-то, они смочили пересохшее горло и слегка приглушили свою многодневную, безумную жажду.

После столь скудного «ужина» охранники спешно загнали людей в небольшие вагоны и набили так плотно, что даже сесть было негде. Несчастные красноармейцы стояли, прижавшись друг к другу, словно карандаши в тесной душевной коробке.

Ближе к полночи, поезд тихо тронулся с места и устремился на запад. Он ехал в фашистскую Германию Гитлера. Стальные колёса мерно стучали на стыках изношенных рель-

COB.

Этапирование в Германию

На следующее утро, сигнальный гудок не издал ни единого звука. Видимо, отвратительный вой воздушной сирены не доставлял удовольствия фрицам. Они снова решили, обойтись без шумового эффекта.

Хорошо, что у заключённых оказался живой безотказный будильник. Чернявый Олег – внук деревенского знахаря, проснулся в нужное время и поднял всех остальных. Не дожидаясь команды, военнопленные выбежали на маленький плац и построились в небольшую шеренгу.

Из ста семи красноармейцев, прибывших в лагерь месяц назад, выжили только шесть человек. Остальных либо загрызли немецкие сторожевые овчарки, либо их расстреляла охрана фашистов.

Лишь десяток «счастливчиков» умудрились уйти от такой страшной участи. Эти «везунчики» умерли ночью, во сне. Кто от гангрены, возникшей от собачьих укусов, кто от потери большого количества крови, а кто от истощения. Ведь им приходилось много бегать по польскому лесу.

Но и оставшиеся в живых, арестанты представляли собой достаточно жалкое зрелище. Каждодневное выполнение роли убегающей дичи для поисковых собак никому не добавило ни здоровья, ни веса.

Все очень сдали и теперь еле держались на ослабевших ногах. Оборванные, сильно измученные, заросшие неопрятной щетиной до уровня глаз, люди стояли на тесном плацу и безропотно ждали появления охранников.

Небольшие ворота, ведущие на территорию пленных, неспешно открылись. В этот раз, вместо фашистов с оружием, в зону вошёл только ефрейтор Фридрих Ленц. Подобной беспечности раньше фрицы не позволяли себе.

Хотя, чего вертухаю было теперь опасаться? Шестерых доходяг, которых качает от сильного ветра? К тому же, остальные камрады находились поблизости. Стоит лишь крикнуть и все придут на помощь соратнику.

Вчерашний банкет коменданта протекал очень шумно и не стихал почти до утра. Громкие взрывы пьяного смеха и звон разбитой посуды прерывали сон арестантов, утомлённых занятиями со спарринг-партнёрами. Так что, утром они все себя ощущали сильно уставшими. Да ещё стакан непривычного шнапса давал себя знать.

Чего нельзя было сказать о бравом ефрейторе. Несмотря на продолжительное бурное гульбище, в котором участвовал пятидесятилетний мужчина, он выглядел на удивление свежим. Охранник был чисто выбрит и благоухал одеколоном с цветочным оттенком.

Ленц встал перед коротеньким строем и, слегка заикаясь, заговорил по-немецки. Он сказал несколько слов и сразу от-

метил, что его короткая речь не доходит до основного числа заключённых. Фашист ткнул пальцем в Григория и приказал:

– Переводи! Я вижу, что ты хорошо понимаешь немецкий язык.

Григорий не стал отрицать данный факт и сделал два шага вперёд. Помня правила поведения в лагере, он повернулся и перебежал в начало шеренги. Парень расположился одним боком к начальству, другим – к друзьям по несчастью и с этого мига начал толмачить.

Ефрейтор бодро продолжил:

– Вчера герр комендант распорядился этапировать вас в фатерлянд! Согласно выданному мне предписанию, с этой минуты вы все поступаете в полное моё подчинение.

За малейшее непослушание я вас расстреляю на месте! – охранник выразительно хлопнул себя по кобуре с пистолетом. – За побег одного человека, всех остальных, ждёт, то же самое, смерть! Надеюсь, что все это запомнили!

Он подождал, пока Григорий переведет последнюю фразу, и двинулся дальше:

– Сразу после завтрака идём все на склад. Там вы получите новое обмундирование и сухой паёк на три дня. Затем, вы переоденетесь и приведёте себя в полный порядок.

Потом я отведу вас в комендатуру, где каждому выпишут проездной документ до Германии. После чего, мы выйдем из лагеря и отправимся на железнодорожную станцию. На-

лево! – скомандовал немец: – Шагом марш!

Оставшиеся в живых, заключённые дружно кивнули и двинулись к узким воротам, ведущим в жилую зону фашистов.

Спустя один час, бойцы вернулись в свой опустевший барак. С собой они принесли, очень много разнообразных вещей Их истощённые лица выражали крайнюю степень ошеломления.

Ещё бы, одного слова коменданта концлагеря оказалось достаточно, чтобы все заключённые переместились из разряда никчемных животных в категорию настоящих людей. Пусть, они оказались лишь существами третьего сорта. Второе место по праву занимали поляки, верные и надёжные слуги «великого рейха».

За прошедшее время, с пленными произошло столько невероятных чудес, что у них голова закружилась. Первым делом, им выдали по миске пшенной каши и кружке эрзац-кофе без сахара. Мало того, что пищи им наложили втрое больше, чем раньше, так ещё, всю еду приготовили на той чистенькой кухне, которая трудилась на фрицев.

Правда, шестерым заключённым досталось лишь то, что не доели подручные немцев – поляки. К счастью, этого оказалось достаточно, чтоб хорошо накормить арестантов.

Для изголодавшихся узников полученная тёплая пища оказалась не только удивительно вкусной, но, что самое глав-

ное, очень питательной. После завтрака бойцы резко взбодрились и пошли по маршруту, что наметил ефрейтор.

Ленц сопровождал арестантов к интенданту концлагеря. Тот выдал им почти новую форму непривычного облика. По всей видимости, её сшили поляки для своей опереточной армии..

Когда Григорий работал на Среднем Урале, он слышал, что гонористое Польское Войско было разбито фашистами за три недели. Уже 18 сентября 1939 года, высшее руководство страны сбежало в Румынию. Ещё кто-то рассказывал, как панская кавалерия с голыми шашками ходила в атаку на немецкие танки

Вдобавок к одежде и обуви бойцы получили вещевые мешки, произведённые в СССР. На продовольственном складе пленных одарили сухпаем, который использовал вермахт.

Пожилой каптенармус с осуждением глянул на заросшие физиономии пленных, сокрушенно покачал головой и ушёл вглубь тёмной каптёрки. Скоро немец вернулся и, неожиданно для красноармейцев, вручил им тупые ржавые ножницы, кусочек серого мыла и опасную бритву известнейшей фирмы «Solingen». От долгого употребления её лезвие оказалось источено до половины, но им всё ещё можно было прилично побриться!

Узники тотчас вернулись в барак и принялись приво-

дить себя в надлежащий порядок. Они, как могли коротко, остригли довольно отросшую, неуставную причёску. Затем тщательно соскоблили щетину.

Если с растительностью на лице все управились сами, то головы друзей по несчастью побрил Алексей. Затем он занялся собой. Как это ни странно, он и свою черепушку выскоблил до зеркального блеска. Причем умудрился ни разу, нигде не порезать.

Бойцы быстро сполоснулись до пояса, вымыли ноги и переоделись. Не теряя ни единой секунды, они торопливо схватили мешки и выскочили из барака наружу. Они привычно построились на пыльном плацу и стали дожидаться ефрейтора.

Спустя пять минут появился и Ленц. Он критически осмотрел своих подопечных и откровенно порадовался той перемене, что с ними случилась. Фашист удовлетворённо кивнул и коротко бросил:

– За мной! – после чего, повернулся и направился к канцелярии лагеря.

Там вертухай передал заключённых неказистому служащему. Бойцов сфотографировали, и только затем отправили к писарю. Худой, как кощёй, крючокотвор тщательно опросил прибывших пленных и заполнил несколько формуляров на каждого. К тому времени, когда он закончил возиться с бумагами, фотограф принёс уже готовые снимки. Он передал

их начальнику и тут же исчез.

Фриц-бюрократ тщательно сверил свежие карточки с лицами узников и вклеил их в соответствующие документы. Сверху он поставил печать с чёрным орлом, держащим свастику в лапах.

Лишь после этого, появился ефрейтор. Ленц расписался в многочисленных ведомостях. После чего, получил новенькие аусвайсы невольников и документы, позволявшие им въехать в Германию. Он спрятал фашистские ксивы в нагрудный карман гимнастёрки и вышел на крыльцо кирпичного здания.

Команда выживших смертников поспешила за немцем. Ленц подвёл их к забору и остановился возле центральных ворот. Там бойцов ожидал неприятный сюрприз. Вдоль ржавой проволоки со стальными шипами, стояли тринадцать дорогих чемоданов из кожи.

Они весьма отличались один от другого размером, формой и цветом, но все, без исключения, были очень плотно набиты. Каждый из них оказался закрыт на небольшой висячий замочек.

Ефрейтор взял самый маленький дорожный баул, больше похожий на саквояж, и отошёл с ним в сторонку. Потом, приказал заключённым разобрать всё остальное и снова встать в строй.

Стараясь схватить то, что поменьше, все пленные стрелою

метнулись к поклаже. Наконец, суматоха закончилась, но не все оказались довольны её результатом. Ещё бы, уж очень заметная разница была в тяжести данных предметов.

Выражая лицом очень разные чувства, бойцы заняли место в шеренге и водрузили вещи фашистов возле себя. Григорий выглядел совершенно спокойным. Ноша парню попала, в общем-то, средняя, как по объёму, так и по весу.

Как немедленно выяснилось, Ленц оказался очень дотошным и, на свой лад, справедливым мужчиной. Он очень внимательно осмотрел вытянувшихся во фронт заключённых. Затем изучил их поклажу.

Он подходил к каждому красноармейцу по-очереди и приподнимал, находившийся рядом багаж. Немец сразу всё понял, кто-то из пленных ухватил то, что полегче, а кому-то досталось, что-то вообще, неподъёмное.

Ленц отвечал за доставку в Германию, той ценной добычи, что захвачена в Польше начальством. Терять ценный груз по дороге нельзя. Иначе, герр комендант его строго накажет, а то и, вообще, расстреляет.

Выйди из строя один из носильщиков, взять ему новых было бы негде. Значит, их нужно беречь с особенным тщанием, так же, как деревенский тягловый скот. То есть, выучить их всех равномерно.

Вертухай отметил ощутимую разницу и решил всё исправить по-своему. Сначала он переставил несколько больших чемоданов. Потом, решил, что здесь нужен безмен, иначе не

сможешь более-менее ровно, распределить общий вес. Он сурово нахмурился.

Как многие немцы, пятидесятилетний охранник оказался весьма рациональным мужчиной. Он не стал долго мудрить и сказал:

– Приказываю, двигаться в одну шеренгу – гуськом. Интервал – два шага. Каждые полчаса спокойной ходьбы будете меняться местами в колонне. Первый номер уступает свои чемоданы второму и так далее. Последний в строю передаёт груз ведущему.

Он отошёл к своему саквоюжу, легко оторвал его от земли и скомандовал: – Вещи поднять! Налево! Шагом марш!

Все дружно подхватили поклажу и короткой цепочкой устремились к воротам. Огромные створки опять заскрипели и, как показалось невольникам, открывались на удивление медленно.

Радость невольника, вырвавшегося из ужасной тюрьмы, до края заполнила душу Григория. Он шагнул на просёлок, ведущий к железной дороге, и с облегчением подумал: «Слава Богу, я вырвался из этого ада!» Следом пришла новая мысль: «А что интересно, ждёт меня впереди? Вдруг там всё будет значительно хуже, чем здесь?»

Возле высокой ограды стояло шестеро хмурых поляков. Они держали в руках карабины, которыми Речь Посполитая снабжала свою кавалерию. Как слышал Григорий на стройке,

это оружие соорудили из «мосинок», которые им достались от царской России. Трёхлинейки укоротили и рассверлили под немецкий патрон.

Похоронная команда панов окружила выживших пленных и двинулась с ними. Необычный отряд медленно двигался сквозь густой хвойный лес. Пособники фрицев сопровождали бойцов весь долгий путь.

Истощённые пленные еле тащили двенадцать больших чемоданов из кожи. Эйфория, возникшая в парне при выходе из фашистского лагеря, постепенно угасла. Григорий почувствовал невыносимую тяжесть поклажи. Груз сильно тянул сухожилия с мышцами, сжимал кости скелета и деформировал позвоночник с суставами.

– «Если хочешь остаться в живых, – то и дело говорил себе парень, – то нужно терпеть и, через «не могу», тащить эти проклятые шмотки». – Он так и делал. Впрочем, как и все остальные товарищи по немецкому плену.

Месяц назад, заключённые преодолели дорогу от станции к лагерю, за пару часов. В обратную сторону, они шли около трёх. Измученные невольники не могли передвигаться быстрее, а поляки не собирались им помогать.

На высокомерных лицах упитанных шляхтичей явно читались те мысли, что крутились у них в голове: «У каждого в мире своё назначение. У быдла – тащить тяжкий груз. У нас, у благородных – охранять драгоценный обоз».

Группа навьюченных советских солдат шла с перерывами. Ефрейтор сразу же понял, что бесполезно, понукать этих пленных. Они до смерти рады, что остались в живых, и буквально рвут из себя последние жилы. Однако их слабых сил недостаточно, чтобы шагать хоть немного быстрее.

Весь продолжительный путь, Ленц зорко следил за «планомерной ротацией кадров» в колонне. Каждые двадцать пять минут пешего хода он громко командовал:

– Стой! Поставить всем чемоданы! Отдых пять минут!

Все заключённые мгновенно бросали поклажу и без сил валились на землю. Хорошо, что её покрывала жёлтая хвоя, которая осыпалась с сосен. Благодаря этому новая форма не пачкалась.

По прошествии времени, отведённого на короткий привал, ефрейтор приказывал:

– Встать! – Пленные поднимались на ноги и занимали прежнее место. Ленц строго командовал: – Два шага вперёд! Ведущий, перейти в хвост колонны! Взять чемоданы! Шагом марш!

Ближе к обеду, караван заключённых, наконец, вышел из леса и оказался перед маленькой станцией железной дороги. Возле здания небольшого вокзала вальяжно прохаживался немецкий патруль. Он состоял из офицера и двух солдат с автоматами. У всех на груди висели блестящие железные бляхи с фашистским орлом.

Ленц поспешил к лейтенанту, предъявил документы и чём-то ему доложил. Жандарм просмотрели все бумаги, и с интересом глянул на пленных. Стоявшие рядом с ними, поляки удивительно чётко отсалютовали представителю власти.

Ефрейтор оставил шестерых заключённых под вооружённой охраной и поспешил к маленькой кассе. Через пять-шесть минут ефрейтор вернулся с пачкой билетов.

Всё это время, патруль находился поблизости и не отходил ни на шаг. Военные терпеливо дождались прихода миниатюрного поезда и остались на месте даже после его появления.

Подозрительные жандармы продолжали следить за советскими пленными до тех самых пор, пока те со всеми вещами, не загрузились в вагон. Лишь после того, как состав тронулся в путь, они вернулись к своим важным делам.

То есть, спустились с перрона и фланирующей, неспешной походкой снова отправились по привычным маршрутам. Поляки построились в две коротких шеренги и зашагали назад, в учебно-тренировочный лагерь. За версту было видно, что они хотят показать всем фашистам, как они замечательно служат в их доблестной армии.

Наконец, вся поклажа оказалась в маленьком тамбуре, а оттуда, её перенесли в коридор. Ефрейтор указал своим подопечным места, на которых им положено ехать. Привыкший

к комфорту, фашист занял один всё купе целиком. Остальные шесть человек и дюжина больших чемоданов разместились в другом помещении.

Однако, такие условия не шли ни в какое сравнение с тем, что пришлось заключённым, пережить в старой двухосной «теплушке». В те дни, когда они добирались до польского лагеря, в их тесном узилище, было набито сто семь человек.

Пленные, достаточно быстро, рассовали громоздкий багаж по верхним полкам купе. Правда, пришлось несколько раз перекладывать вещи, прежде чем они там все поместились. В конце концов, бойцам удалось выкроить сидячее место для каждого из шести человек. Они удобно расположились на полках, стоящих внизу, и облегчённо вздохнули.

Ни с того, ни с сего, Михаил неожиданно высказал странную мысль. Мол, не мешало бы, хоть одним глазом взглянуть, что же они притащили с собой. Пятеро друзей по несчастью, так шикнули на молодого соседа, что он сразу затих.

Хотя и пробурчал недовольно, мол, он не собирался ломать замки на баулах. Лишь хотел аккуратно открыть и снова замкнуть их металлической скрепкой, которую стащил в канцелярии. Причём, по его же словам, он делает это так аккуратно и ловко, что никто не заметит, что их отпирали.

Григорий испытующе посмотрел на товарищей. Он с облегчением понял, что никто не купился на такие посулы.

Похоже, что каждый решил про себя: «Не стоит рисковать своей жизнью, из-за простого желанья узнать, что там такое внутри?»

Наверняка в чемоданах лежат огромные ценности, что награбили фрицы в ходе польской компании. Да будь там хоть килограммы чистого золота и мешки с бриллиантами, куда потом, с ними пойдёшь? В чужой незнакомой стране, без денег и документов и даже без нормальной одежды?

Первый жандармский патруль тебя сразу сцапает, и тогда всё пропало. В лучшем случае, расстреляют на месте, как простых мародёров. В худшем – сначала будут долго пытаться, где ты взял драгоценности? Ну, а после, засунут в такую дыру, что оттуда уже не сбежишь. Вдруг, там окажется хуже, чем на «тренировках» со спарринг-партнёрами?

Судя по лицам бойцов, они, молча, взвесили все за и против и благоразумно решили, что не стоит им лезть на рожон. Лучше ехать в качестве бесправных носильщиков, чем какое-то время, иметь богатство в руках, а потом кончить жизнь в общей могиле. Ведь кто его знает, вдруг комендант не соврал, и всех отправят в тот лагерь, где им придётся просто работать.

«Приедем на место, осмотримся, а там будет видно». – читалось на физиономиях друзей по несчастью.

Михаил сразу почувствовал общее настроение пятерых заключённых и тихо сказал, глядя под ноги:

– А что я? Я лишь предложил. Если все против, то и мне

это совсем ни к чему.

Бойцы переглянулись и, от нечего делать, стали смотреть в окно небольшого купе.

Меж тем, поезд мчался вперёд, и с каждым часом, Германия становилась всё ближе и ближе. Железнодорожная трасса вела строго на запад и пролегла через благоустроенные городки и богатые зелёные сёла.

Мелькавшая за стеклом, прекрасная местность поражала Григория своей чистотой и невероятной ухоженностью. Его, как и прочих бойцов, постоянно терзала неприятная мысль: «Чего не хватало проклятым фашистам? Зачем они напали на нашу страну с её нищими, как церковная мышь, деревнями и поселениями самого мрачного вида?»

Наконец Алексей всё же не вытерпел. Не обращая ни к кому из товарищей, он задумчиво высказал общее мнение:

– Всё есть у фашистов. Им не хватало только свободной земли. Когда фрицы захватят Россию, то каждый из них будет владеть огромным имением. Они станут дворянами или боярами, а мы превратимся в бесправных рабов. – Добавить к этому было, в общем-то, нечего, и все удручённо молчали.

Из того места в Польше, где находился учебно-тренировочный лагерь, прямой поезд до Гамбурга, никогда не ходил. Поэтому навьюченным красноармейцам пришлось сделать несколько пересадок подряд.

В этом случае, Ленц выводил своих подопечных на перрон

очередного вокзала и сдавал их жандармам со всеми вещами. Наряд военной полиции отводил группу пленных в ближайший пакгауз, и запирали до возвращения их руководства назад.

Пятидесятилетний ефрейтор брал в руки небольшой саквояж и топал в комендатуру. Там он получал проездные бумаги до нового пункта великого Третьего Рейха.

Однажды, Ленц со смехом поведал Григорию о своих похождениях. Выяснилось, что чиновники местных контор весьма удивляются составу их необычной бригады. Однако, каких-либо препятствий чинить ему, всё же не смеют.

Всё дело в том, что комендант польского лагеря имел крупный чин в войсках «СС». Так что, подписанные офицером бумаги повсюду оказывали волшебное действие и тотчас устраняли любые препятствия.

Иногда случалось и так, что пленным приходилось переходить от одной линии железной дороги к другой. Несмотря на документы грозного вида, машину для заключённых, никто предоставлять не спешил.

Общественный транспорт работал не так хорошо, как хотелось бы всем окружающим немцам. Уже тогда, у Германии не хватало бензина даже для армии, не говоря уж о том, чтобы тратить горючее на перевозки гражданских людей. Тем более, на территориях, захваченных рейхом.

Каждый раз, заключённые самостоятельно перемещались

от одного городка до другого. Неся чемоданы в руках, они по несколько километров тащились пешком. Чаще всего, их путь пролегал по миниатюрным полям и небольшим перелескам.

К счастью бойцов, расстояния в Польше оказались весьма незначительными. Не в пример тем же российским, где семь-восемь вёрст, даже не крюк. Однако и эти не очень большие прогоны сильно выматывали истощённых бойцов. Григорию часто казалось, что у него вырвутся руки из плеч, а при лучшем раскладе, они просто вытянутся до самых колен.

При очередной пересадке, их состав прибыл на станцию уже поздним вечером. Охранник сходил в комендатуру и, как всегда быстро, получил документы. Заодно он узнал, что нужный им поезд, отправиться в путь лишь через шестьдесят с лишним часов. К тому же, данный состав, отходил от соседнего города, до которого почти девять вёрст.

Совершенно естественно, что двигаться в ночь неизвестно куда, Ленца совсем не тянуло. Он отправился к начальнику небольшого вокзала и обратился к нему за советом. Недолго думая, тот предложил: – Лучше всего, вам остановиться в ближайшей гостинице, а заключённых устроить в соседнем пересылочном пункте для пленных.

Рационалист по натуре, ефрейтор обдумал предложение путейца, согласился, что идея по-настоящему дельная, и сделал так, как предложил местный житель. Тем более, что на-

званный лагерь находился в одном километре от железной дороги.

Ленц привёл свой караван к большому забору из ржавой «колючки». Там он достал из кармана и предъявил вооружённой охране сопроводительные бумаги, подписанные крупным чином СС.

Солдаты увидели грозную подпись и спешно доложили наверх по команде. Прибежал взволнованный заместитель начальника учреждения и весьма удивился неожиданной просьбе ефрейтора. Насколько он помнил, ещё никто не хотел заночевать в его пересылочном лагере.

Офицер тут же взял себя в руки и рассыпался в приятных любезностях. После чего, распорядился принять неожиданных гостей и поселить их в бараке для нижних чинов, расположенном на их территории.

Ленц вежливо поблагодарил молодого начальника и проводил свою бригаду с вещами в отведённое для них помещение. Вообще-то их оказалось там два, и в каждом стояло по небольшому столу, по четыре металлических койки и четыре простых табуретки.

Однако ефрейтор рассудил всё по-своему. В одном номере он приказал складировать все чемоданы. Мужчина дождался, пока все пленные выйдут, запер дверь на замок и положил ключ в карман своего галифе.

Во втором «номере», разместились шестеро измученных

узников. Так что, почти двое суток, им предстояло прожить без особых удобств. Ну, а спать, или по-очереди на жёстких кроватях, или просто на голом цементном полу.

Все дружно решили, что отдыхать нужно посменно: четверо красноармейцев на койках, двое на табуретках возле стола. Чтобы решить главный вопрос, кто, где проведёт первую ночь, честно тянули жребий на спичках.

Те, кому не досталось постели, попытались устроиться как-то ещё. Они положили руки на небольшую столешницу, опёрлись на них головой и постарались хоть немного вздремнуть.

Перед самым уходом, фашист обратился к своим подопечным и запретил им выходить из барака:

– Мало ли что, может подумать охрана? Чего доброго, перепутает вас со своими клиентами и загонит туда, откуда я после, не смогу вас спасти. – туманно объяснил он бойцам.

Чуть помолчав, он добавил: – Кстати, чуть не забыл вам сказать про колючую проволоку, которая здесь натянута по периметру зоны. Должен предупредить, что всё ограждение находится под большим напряжением. Любое касание вызовет мгновенную смерть.

Закончив давать пояснения, Ленц взял свой небольшой саквояж, с которым ни на секунду не расставался в дороге. Он сказал на прощание, что вернётся через два с лишним дня, и исчез.

Накормили бойцов не так, как фашистов, но пища оказалась значительно лучше, чем та, что им давали в учебно-тренировочном лагере. К великому изумлению пленных, еду принесли прямо в номер.

Донельзя худой человек, одетый в полосатую робу, прикатил к самой двери тележку с судками. В бачках, находилось по миске ячневой каши на каждого. Плюс ко всему, им досталось по куску эрзац-хлеба и по кружке жидкого морковного чая.

Как слышал Григорий из разговоров фашистов, «Osten-Brot» был разработан для питания советских военнопленных и состоял из пяти компонентов. В него входили: отжимки сахарной свеклы (40 %), отруби (30 %), древесные опилки (20 %) и целлюлозная мука из листьев или соломы (10 %). Вкус у него, конечно, противный, но желудок можно набить, и какое-то время не чувствовать голод.

Все двое суток, заключённых кормили той же едой, но и это казалось прекрасным для сильно голодных людей. Бойцы отсыпались и набирались сил и энергии для дальнейшей дороги.

В небольшое окошечко комнаты была отлично видна часть территории лагеря. Судя по однотипным серым баракам, в них содержали таинственных лиц, перемещаемых неизвестно куда.

Кто они все такие, Григорий не знал, но подозревал, что это такие же узники, как он сам и его друзья по несчастью. В

глубине лагеря стояли мрачные кирпичные здания с закопчёнными стенами. Их высокие трубы дымили без перерыва, с восхода до позднего вечера.

В день по несколько раз, мимо казармы проходили большие группы невольников. У многих из них на одежду были нашиты матерчатые жёлтые звёзды. Все арестанты всегда направлялись в одну только сторону, к тем странным сооружениям, что походили на большие котельные.

Одетые в различную рвань, люди медленно двигались по узкому коридору из ржавой «колючки». Они подходили к воротам и исчезали в кирпичных цехах. Никто из них уже не возвращался назад.

Увидев невероятно истощенных людей, Григорий невольно подумал: «Только кожа да кости. Сколько же времени они голодали? Даже в самые худшие дни, когда нас везли в польский лагерь и почти не кормили, мы не выглядели настолько ужасные, как эти бедняги».

Сидеть без всякого дела в комнатке тесной казармы быстро всем надоело. Хорошо, что худой подавальщик еды объяснил, мол, сортир находится в левом конце их барака. Так у бойцов появилась возможность, хоть изредка, выбираться из «номера».

Кроме походов в сортир, они иногда, всё же решались немного развеяться. Сидельцы по-очереди выходили в большой коридор и, якобы, шли по нужде. Стараясь не привле-

кать к себе чьего-то внимания, они, неспешно прогуливались из конца в конец помещения, что тянулось сквозь длинный барак.

Проходившие мимо, фашисты недоуменно косились на бледных, поджарых парней без оружия и в удивительной форме. К счастью бойцов, чрезмерного любопытства никто не выказывал и ничего у них не выпрашивал.

Видимо, сработал строгий приказ зам.коменданта. Он заставил охранников относиться к их группе, как к немецким союзникам. Пусть немного и странным, но всё же своим.

Так же, как все остальные, Григорий не упускал удобного случая, чтобы немного проветриться. Однажды парень случайно подслушал несколько слов. Из обрывочного разговора фашистов он вдруг отчётливо понял, где очутилась их «зондеркоманда». Причём всё это случилось, благодаря поспешной отлучке Фридриха Ленца.

Выяснилось, что они оказались в концентрационном лагере, предназначенном для уничтожения неполноценных людей. К унтерменшам фашисты причислили евреев, цыган и славян. Кроме тех особей, кто был им полезен.

Как слышал Григорий, таких предателей оказалось тоже не мало. В вермахте создали РОА, а кроме неё, хорошо воевали за фрицев целые батальоны поляков, румын, чехов, словаков, мусульман и евреев. Были даже французы, норвежцы и финны. За большие заслуги, им даже давали награды от Рейха.

Когда до парня дошло, что же на самом-то деле происходит в соседних цехах, он чуть не вскрикнул от ужаса. Получалось, что там каждый час убивали и тут же сжигали многие тысячи ни в чём не повинных людей.

С трудом сдерживаясь, чтобы не рвануться назад, красноармеец развернулся на месте и, с виду спокойной походкой, пошёл в свой тесный «номер». Морально раздавленный, полученной сейчас информацией, он рухнул на табурет, стоявший возле окна. Григорий с трудом успокоил сбившееся от страха дыхание и пересказал всё услышанное друзьям по несчастью.

– Воистину пересыльный пункт для перемещаемых лиц. Отправка с этого света на тот. – хмуро подытожил Олег.

– Вот удружил нам комендант, – зло буркнул Саня. – Стоило нас транспортировать через Речь Посполитую, чтобы убить именно здесь.

– Да уж, – протянул Алексей. – Могли бы нас в польском лагере всех положить одной длинной очередью. И могилы тогда мы для себя уже вырыли. И пулемёт хорошо на сошках стоял.

– А кто бы ему чемоданы с награбленным золотом сюда притащил? – со злостью вставил Иван и мрачно добавил: – Вообще-то, эсэсовец тогда заявил, что нас отправят в Германию, а уже в фатерлянде, наверняка, всех прихлопнут. Чтобы, нигде не болтали о грузе.

– Что без толку гадать, – подвёл Григорий итог. – Всё равно ничего мы не можем поделать. Придётся сидеть здесь и ждать, развития дальнейших событий. Или ефрейтор вернётся за нашей поклажей и нами, или нас здесь сожгут, как всех остальных.

– Одно другому ничуть не мешает, – веско возразил Михаил. – Чемоданы теперь он и без нас сможет доставить до места. Тягловой силы у них тут полно. Глянь-ка наружу. Со всей Европы сюда быдло согнали.

Все бойцы непроизвольно посмотрели в окно. Мимо барака медленно двигалась очередная колонна, составленная из худющих людей. Их всех ожидала скорая смерть.

В маленькой комнате надолго повисло гробовое молчание. От нечего делать, все тупо смотрели сквозь пыльные стёкла. Они дружно прикидывали свои шансы на то, что им ещё удастся пожить.

Однако, чего-либо путного, никто из шести заключённых придумать не мог. Удастся ли кому-то уйти из лагеря смерти или же нет, знал лишь один Господь Бог. В Польше у них был хоть какой-нибудь выбор. Или бороться с собаками и победить, или попробовать всё же бежать.

В конце концов, они могли бы напасть на вертухая или инструктора, получить пулю в лоб и сразу избавиться от дальнейших мучений. Как видел Григорий, некоторые красноармейцы поступили именно так. Например, тот кузнец, что ку-

лаком убил громадного Рекса.

«Чем страдать от подобных мучений, уж лучше схватиться за проволоку, – неожиданно подумал Григорий. – ефрейтор сказал, по ней постоянно идёт электрический ток под таким напряжением, который мгновенно убьёт человека.

Через секунду боец вспомнил о том, что за то долгое время, что они находятся в лагере, ни один доходяга не бросился на высокий забор из «колючки»: – Каждый надеялся, что это не смерть впереди, а хоть какая-то жизнь». – мелькнула в его голове необычная фраза. Это были слова пожилого мужчины, с которым парень беседовал в 1941-м году.

– «Вот бы спросить у того Старика, возникла ли у меня на лице, печать скорой гибели или же нет?» – невольно подумал Григорий.

Прошло двое суток, а Фридриха Ленца всё ещё не было. Григорий уже потерял надежду на то, что снова увидит пожилого ефрейтора. Он настолько отчаялся выйти из этого лагеря, что с содроганием ждал появления вертухаев с оружием.

Парню казалось, в любую секунду, в комнату шумно ввалятся фрицы. Они заломят бойцам руки за спину и, подгоняя прикладами, потащат наружу. Потом, проведут по коридору из ржавой «колючки» и бросят в зловещее закопчённое здание с дымящими трубами.

Наконец, в середине третьего дня, уже ближе к полудню,

появился пропавший ефрейтор. Мало того, что он был удивительно свежим и бодрым, так ещё напевал, что-то бравурное. Плюс ко всему, при нём не оказалось того саквояжа, с которым он не расставался в пути.

По довольному, сияющему виду охранника, бойцы сразу всё поняли, главное поручение своего коменданта фашист уже выполнил. Он передал ценный груз, кому следует, и теперь они тут же отправятся в путь. Пленные облегчённо вздохнули и стали ждать приказов своего конвоира.

К их удовольствию, Ленц не стал, долго тянуть.

– Сейчас принесут нам обед, – провозгласил он радостным тоном. – Через десять минут я жду вас в соседней клетушке, там, где стоят чемоданы. Того, кто опоздает, я прикажу отвести в соседний барак, – пошутил он напоследок и, насвистывая весёлую песенку, тут же ушёл.

Как по волшебству, дверь снова открылась, и на пороге возник знакомый подавальщик с тележкой. Пленные красноармейцы молниеносно проглотили скудную пищу и, обжигая губы, стремительно выпили «чай» из сушёной моркови. Как ни крути, это же не простая вода, какая-то польза в нём всё же была.

Они выскочили из маленькой комнаты и встали вдоль длинной стены. В дальнем конце коридора открылась дощатая дверь. Появился ефрейтор, чрезвычайно довольный своей удавшейся жизнью. С ним рядом шёл улыбающийся молодой офицер в чёрной форме «СС».

Ленц благосклонно взглянул на свою небольшую «зондеркоманду». Он достал ключ из кармана и отпер замок. Заключённые вошли в тесный «номер», разобрали все чемоданы и, вернувшись назад, построились коротким гуськом.

Эсесовец проводил странных гостей до центрального выхода из, так называемого, пересыльного пункта. Там он приказал вооружённым солдатам:

– Выпустить этих людей.

Опутанная ржавой «колючкой», неширокая створка тут же открылась. Навьюченные красноармейцы почти что, бегом проскочили в проём и, наконец-то, покинули территорию лагеря смерти.

В памяти парня всплыли слова старой книги: – Слава тебе, Господи! – горячим шепотом возблагодарил Бога Григорий. – Уберёт от гибели. И в этот раз, сподобил выжить меня.

Английские бомбардировки

Скоро произошло то событие, которое ждали и которого так сильно боялись все пленные. Состав, в котором ехала «зондеркоманда», без приключений вышел из Польши и оказался в фашистской Германии.

Как это ни странно, но всё стало выглядеть значительно лучше. Хотя, если честно сказать, парень считал, что лучше уже, в общем-то, некуда. Вместо асфальтированных узких дорог, вдруг появились шоссе большой ширины. Пейзажи и здания, что находились вокруг, словно сошли с очень красивых иностранных открыток.

Этапирование красноармейцев всё ещё продолжалось. Их неспешно везли к новому месту заключения под стражу. Почти каждый день, Ленц останавливался на какой-нибудь станции железной дороги. Он выводил свою группу из поезда и сдавал в жандармерию ближайшего населённого пункта. После чего, исчезал с одним, а иногда и с двумя чемоданами.

Обычно, расторопный ефрейтор возвращался лишь утром и всегда приходил налегке. После тех странных отлучек он постоянно оказывался в приличном подпитии. Однако, удивительно быстро приводил себя в норму и, как ни в чём не бывало, продолжал конвоировать шестёрку носильщиков.

В ответ на вопрос, возникший в глазах у Григория, Ленц,

как-то обмолвился: – Развожу семьям солдат посылки, привезённые с фронта.

Количество чемоданов всё сокращалось, и красноармейцы тратили меньше сил и энергии на переноску внушительных тяжестей. Почти каждый раз, они ночевали в каком-либо пункте, где содержались перемещённые лица. Ведь подобные зоны размещались рядом с железной дорогой.

Неожиданно выяснилось, что их невероятное множество. Как потом, случайно услышал Григорий по радио, только на территории великой Германии их было пять с чем-то тысяч, а по всей Европе фашисты построили три раза по столько.

«Да тут заключённых едва ли не больше, чем самих местных жителей. Точно так же было и в древней Спарте, что находилась на юго-востоке Пелопоннеса, – с удивлением подумал Григорий. – Куда им столько узников? Они что, сами уже ничего больше не делают? Хотя, кому теперь в фатерлянде работать? Мужики-то, считай, все на фронте. В лучшем случае, они охраняют невольников».

На счастье бойцов, не все подобные учреждения занимались уничтожением неугодных людей. Чаще всего, это были трудовые и уголовные зоны. То есть, места, предназначенные для содержания преступников и бесправных рабов. Так что, в лагеря смерти шесть арестантов больше не попадали ни разу. За что были весьма благодарны такой переменчивой и непостоянной судьбе.

К концу трудной и неспешной дороги на всю бригаду осталось всего лишь два чемодана. Один принадлежал лично ефрейтору. Хозяином другого, невероятно тяжёлого и большого баула являлся сам комендант. То есть, то самый эсесовец высокого чина, который командовал заведением, расположенным в Польше.

Долго ли, коротко, но до вольного города Гамбурга команда выживших смертников добиралась чуть больше месяца. Знаменитую гавань Европы «зондеркоманда» почему-то объехала и в него не попала.

В конце сентября, Фридрих Ленц, как всегда, сдал своих подчинённых начальнику очередного трудового концлагеря. Ефрейтор забрал оставшуюся поклажу и вежливо простился с бойцами. Однако, перед уходом, он не сказать, когда вернётся назад. Вот так, очень просто, немецкий охранник исчез из жизни Григория, теперь уже навсегда.

Заключённых, прибывших из Польши, привели в канцелярию, отобрали у них аусвайсы, а взамен всем всучили пропуска разного цвета. Это говорило о том, что их распределили по разным баракам, которые находились в противоположных концах огромной территории зоны.

Услышав об этом, бойцы огорчились от мысли, что им придётся скоро расстаться. Красноармейцы понуро покинули здание комендатуры. Они пожали руки друг другу и крепко, по-мужски обнялись. Затем, разошлись по новым местам пребывания, и больше Григорий их никогда не встречал. Вы-

жили друзья по несчастью в той жуткой войне или же нет, он так никогда не узнал.

Казарма, в которой оказался молодой человек, мало чем отличалась от тех помещений, где он раньше бывал. Те же двухъярусные деревянные нары и длинный проход между ними. Те же засаленные тюфяки, набитые старой соломой и лежащие на жёстких досках. Такие же истощённые голодом люди вокруг, облачённые в разную рвань. Вернее сказать, в ту одежду, в которой их арестовали фашисты.

Данный барак, так же, как и весь этот лагерь, оказался интернациональным. Кто только не находился за высоким забором из ржавой «колючки». Там были голландцы, бельгийцы, французы и прочие граждане культурной Европы, оккупированной армией Гитлера.

В малом количестве попадались и русские, украинцы и другие славяне, отнесённые фрицами к недоразвитым нациям. Единственным отличием, которое заметил Григорий, было разделение территории зоны на две половины, мужскую и женскую.

Парню опять повезло. К своей большой радости, красноармеец узнал, что его ближайший сосед по бараку тоже славянин. Более того, он оказался русским, из эмигрантов, так называемой первой волны. То есть, хоть и бывший, но всё же земляк. Каким-то удивительным образом он очутился в Германии ещё в далёкие двадцатые годы.

За какие грехи он попал в эту зону, мужчина, естественно, ничего не рассказывал. Впрочем, Григорий его и не спрашивал. Слишком зловещим казалось то место, чтобы раскрыть свою подноготную перед первым же встречным.

Парень последовал такому примеру нового друга. Не вдаваясь в подробности, боец в двух словах, описал своё путешествие из Южного Крыма на запад Великой Германии.

Сокамерник внимательно выслушал короткую повесть бойца Красной армии. Он немного помялся, и кое-что объяснил новому узнику:

– Должен тебе сообщить, что кроме таких заведений, в которых вы побывали, есть у фашистов целый ряд учреждений самого разного типа. Например, концентрационные пункты, предназначенные для перемещаемых лиц, пригнанных из захваченных стран.

Кроме того, есть лаборатории, где над пленными постоянно проводят различные опыты. В том числе, над детьми. Есть лагеря смерти. Там людей умертвляют удушливым газом и сжигают в огромных печах. Их пеплом удобряют поля в нацистской Германии, а из подкожного жира делают мыло.

Григорий с содроганием вспомнил барак, где Фридрих Ленц оставил их на два с лишним дня. Из подсознания парня всплыли образы мрачных закопчённых цехов, трубы которых дымились и ночью и днём.

Перед глазами вновь промелькнули тысячи измученных

узников, что медленно двигались по коридору из ржавой «колючки». А также жёлтые шестиконечные звезды, нашитые на ветхие шмотки, изношенные почти что, до дыр.

– Вам ребята, весьма повезло. Вы попали в обычную зону, где заключённых лишь заставляют помногу работать, – успокоил сосед угрюмого парня. – Здесь фашисты никого не уничтожают специально. Они просто используют нас, как дармовую рабочую силу. Плюс ко всему, охрана здесь, в основном, состоит из вольнонаемных людей, и все они проживают за территорией лагеря.

Многие из надзирателей приезжают сюда из деревень, где имеют собственное небольшое хозяйство. Поэтому вертухаи особо не зверствуют. Ведь им уже завтра может понадобиться бесплатный батрак, чтобы он потрудился на ферме.

Ни к чему доводить подобных рабов до того состояния, чтобы тот захотел тебе отомстить. Вдруг это быдло так разозлится, что припомнит былые обиды, да и воткнёт вилы в бок?

Подобные зоны – самый лучший из тех вариантов, что сегодня возможны в Германии. Единственное, с чем здесь очень плохо, так это с едой. Кормят здесь впроголодь.

Поэтому, если не хочешь превратиться в скелет, нужно изо дня в день наниматься к кому-нибудь на любую работу. Кто его знает, может быть, твой арендатор подкинет тебе что-нибудь из еды или немного денег. Запомни, доходяг здесь не держат. Их отправляют на уничтожение в дру-

гие конторы.

Местные бюргеры приезжают сюда по утрам. Они набирают людей нужных специальностей и увозят с собой. Целый день ты пашешь у них, а вечером должен вернуться назад, в свой барак.

Хочу сообщить, что удрать от фашистов очень легко. Никто за пленными, особенно здесь не следит. Только куда, потом ты пойдёшь, не имея нормальной одежды, документов и денег?

Ведь у тебя на руках будет только разовый пропуск, в котором прописан короткий маршрут. От лагеря до дома твоего нанимателя и обратно. Учти, что кругом часто шастают вооруженные до зубов патрули – полиция, жандармерия или военные.

Поэтому, ты не рассчитывай, что сможешь отсюда сбежать. Каторжан вроде тебя и меня немцы прятать не станут ни за какие коврижки. У них на этот счёт очень строго. За помощь, укрывательство или за связь немки с мужчиной из пленных ждёт одно наказание – расстрел. Причём, шлёпнут сразу обоих, чтоб не было повадно другим.

А вот за изнасилование женщин из лагеря, фрицев никогда не наказывают. Ну, а если потом баба родит, так это же «есть хорошо», будет одним невольником больше. Ты, наверное, уже видел тут женщин с маленькими и совсем ещё грудными детьми?

Григорий угрюмо кивнул.

– Так вот те, что постарше, родились на воле, ещё до войны, или их матери попали сюда на сносках. Другие бабы понесли уже тут от фашистов. Их ведь здесь никто и не спрашивает, хочет она или нет. Фрицы выдают ребятишкам свидетельства о рождении со свастикой, и вся недолга. Добро пожаловать в потомки рабов.

С того самого дня и началась новая жизнь у Григория в Рейхе. В течение трёх долгих лет, где ему только не приходилось работать. Доводилось бывать на полях, животноводческих фермах, стройках, заводах и фабриках, и прочих местах.

Однажды, он целый месяц трудился на складе, где перебирали драгоценный хрусталь и фарфор. Их реквизировали трофейные команды фашистов, что находились в захваченных странах Европы и советской России.

Два десятка рабочих осторожно вскрывали фанерные ящики и выгружали разнообразного рода посуду. Всё хорошенько осматривали и собирали сервизы на шесть, двенадцать или больше персон. Если не хватало чего-то на целый набор, то добавляли нечто похожее по внешнему виду.

Собранные комплекты аккуратно паковали в коробки и отправляли неизвестно куда. Совершенно случайно, Григорий узнал, что отсортированная на складе продукция распределялась потом, между «арийцами чистых кровей». При-

чём, за очень скромные деньги.

На этой удивительной фабрике у него даже возникла романтического свойства история. Как это ни странно, но это была интимная связь со страшенькой немкой, успевшей стать молодой вдовой.

Как выяснилось немного позднее, она оказалась женою солдата, погибшего два года назад, во время оккупации Франции. В Германии и тогда уже не хватало здоровых мужчин. Меж тем, как естество человека настоятельно требовало удовлетворенья его насущных потребностей.

Любовные игры происходили в очень короткий перерыв на обед. В это время, все немцы уходили из здания. На складе не оставалось ни единой души, кроме Григория и его милой пассии.

Встречались «влюбленные» люди в самом дальнем углу тёмного склада, за огромной горой пустых ящиков. Нужно сказать, что никому из них эта связь не приносила особенной радости. Слишком дорого могли обойтись их короткие встречи. Неминуемая угроза расстрела отравляла всё удовольствие от плотских утех.

Так продолжалось почти три недели. Затем, огонь внезапно вспыхнувшей страсти немного угас. Немка удивительно резко изменила своё отношение к пленному. Она отдалилась от парня и перестала его замечать.

Скорее всего, эта фройляйн нашла себе другого мужчину.

Как это ни странно, Григорий этому только обрадовался. А спустя пару дней странная фабрика вдруг отказалась от его дешёвых услуг.

Иногда у Григория возникали новые любовные связи. Причём, все они были похожи одна на другую, как подгнившие яблоки, что упали с заболевшего дерева. К тому же эти интрижки оказывались довольно короткими. Обычно, они завершались через две-три недели.

Как только пленный надоедал данной немке, та намекала родителям или кому-то, из родственников, что Григория больше не стоит брать на работу из лагеря. К счастью бойца, на этом всё и кончалось. Хорошо, что ни одна из его бывших пассий не объявила парня насильником, и не сдала местной полиции. Подобные случаи часто встречались в Германии.

Сами бюргеры очень значительно отличались один от другого. Одни относились к пленным как к недочеловекам и вели себя с ними соответственно этому незавидному статусу.

Другие наниматели оказывались довольно лояльными к иностранным рабочим. Они не издевались над ними, не третируют и обращались доброжелательно. Некоторые даже подкармливали военнопленных, а изредка давали им свою старую одежду и обувь.

Больше всех запомнился один седой фермер. Пожилой человек приезжал к лагерю парня на старом грузовичке, выписывал ордер на нужное ему число батраков и брал невольни-

ков, необходимых специальностей.

Закончив отбор, бюргер велел арестантам, взять из кузова своего древнего «Опеля» несколько сильно поношенных велосипедов. После чего, отдавал им пропуска и уезжал по своим важным делам.

Заключённые садились в потёртые сёдла двухколёсных машин и без всякой охраны отправлялись по указанному хозяином адресу. Этот старик не изводил людей тяжёлой работой, хотя и бездельничать не позволял.

Он постоянно подкармливал истощённых невольников. Вечером он сажал узников в свой грузовик и отвозил их в концлагерь. Прочие наниматели просто выгоняли их за ворота. Уставшие на работе невольники добирались до барака пешком, а иногда, до него было пять, а то и семь километров.

Как-то раз, парень разговорился с этим удивительным немцем. Старик неохотно признался, что ему пришлось бывать на месте Григория. Во время Первой мировой войны он, тогда ещё юный солдат, был ранен в бою и оказался на территории русских. К удивлению фрица, его не только не расстреляли на месте, а ещё, долго и успешно лечили.

Из военного госпиталя, его отправили на поселение в центр Поволжья. Там с ним тоже все обращались вполне по-людски. После окончания войны, он благополучно вернулся домой, в фатерлянд.

С тех пор он не забыл той доброты, с которой к нему относились в России. Благодаря этому, он постоянно старался,

оказывать посильную помощь пленным славянам.

Монотонная жизнь заключённого продолжалась у парня вплоть до полуночи 24 июля 1943 года. Именно в этот момент, авиация Великобритании и США начала ковровые бомбардировки города Гамбурга.

Англичане использовали метод фашистов, который те применили при нападении на Сталинград. Сначала их самолёты сбрасывали фугасные бомбы, что разрушали крыши и перекрытия многоэтажных домов.

Затем, вниз летело множество зажигательных снарядов разных конструкций. Первый налёт произвёл такое большое число разрушений, что десятки тысяч германцев остались без крыши над головой.

Ранним утром нового дня, едва рассвело, у ворот трудового концлагеря уже находилась огромная очередь бюргеров. Всем им были нужны строители самых разных специальностей.

Григорий немедленно вспомнил свои навыки каменщика. Эту профессию он приобрёл в раннем детстве, когда ремонтировал печи с больным стариком. Потом парень её шлифовал на комсомольской стройке, что проходила на Среднем Урале.

Солдат пошёл в канцелярию лагеря и сообщил об этом чиновникам, что сидели в регистратуре. Бойцу тотчас выписали наряд на работу и послали в один из пострадавших райо-

нов огромного города.

К удивлению парня, его наниматель оказался практикующим молодым стоматологом. Он встретил пленного у ворот своего большого участка и провёл на обширный, некогда хорошо обустроенный, двор.

Григорий увидел, что в ходе английской бомбёжки один из тяжёлых фугасов упал возле коттеджа. От мощного взрыва произошла подвижка фундамента, и стена высокого дома упала наружу.

Хозяин особняка имел много знакомых в округе и, каким-то таинственным образом, договорился с администрацией лагеря. Там вняли настойчивым просьбам зубного врача, и пошли человеку навстречу.

Чиновники сделали исключение для эскулапа. Они решили, что арендованный пленный будет жить у своего нанимателя, а не возвращаться в барак каждый вечер. Так будет продолжаться до тех самых пор, пока он не восстановит всё здание.

В связи с огромным числом разрушений, возник большой дефицит на квалифицированных строителей. Так что, напарника для Григория, увы, не нашлось. Он должен был, работать один, без подсобника.

После осмотра коттеджа, Григорий узнал, что, дел оказалось удивительно много. Сначала ему бы пришлось разобрать огромный завал битого мусора, в который преврати-

лась большая стена. Потом, выбрать из кучи мелкого хлама те кирпичи, что могли ещё пригодиться. После чего, подготовить место работы и только затем начинать новую кладку.

К этому времени, врач оказался в достаточно сложном для себя положении. Ему нужно было срочно зарабатывать деньги на капитальный ремонт. Вот так и вышло, что он не мог больше откладывать встречи с больными, которым заранее назначил приём.

Мужчина быстро собрался и уехал в зубной кабинет, расположенный на окраине Гамбурга. Молодая жена стоматолога постоянно возилась с двумя малолетними дочками, и помочь советскому пленному ничем не могла. А если честно сказать, то совсем не горела подобным желанием. Мол, пусть грязное быдло всё делает сам.

Вкалывая в одиночку, Григорий возился до самого вечера. Несмотря на старания парня, тяжёлой работе не было видно конца. Только разборка большого завала грозила продлиться на долгое время.

После бомбёжки, электроснабжение в городе оказалось нарушено. Фонари кругом не горели. В небо поднялись тучи пыли и дыма и плотно закрыли звёзды с луной. Скоро стемнело настолько, что было уже невозможно что-либо увидеть.

Хозяйка, наконец, поняла, что уже очень поздно, и разрешила бойцу закончить работу. Она пригласила Григория войти в её дом и достаточно сытно, накормила его. Затем, немного помялась и позволила ему лечь на диване в разру-

шенной взрывом гостиной.

Парень, как смог, очистил подушки от толстого слоя мелкого мусора. Не снимая запачканную в пыли одежду, он лёг на спину и с наслаждением вытянулся на непривычно удобной и мягкой постели. Только Григорий начал проваливаться в тяжёлую дрему, как послышался оглушительный вой. Это звучали сирены воздушной тревоги.

Сон мгновенно слетел с уставшего парня. Григорию вдруг померещилось, что он вновь оказался в польском учебно-тренировочном лагере. Резким рывком парень согнулся и сел, всунул ступни в разношенные донельзя башмаки и поднялся на ноги.

Красноармеец собрался уже мчаться на плац, чтобы встать в длинный строй. Лишь после этого, до него вдруг дошло, что он оказался в совершенно другом тёмном месте.

Боец растерянно глянул по сторонам. Откуда-то, с большой высоты слышался гул английских бомбардировщиков. В ближайших окрестностях, вспыхнуло много мощных прожекторов. Угольно-чёрное пространство вверху, тотчас испещрили ослепительно яркие белые полосы. Они хаотически шарили по бездонному куполу неба и старались найти самолёты противника.

Вспомнив, где он очутился, Григорий немного помешкал. Потом, подбежал к прочной двери, ведущей в не разрушенные комнаты дома, и снова замер на месте. Одного слова хо-

зьяйки было достаточно, чтобы бесповоротно решить простую судьбу советского пленного.

Стоит ей лишь сказать, что заключённый хотел войти в её спальню, и на этом всё кончится. Первый же полицейский патруль, к которому она обратилась бы с таким заявлением, расстрелял парня на месте. Причём, сделал бы это, без суда и какого-то следствия. Парень тяжело вздохнул, а затем, что есть сил, застучал в лакированную широкую створку.

– Фрау! – закричал он по-немецки. – Немедленно берите детей! Нужно срочно бежать всем в убежище!

Из помещения послышался плач двух маленьких девочек. Сама хозяйка почему-то ничего не ответила. Григорий напряжённо вздохнул и осторожно открыл тяжёлую дверь.

Одетая лишь в ночную сорочку и мягкие тапочки, молодая красивая женщина сидела в дальнем углу богато убранной комнаты. Она испуганно сжалась в комок и крепко прижала к себе маленьких дочек. Они дружно ревели в два голоса. Её мужа в спальне парень не видел. Наверное, он ночевал на окраине города в своём зубном кабинете.

На все слова, обращенные к ней, немка лишь безутешно рыдала. Видимо, вчерашний налёт так сильно её напугал, что она не могла, заставить себя, даже тронуться с места.

Осторожно ступая, Григорий подошёл к юной хозяйке и аккуратно взял из её тонких рук младшую девочку. Впавшая в истерику женщина ничего не заметила. Ребенок сразу же

обнял парня за шею и перестал громко плакать. Скорее всего, перепутал с отцом. Боец поднял на руки вторую девчушку и отступил на шаг назад.

– Фрау! Нужно срочно идти всем в убежище! – закричал парень снова.

Словно очнувшись, женщина немного утихла и дрожащими от страха руками потянулась к своим дочерям. Парень отступил на пару шагов и повторил:

– Нужно идти всем в убежище!

Хозяйка медленно поднялась на ноги, протянула ладони вперёд и, не прекращая рыдать, двинулась за своими детьми. Парень не стал искать выход на улицу, и они прошли через гостиную, разрушенную вчерашним налётом. Здесь он на минуту посадил старшую девочку на пыльный диван. Ребёнок обиженно закусил нижнюю губку и с удивлением посмотрел на Григория.

Парень сорвал с большого стола огромную скатерть, подскочил к, всё ещё, рыдавшей хозяйке и накинул полотнище на её голые плечи. Потом, подхватил с дивана ребёнка и побежал к пролому в стене.

Когда они, наконец-то, вышли из дома, вокруг уже падали тяжёлые авиационные бомбы. Григорий крепко прижал к себе двух детей, напуганных мощными взрывами. Парень пригнулся и устремился к убежищу для гражданских людей.

Время от времени он оглядывался и проверял, идёт ли за ним молодая хозяйка? Не отрывая взгляда от своих дочерей,

женщина усердно семенила за ним.

Лавируя между дымящимися большими воронками, они благополучно добрались до здания районной управы. Как знал Григорий, подвал этого сооружения был переделан под бомбоубежище. Месяц назад, парень сам занимался ремонтом и обустройством всех помещений.

Все вчетвером, они ворвались в открытый подъезд и торопливо спустились по узким ступенькам. Тесное помещение оказалось битком забито местными жителями. Все они примчались сюда из соседних домов.

Немцы недовольно взглянули на оборванного советского пленного с двумя маленькими детьми на руках. Старые фрау чуть пошущукались, но всё же слегка потеснились и освободили местечко для вновь прибывшей женщины.

Хозяйка уже понемногу приходила в себя. Она поплотнее закуталась в пыльную скатерть с большой бахромой и села на край топчана. Григорий отдал младшую дочь взволнованной матери. Она взяла ребёнка, прижала к себе и благодарно кивнула.

Парню свободного места уже не хватило. Он так и остался стоять. Всю эту длинную, беспокойную ночь Григорий держал на руках старшую девочку. Хорошо, что ей было всего три с чем-то года, и весила она те так, чтобы много. Килограммов двенадцать.

Беспощадная бомбардировка города Гамбурга началась ровно в полночь и продолжалась почти до рассвета. Сотни бомбардировщиков Англии и США неотвратимыми волнами накатывали на незащитные городские кварталы.

Кругом бушевали большие пожары. Они превращались в огромные смерчи, что состояли из бушевавшего пламени. От высочайшей температуры плавился камень, и даже металл. Безумная вакханалия смерти закончилась лишь после того, как восток посветлел, а над горизонтом поднялся кроваво-красный краешек горячего летнего солнца.

К счастью Григория и всех местных бургеров, особняк, в подвале которого они укрывались, не пострадал от мощных фугасов. Выход из небольшого убежища не завалило обломками, и уцелевшие люди без всяких проблем, устремились на поверхность земли.

Баюкая спящих детей на руках, парень и молодая красивая женщина вышли на улицу. Они осмотрелись по сторонам и не узнали окружающей местности. Вокруг них находились останки разрушенных зданий. Все они превратились в кучи тлевших развалин.

На месте прекрасного дома зубного врача зияла воронка, которая продолжала дымиться. Григорий усадил женщину на обломок бетона, нашёл в ближайших развалинах какие-то пыльные тряпки и завернул в них спавших детей. Откуда-то парень принёс большие грязные туфли и вместо изорванных тапочек, надел их на ноги хозяйки.

В ту ночь, самолёты союзников обошли стороной те пригороды, где находился кабинет стоматолога. Меж тем, едва рассвело, врач уже был на ногах. Стараясь узнать, что с женой и детьми, он помчался домой.

Все пострадавшие от бомбардировки районы оказались завалены обломками рухнувших зданий. Огромные кучи битого мусора перегородили широкие улицы. Поэтому городской транспорт в тот день не работал, да и прочих машин тоже не было видно. Мужчине пришлось идти всю дорогу пешком и, время от времени, перебираться через возникшие тут и там баррикады.

Лишь через пару часов, чрезвычайно взволнованный врач, наконец, появился на своём обширном участке. Он ворвался во двор, разрушенный бомбой, и от ужаса застыл у забора. Перед собой он увидел лишь огромную яму, что возникла на месте прекрасного дома.

Он чуть повернул голову вправо и заметил свою дорогую жену. Она понуро сидела на каком-то обломке, что остался от стен большого жилища. Стоматолог облегчённо вздохнул и ринулся к ней и двум маленьким дочкам.

Молодая хозяйка чуть отошла от жуткого ночного кошмара. Увидев любимого мужа, она вскочила на ноги и, забыв обо всём, устремилась к нему. Женщина упала мужчине на грудь и опять разрыдалась. Сквозь громкие всхлипы, она рассказала об ужасном воздушном налёте.

– Если б не он, мы все здесь погибли! – постоянно повторяла она: – Все, как один!

Хозяин выслушал сбивчивые речи жены и подождал, пока она слегка успокоится. Затем врач сообщил, что окраина Гамбурга, где находится его кабинет, не пострадала от английской бомбёжки.

Он о чём-то поговорил с любимой женой, и они дружно решили, на какое-то время, перебраться в уцелевший район. Врач взял детей на руки, а усталая женщина тесно прижалась к супругу. Мужчина посмотрел на Григория, немного подумал и тихо сказал:

– Пойдём парень с нами!

Только к полудню, они добрались пешком до нужного места. Стоматологический офис находился в небольшом частном коттедже и состоял всего из пяти помещений. Самого кабинета, для леченья зубов, приёмной для посетителей и личных апартаментов хозяина. Там врач иногда ночевал, если задерживался допоздна на работе.

Все вошли в скромный дом, и дама с детьми тут же отправилась в жилую комнату мужа. Эскулап провёл Григория в просторную ванную, отделанную сияющим кафелем. Он дал парню мыло, свежее полотенце и приказал ополоснуться под душем.

Пока пленный снимал с себя грязную робу, врач принёс новую зубную щётку и тюбик из тонкой фольги, на кото-

ром было написано «Хородонт». Григорий слышал о том, что у фашистов уже тридцать лет, есть специальная паста для чистки зубов, но сам её ни разу не видел. И вот сейчас, ему выдался случай, попробовать эту необычную вещь. Оказалось, что пользоваться ей намного приятней, чем сухим порошком.

К средствам ухода за полостью рта, мужчина добавил стопку поношенной, но довольно приличной одежды. Там оказались трусы, майка, рубашка и выглаженные брюки со стрелками.

– Помоешься, вычистишь зубы и переоденешься. Потом проходи в кабинет! – приказал парню хозяин.

Григорий быстро привёл себя в полный порядок и отправился вслед за врачом. Хозяин усадил его в стоматологическое очень удобное кресло и тихо сказал:

– Вчера, ты спас мою жену и детей, и я очень обязан за это тебе! К сожалению, всё наше имущество погибло при английской бомбёжке. Мне нечем тебя одарить за твой благородный поступок. Единственное, что я могу сделать сейчас, так это пролечить твои зубы. Открой рот пошире.

Григорий послушно исполнил приказ. Врач осмотрел довольно запущенную полость в его голове и взялся за дело. Почти два часа, хозяин пломбировал парню повреждённые зубы. Ближе к вечеру он заявил:

– Нужно поставить четыре коронки. – И начал снимать

мерки при помощи специального гипса. Ещё долгое время, врач усердно трудился над протезами для советского пленного.

Красноармеец так сильно устал за прошедшую ночь, что не заметил, как задремал прямо в кресле. Он спал, как убитый и даже не слышал, что английские самолёты совершили очередное нападение на город. К счастью Григория, данная окраина Гамбурга снова не пострадала от сильной бомбёжки.

Ранним утром врач установил парню все четыре коронки. Он удовлетворённо взглянул на свою большую работу, и устало сказал:

– Поздравляю, Иван. Теперь во рту у тебя стоят зубы из настоящей крупновской стали! – Он проводил Григория к выходу из небольшого коттеджа и напоследок добавил: – Сейчас ты отправишься в лагерь. Если тебя будут спрашивать про вчерашнюю ночь, то скажешь, что во время бомбёжки нас не было дома.

Мол, мы куда-то уехали, а куда, не сказали. Тебя оглушило при взрыве, и ты целый день провалялся без памяти. Когда ты пришёл, наконец-то, в себя, так сразу вернулся в рабочую зону. – Врач поколебался, но всё же, протянул на прощание пленному руку. Григорий крепко пожал сухую ладонь эскулапа.

– Удачи тебе! – пожелал парню хозяин и закрыл за ним тяжёлую дверь.

После бомбёжки, в трудовом лагере возникла такая неразбериха, что до Григория никому не было дела. Его тут же включили в большой отряд заключённых и направили на разборку разрушенных зданий.

Ближе к осени, все завалы в центральных районах были расчищены. Оставшихся без работы, невольников опять стали сдавать внаём местным бюргерам. Потом началась уборка урожая с полей, и всё постепенно, вошло в свою колею.

Как стало известно позднее, ночные налёты на Гамбург провели в рамках английской операции под кодовым названием «Гоморра». В результате ковровых бомбардировок, продолжавшихся с 25 июля по 3 августа 1943 года, погибло более 50 тысяч граждан Германии.

Около 200 тысяч получили ранения различной степени тяжести. Только в ночь на 28 июля, когда возник огромный огненный смерч, погибло 40 тысяч местных людей. Около миллиона жителей, лишившихся крова, покинули сильно разрушенный город.

Польский хутор

Военная проза. Рассказ «Польский хутор»

Издан в альманахе «Земля героев и творцов» издательства «Перископ», Волгоград. 2020 г стр.358...365

Молодой лейтенант изучил карту местности, лежавшей вокруг маленькой, уютной деревни. Показал подчинённому на небольшую группу квадратов, расположенных в глубине обширного леса и сообщил: – Сейчас наш взвод находится здесь. В двух километрах от восточной околицы, расположен крохотный хутор в пару-тройку домов.

Бери всех своих здоровых ребят. Двигай по этому лесному просёлку и посмотри, нет ли там немцев? Если есть, то постарайся их выбить и закрепиться на какое-то время. Если возникнет нужда, пришлѐшь связного ко мне. Выполняй.

– Есть! – ответил молодой человек. Сержант бегом направился к месту, где размещалось его отделение. Он поднял на ноги голодных и усталых людей. Объяснил им задачу, и велел двигаться в путь.

Шѐл 1944-й, третий год Великой войны. Красная армия постепенно избавилась от неуклюжих винтовок. Их заменили на снаряжение более грозного свойства. Поэтому, каждый из девяти советских солдат имел автомат «ППШ». Десятый,

нёс ручной пулемёт Дегтярёва с круглым диском, крепившимся сверху.

Взяв оружие наизготовку, бойцы построились в длинную цепь и, пригибаясь, двинулись в путь. Короткими перебежками они добрались до леса. Не доходя до опушки, растянулись в высокой траве. Затаились и какое-то время внимательно вслушивались в тихий шелест листвы.

Не заметив присутствия фрицев, они ползком тронулись с места, и по-пластунски направились к зарослям. С большой осторожностью углубились в плотный подлесок. Преодолели густые кусты, растущие возле опушки, и опять осмотрелись.

Не заметив ничего подозрительного, они поднялись на ноги, и разделились на две, равные группы. Одна встала слева, другая направилась вправо от извилистой узкой дороги.

Солдаты расположились в нескольких метрах от пыльной грунтовки, так чтобы постоянно держать её в поле зрения. Затем, вытянувшись в небольшие цепочки и, стараясь шагать, как можно бесшумнее, двинулись вглубь лесного массива.

Не встретив никого на пути, отряд в полчаса преодолел расстояние, отделявшее небольшую деревню от хутора. Он вышел к густой опушке и замер в тени плотных ветвей.

Перед людьми находилась большая поляна с высокой травой. Она протянулась метров на триста в каждую сторону. На краю обширного луга рос очень мощный раскидистый дуб.

Сержант надёжно укрылся за лесным великаном. Он под-

нял к глазам армейский бинокль, который дал лейтенант, и выглянул из-за толстого дерева. Немедленно выяснилось, что предусмотрительность советских бойцов не оказалась излишней.

Три бревенчатых дома и четыре сарая, стояли близко друг к другу. Между ними мелькали каски нескольких фрицев. Их было шесть или семь человек. Глядя на знаки различия, можно было понять, это были поляки, служившие Гитлеру.

Судя по напряжённым движениям, фашисты недавно вошли в этот хутор с другой стороны. Теперь они перебегали от здания к зданию. Весьма осторожно входили внутрь каждой постройки и хорошенько осматривали все помещения. Нет ли там неприятеля?

Сержант отнял бинокль от глаз. Обернулся к солдатам и показал им условными знаками, чтобы они растянулись в длинную линию. Укрываясь за густыми кустами, все пехотинцы рассредоточились вдоль ближайших кустов. Они очень низко пригнулись к земле. Вышли на давно некошенный луг и, перебегая с места на место, устремились вперёд.

Немцы были так заняты изучением множества зданий, что не замечали бойцов, прячущихся в высокой траве.

Сержант подобрался к ближайшему дому метров на тридцать. Оглянулся на молодого ефрейтора, шедшего рядом, почти на карачках. Показал, ему чтобы он брал тех фашистов, кто окажется справа.

Прижал приклад автомата к плечу. Встал в полный рост

и дал короткую очередь по врагам, находящимся слева. С криком: – Ура! – он рванулся в атаку. Паля на ходу во всех, кого видел, командир побежал к центру хутора.

Ефрейтор поднялся вслед за сержантом. Повёл оружием в правую сторону. Увидел фигуру во вражеской форме. Нажал на крючок спускового устройства и срезал фашиста двумя-тремя пулями.

Заметил другого противника, чуть повернул «ППШ». Выстрелил снова и снова попал. Солдаты тоже вскочили на ноги. Подхватили клич командира и помчались за ним. Загрохотали ещё семь автоматов и один пулемёт.

Чья-то пуля попала в гранату, торчавшую за поясом фрица. Кусочек свинца пробил металлический корпус. Затем, прошёл оболочку из аммонала и врезался в капсулю, сидевший в середине снаряда.

Заряд мгновенно сработал. Раздался громкий хлопок. Взрывная волна врезалась немцу в живот. Разрубила его пополам и разбросала все внутренности на несколько метров вокруг.

Серые клочья кишок повисли на соседнем заборе, как трубуха от забитой скотины. Пару секунд они покачались на кольях. Свалились на землю и пропали в пыли.

Десятки осколков гранаты брызнули в разные стороны. Большая часть врезалась в тех, кто оказался поблизости. То есть, в «комрадов» погибшего немца. Другие рванулись к советским бойцам, но те находились ещё далеко. Кусочки же-

леза не добрались до цепи нападавших солдат и не смогли причинить им какой-либо вред.

Ошеломлённые внезапной атакой, фашисты не смогли устоять. Не думая об отпоре врагу, фрицы дружно рванулись к ближайшим постройкам. Отстреливаясь на полном ходу, они метнулись в густые кусты, стоявшие стеной на опушке. Пока пехотинцы домчались до хутора, все немцы скрылись в лесу.

Сколько из них было ранено, и удалось ли кого-то убить, красноармейцы, конечно, не знали, а идти в зелёные заросли, чтобы это проверить, никому не хотелось. В чаще старого леса можно спрятаться за каждым кустом и легко пристрелить человека, что бежит за тобой по пятам.

Сержант приказал трём солдатам найти укрытия возле опушки, где скрылись фашисты. Организовать охранение и держать под прицелом все подходы к селению. В первую очередь, с запада.

Всем остальным рядовым он велел заняться осмотром домов, погребов и сараев. Разбившись на двойки и тройки, они разбежались по скромному хутору, и очень внимательно осмотрели все его уголки.

Никого из людей бойцы не нашли. Видно, местные жители испугались приближения фронта. Хуторяне схватили самые ценные вещи. Погрузились в телеги и куда-то уехали.

Вместе с собою крестьяне забрали и всех домашних жи-

вотных. Вплоть до последней курицы, кота и собаки. Из питомцев нашлась лишь овца, дрожавшая от громкого шума случившейся стычки. Похоже, что в ходе бегства хозяев, она отбилась от стада. Потерялась в лесу и, ничтоже сумняшеся, вернулась в родные пенаты.

Сержант и ефрейтор осмотрели всех четырёх убитых фашистов. К пятому, что разорвало на две половины и порубило, как в мясорубке, они не захотели приблизиться. Было слишком противно трогать руками то жуткое месиво, в которое он превратился.

Все фрицы имели винтовки «Mauser», штык, в виде кинжала в кожаных ножнах, и наступательные гранаты «М-24». Плюс ко всему, противогаз в круглом тубусе, алюминиевый котелок и подсумки с патронами.

Ни ранцев с вещами, ни скатки, ни на ком не нашлось. Скорее всего, оставили где-то поблизости. Решили без груза сбегать в разведку и посмотреть, нельзя ли чего прибрать к своим жадным рукам?

Поэтому, и не взяли с собой никакого запаса съестного. В карманах лежали лишь сигареты в почти пустых мятых пачках и надкусанные плитки шоколада тёмного цвета со странным названием «Scho-ka-kola».

У прочих красноармейцев дела обстояли нисколько не лучше. Хорошенько обшарив пустые постройки, солдаты не смогли отыскать в них ни крошки съестного. То ли хозяева

увезли всё с собой? То ли надёжно укрыли в соседнем лесу? Скорее всего, схрон, был где-то рядом, но пойдя, отыщи его в этой чащобе.

Лазать по зарослям, где скрылись фашисты, никто не хотел. Поэтому, взоры голодных солдат обратились на дрожащую от испуга овцу. Какой-то боец вынул штык из ножен фашиста.

Взял животинку за мохнатую холку и, почти без усилия, вытащили из сарая во двор. Ловко подсёк ей передние ноги. Прижал её сверху правым коленом и крепко припечатал к земле. Задрал левой рукой кудлатую голову. Поднёс кинжал под нижнюю челюсть скотинки и провёл острым остриём по напряжённому горлу.

Алая кровь ударила толстой струёй. Смешалась с пылью в тёмную грязь и застыла маленькой лужицей. Жалобный крик сменился прерывистым хрипом. Он быстро стих. Отчаянное биение сердца навсегда прекратилось.

Подошёл ещё один бывалый солдат. Бойцы взяли животное за задние ноги. Подняли его над землёй и при помощи тонкой верёвки повесили на перекладину сарайных ворот.

Действуя в два острых ножа, старики сделали несколько надрезов в нужных местах. Вместе взялись за кожу. Рывком дёрнули вниз и стянули мохнатую шкуру, словно длинный чулок.

Затем, сняли обнажённую тушу с места разделки. Положили её на чурбак, на котором хозяева кололи дрова. Нашли

топор возле поленницы и разрубили овцу на куски.

Тем временем, остальные солдаты не стояли без дела. Одни развели рядом костёр. Другие принесли из сарая глубокий котёл и обмыли пыльную ёмкость свежей водой из колодца.

Третьи положили баранину в глубокий казан. Налили его до самого верха и поставили на яркий огонь. Все стали с вождением ждать, когда сварится свежее мясо?

Едва жидкость начала закипать, как прибежали трое дозорных. Они сообщили, что из леса появился десяток фашистов с винтовками. Не успели красноармейцы занять оборону, как слева по ним ударили «шмайсеры».

Поняв, что отделение оказалось под перекрёстным огнём, сержант дал приказ: – Отходим в сторону, откуда пришли!

Прячась за стенами домов и сараев, бойцы добрались до опушки, и укрылись за стволами деревьев. Не видя противника в плотных кустах, немцы тотчас прекратили огонь, но и в чащу они не полезли. Никто не хотел нарываться на пулю.

Фашисты рассредоточились по всему хуторку. Наученные недавним сражением, они двигались, низко нагнувшись, так, чтобы случайно не попасться врагу на прицел.

Оказавшись в подлеске, сержант стал говорить только шёпотом, и приказал провести переключку. Каждый назвал имя с фамилией и сообщил о своём состоянии. Выяснилось, что двух человек слегка зацепило. Одного в левую руку, второго

в бедро правой ноги.

Лежавшие рядом, соседи порылись в карманах и своих вещмешках. Нашли пару свёртков чистых бинтов. Сорвали с них упаковки из плотной бумаги и помогли бойцам с перевязкой. Те быстро пришли в себя от пулевых попаданий и заявили, что могут стрелять.

Сержант вдруг подумал о том, что не исполнил приказ командира и не выбил фашистов из хутора. Кроме того, нельзя оставлять подлым фрицам котёл с кипящей бараниной.

Потери у них небольшие. Те кого ранили, будут стрелять из кустов. Так что, можно отбить у врага варёное мясо. Он окликнул одного из бойцов и отправил к лейтенанту в деревню. Мол, пусть взводный даст солдат на подмогу.

Минут через сорок, пришло одно отделение, посланное к ним офицером. К этому времени, мясо в котле хорошенько прогрелось и принялось исходить упоительным запахом. Над лесом поплыл такой аромат, что у советских бойцов заурчало в желудках.

Красноармейцы растянулись в кустах длинной дугой. На обоих краях разместили по пулемёту. Открыли ураганный огонь из «ППШ» и двух «дегтярей» и с громкими криками дружно рванулись вперёд.

Заметив, что к ним устремилось около двадцати человек, десяток фашистов немедленно бросились к лесу, и мгновенно растворились в кустах.

Без всяких потерь красноармейцы повторно заняли маленький хутор. По приказу сержанта, бойцы установили охрану и сразу помчались к площадке, на которой варилась баранина.

Тот, кто хоть раз готовил еду на костре, доподлинно знает, что открытый огонь работает, не так эффективно, как нормальная печь. Много тепла рассеивается в разные стороны. Крупный котёл нагревается удивительно медленно. Поэтому, мясо пока не сварилось. Нужно было ещё подождать.

Однако, солдаты опять не смогли попробовать горячую пищу. С немецкого запада послышался рёв мощного дизеля. Следом за этим, затрещали кусты и деревья.

На поляну влетел полугусеничный бронетранспортёр с тевтонским крестом, черневшим на серой броне. Сверху стоял станковый пулемёт «MG 42». Следом за угловатой машиной бежали тридцать фашистов с винтовками наперевес.

Красноармейцы не стали сражаться с превосходящими силами фрицев. Они схватили манатки и откатились к опушке. Вернулись в густой лиственный лес, и укрылись в нём так, чтобы их не достали немецкие пули. Укрывшись в кустах, перевязали двух раненых однополчан и послали связного в расположение взвода, за помощью.

Через какое-то время, из деревни примчалось ещё шесть пехотинцев. Причём, они находились верхом на броне «тридцатьчетвёрки». Танк с ходу влетел на большую поляну

и немедленно выстрелил из длинной башенной пушки.

Снаряд попал борт в «ганомага». Двигательный отсек транспортёра немедленно вспыхнул. Машина тотчас превратилась в огромную кучу пылающей стали. Клубы чёрного дыма широким столбом поднялись к вершинам деревьев.

Советский танк пальнул ещё несколько раз. Большая часть из фашистов была убита шрапнелью. Вместе с ними погиб и весь хуторок. Жилые дома раскатились по брёвнышку. Хлева и сарай разлетелись на доски и щепки.

Минуту спустя, на месте построек остались только развалины. Среди дымящихся куч виднелись тела неподвижных врагов.

Пехотинцы закричали: – Ура!

Они дружно выскочили из ближайших кустов и рванулись в атаку. Не встретив сопротивления фашистов, рассыпались по хуторку и добились оглушённых противников. На этом бой и закончился.

Солдаты, приехавшие на прочной броне, увидели вооружённых солдат. Они слегка напряглись, но заметив, как воины расправились с фрицами, с облегчением поняли, это свои.

Покончив с фашистами, бойцы стали искать котёл с варёной бараниной. Несмотря на все их усилия, солдаты ничего не нашли. Скорее всего, один из снарядов угодил точно в костёр и разметал всю еду по ближайшим окрестностям.

Военный строитель

Военная проза. Рассказ «Военный строитель»

Издан под псевдоним Елена Владимировна Хорват в сборнике-альманахе «Параллели» 2020/7 стр.274...275

Вся жизнь моего любимого дедушки была, так или иначе, связана с речкой Самарой и со всеми словами, произошедшими от такого непростого топонима. Николай Степанович Хорват родился в 1920 году, в городе, названном в честь большого притока матушки-Волги.

Долгое время, он жил неподалеку от маленькой площади, которая именовалась Самарской. В семнадцать лет, он окончил 81-ю среднюю школу, выходящую окнами на её территорию.

Кстати сказать, фотография дедушки долгое время висела в вестибюле учебного учреждения. Она красовалась на историческом стенде, посвященном ученикам первого выпуска.

Данный район является тёзкою города с древних времён. Однако, в начале двадцатого века он находился на весьма отдалённой окраиной. Там размещался большой продовольственный рынок. На нём торговали всяким товаром. В том числе, предлагали двугорбых верблюдов и осликов. В начале двадцатого века их было очень много в Поволжье.

После выхода из пионерского возраста, Николай стал активным молодым комсомольцем. Окончив десятилетку, он пошёл в райком ВЛКСМ, получил там путёвку на ударную стройку и отлично трудился на возведении Куйбышевского карбюраторного завода.

Парню очень понравилась столь интересная сфера человеческой деятельности. Он решил стать прорабом и начал готовиться к поступлению в строительный техникум.

В 1939 году его призвали на войну с Финской республикой. Во время одной из атак, бомба противника взорвалась рядом с молодым рядовым. Туча осколков взвилась в зимний воздух. Горячий кусочек металла вонзился ему в правую ногу.

Получив тяжёлую рану, парень попал медсанбат. Откуда его отправили в госпиталь, расположенный в ближнем тылу. Там бойцу сделали несколько непростых операций. К счастью Николая Степановича, он поправился почти без последствий. А пока он лечился, «компания» благополучно закончилась.

Вернувшись на родину, Николай Степанович узнал, что из Казани в Самару перебазировано пехотное училище № 1. Его разместили неподалеку от города, в тихом уютном местечке. До сих пор оно всем известно, как посёлок Управленческий.

Николай Степанович немного подумал и изменил свои взгляды на дальнейшую жизнь. Он поступил в военное учеб-

ное заведение и успешно окончил его в конце мая 1941-го года.

Весь выпуск молодых лейтенантов, немедля, направили в западные округа нашей державы. Так уж случилось, что парень задержался в Самаре по семейным делам.

У него вдруг заболела престарелая мама. Врачи заявили, что ей, на какое-то время, нужен особый уход. Для этого руководство училища дало офицеру месячный отпуск.

Двадцать второго июня, началась Великая Отечественная война. Она огненным вихрем ворвалась в судьбы людей, живущих в нашей огромной стране. Кровавый молох Второй мировой перевалил рубеж СССР и, давя всё железной пятой, пошёл на восток.

В один миг разрушились мирные планы советских людей. Все оказались перед ужасающим выбором – защитить любимую Родину, или превратиться в раба фашистской Германии?

Как все остальные мужчины, Николай Степанович получил повестку в первые дни немецкой агрессии. Он отправился в военкомат и узнал, что отпуск закончился. Его, так же, как миллионы людей, мобилизуют в Рабоче-крестьянскую Красную Армию.

К удивлению парня, его, почему-то, направили в не строевые военные части, идущие прямо на запад. Нет, ему сообщили о том, что он должен прибыть в специальное подраз-

деление. Название данной конторы состояло из нескольких букв и цифр.

Офицер простился с родными, собрал тощий солдатский мешок и поехал туда, куда получил назначение. Лейтенант прибыл в небольшой городок, находившийся во втором эшелоне одного из фронтов, и нашёл нужное место. Там он узнал, что увлечение его ранней юности не прошло совершенно бесследно. Оно вдруг сыграло огромную роль в настоящей судьбе.

Николай Степанович попал в строительный батальон РК-КА. Офицер получил в управление взвод тщедушных солдат, и стал работать по гражданской специальности. Вот только объекты, которые он теперь возводил, были только военного профиля.

Сначала, они строили доты и прочие фортификационные укрепления. К сожалению сапёров, у них не хватало сил и ресурсов на то, чтоб довести всё до ума. Фронт быстро двигался вглубь нашей страны. Фашисты рвались вперёд, и военная часть отступала, не успев закончить работу.

Их бомбили пикировщики фрицев и постоянно обстреливали из дальнобойных орудий. Снаряды и бомбы разрушали и корёжили здания, совершенно готовые к защите страны. Приходилось вручную растаскивать завалы камней, чтобы потом, начинать всё сначала.

Во время одного из налётов, лейтенанта ранило в руку. Офицер снова лечился и снова был призван на службу. В

этот раз, он оказался в другой строительной части и стал возводить аэродромы, предназначенные для грозных воздушных машин.

В 43-м году, в Великой битве с фашистской Германией наступил перелом. Красная Армия била захватчиков всё сильнее и сильнее. Гитлеровцы весьма неохотно отступали к своим рубежам. Они оставляли оккупированные территории одну за другой.

Советские лётчики двигались вслед за линией фронта. Впереди шли сапёры военных частей. Им было нужно найти подходящую площадь нужных размеров, очистить и выровнять землю для взлётных полос. Затем, соорудить капониры для боевых самолетов и построить жильё для сталинских соколов.

Несмотря на бомбёжки и снаряды фашистских орудий, всё делалось так быстро и качественно, насколько это возможно.

Весной 44-го года, военная часть Николая Степановича, оказалась в советском Крыму, освобождённом от проклятых захватчиков. С наступлением лета, бои на полуострове кончились. Приходилось восстанавливать здания, разбитые фрицами. Сапёры занялись мирным строительством. Они ездили по спокойным городам и посёлкам, но трудились так же упорно, как раньше.

Во всех местах, где появлялся стройбат, офицеры работа-

ли с местным начальством. Оказавшись в посёлке Саки, Николай Степанович отправился в райисполком. Там он спросил у дежурного: – Где мне найти юриста по такому-то делу?

Ему указали на небольшой кабинет. Он открыл дощатую дверь, увидел красивую девушку и понял, что она забрала его сердце на долгие годы вперёд. Так мой будущий дедушка встретился с моей будущей бабушкой, Еленой Александровной Романовой.

Они познакомились ближе. Строитель начал ухаживать за своей золотоволосой любовью. Немедленно выяснилось, что у него есть соперник – армейский полковник среднего возраста.

Однако, весёлый нрав, обаяние и заботливость молодого мужчины решили все остальные проблемы. Девушка не смогла устоять перед лихим офицером, и дала своё согласие на брак. Она вышла замуж за Николая Степановича и стала носить его фамилию – Хорват.

Несколько лет молодые супруги жили в дощатых армейских вагончиках. Они мыкались по глухим гарнизонам и продолжали строить всё то, что им прикажет советская Родина.

В конце пятидесятых годов, супруги с сыном оказались в Самаре. Николай Степанович осмотрелся на месте, немного подумал, он решил, что нужно осесть в родном городе. Он написал рапорт начальству, получил одобренье комдива

и вышел в отставку в чине полковника.

За военные годы, дедушка был награждён двумя орденами «Красной звезды», орденом «Отечественной войны» и медалью «За победу над фашистской Германией».

Дедушка так и продолжил работать строителем. С течением времени, он стал начальником крупного треста. Получил квартиру от советской страны и переехал на Самарскую площадь. Туда, где когда-то родился, учился и провёл невероятно счастливые юные годы.

В мирные дни, он был награждён ещё несколькими трудовыми медалями и почётными знаками. В положенный срок, дедушка вышел на пенсию. Он дожил до преклонного возраста и, в семьдесят лет, умер от старости. Это произошло в 1990-м году.

Сталинградский паромщик

Военная проза. Рассказ «Сталинградский паромщик»

Издан в сборнике-альманахе «Параллели» 2020/7
стр.276...278

Доски чердака над сараем оказались достаточно тонкими, а щели меж ними чрезмерно большими. Лёжа на сеновале, Яков слышал всё то, о чём очень говорила хозяйка двора. Она уже завершила рассказ о себе и перешла к своему старшему сыну – Николаю Езушину.

Сначала она сообщила те вещи, о которых зенитчик всё знал из газет и ежедневных сводок по радио. О том, что в начале Великой Отечественной войны, Правительство СССР объявило всеобщую мобилизацию и в армию быстро призвали миллионы людей.

Все заводы, фабрики и даже маленькие мех.мастерские перешли на круглосуточный график работы. Они, в огромных количествах, выпускали продукцию, что немедленно шла в Красную армию.

Фашисты неудержимо рвались вперёд. Поэтому, людей и оружие нужно было доставить к местам сражений в кратчайшие сроки. Наша страна раскинулась в разные стороны на многие тысячи вёрст. Так что, нельзя обойтись без больших

перевозок.

Главную часть всей нагрузки взяла на себя весьма разветвлённая железнодорожная сеть СССР. Следом за ней, по объёмам, шёл водный транспорт страны.

Благодаря таким обстоятельствам, ни путейцев, ни речников с моряками не брали на битву с врагом. Для них, как и для всех советских людей, глубокий тыл стал той же линией фронта.

Потом пошли уже факты из биографии сына: – Николай родился в Царицыне незадолго до Германской войны, в далёком 1912-м. Шло время, наступил 1917-й, а в свой черёд, 1925-й.

Местные власти решили, что не стоит крупному населённому пункту носить старое имя. Зачем напоминать местным жителям о жутком прошлом Советской России. Так старинный купеческий город назвали в честь вождя мировой революции Иосифа Сталина. И стал он с тех пор Сталинградом.

Николай мало чем отличался от прочих ребят. Быстро рос и умнел. Окончил, как все, семилетнюю школу, и поступил в парходство на должность матроса. Он постоянно учился всему, что только возможно. Всегда был на очень хорошем счету. Постепенно, дорос до капитана грузового баркаса под названием «Ерик».

По описанию хозяйки, это был совсем небольшой теплоход с одной плоской палубой. Посреди открытой площадки торчала тесная рубка размерами два на два метра, и высо-

тою чуть более, чем в рост человека. Ширина перевозчика составляла семь-восемь шагов, а длина втрое больше, и достигала пятнадцати метров.

Вдоль низких бортов тянулись низкие лавки, для тридцати пассажиров. Между ними ставились ящики с грузом, которые нужно доставить по волжской воде. Экипаж очень маленький и состоял из четырёх человек: капитана, механика, помощника и, конечно, матроса.

До 1942-го года Николай жил в районе бывших «Балкан», расположенном в северной части города Сталина. Это рядом со зданием очень внушительной мельницы, построенной поволжским немцем Александром Гергардтом. После революции, у капиталиста её отобрали, а ближе к тридцатым годам, назвали в честь революционера Константина Грудинина.

– Вы может быть, даже не знаете, – сказала дальше старушка: – но супротив Сталинграда всегда находилось несколько крупных посёлков: Верхняя, Средняя и Нижняя Ахтуба. Плюс ещё целый десяток небольших деревень.

Многие люди жили здесь постоянно, а работали на той стороне, на огромных заводах. Всех нужно было возить через Волгу. Вот и гоняли баркасы в качестве обычных паромов.

Как только фашисты вышли к окраинам города, они стали бомбить все кварталы. Центральные районы были сильно разрушены в течение суток. Те, кто не погиб при обстрелах,

бросили всё, что у них там имелось, и перебрались на левую сторону.

Николай вместе с семьёй переехал ко мне. Живёт теперь здесь, а ходит каждый день на войну, как к себе на работу. Вернее сказать, он постоянно на фронте и лишь иногда, на пару часов, вырывается к престарелым родителям.

Ведь кроме своих стариков, ему нужно проведать семью и передать им продукты, которые выдают в пароходстве. Очень часто машины с провизией гибнут в пути. Пайки не доходят до речников и они вместе с семьями остаются с пустыми кастрюлями.

Все мы уже целый месяц питаемся впроголодь, чем только придётся. Собираем зерно, что выносит водой из потопленной баржи. Оно наполовину с песком и, как его только не мой, всё равно хрустит на зубах.

В основном едим рыбу, оглушенную частыми взрывами. Но для того, чтобы её подобрать, нужно топать к реке, а там сейчас сущий ад, пришедший из преисподней на землю.

По правде сказать, – продолжала старушка: – здесь ненамного спокойнее, чем на самой переправе. Оба берега Волги каждый день подвергаются авиационным налётам и артиллерийским обстрелам.

Дома в нашем посёлке горят один за другим. Скоро и до моего небольшого двора дойдёт своя очередь. Придётся вырыть землянку, как сделали все погорельцы и жить в тёмной норе, словно слепые кроты. Если, конечно, уцелеем при

взрыве?

Фашисты желают стереть город Сталина с лица земли и бомбят его круглые сутки. Лишь иногда выдаются минуты такие же тихие, как, к примеру, сейчас. Я думаю, это всё объясняется не добротой наших врагов.

Скорее всего, пушкари и лётчики фрицев далеко не железные. Наверняка, они тоже сильно устали. Нужно всем отдохнуть, а заодно, почистить орудия, залить бензин в самолёты и заправить их бомбами.

Женщина вдруг замолчала на короткое время. Тяжко вздохнула и тихо продолжила: – По словам Николая, после двадцать третьего августа, всё в городе было разрушено. По всей округе уже не осталось ни одного не разбитого многоэтажного дома.

Уцелело лишь несколько зданий, построенных в центральных районах. Однако, они пострадали так сильно, что там торчат одни обгоревшие остовы. Мельница тоже, пока что на месте. Она возвышается над полем развалин, как большой памятник людскому безумию.

Двор, где долгие годы жил Николай, находился недалеко от берега Волги. Здание мельницы стоит между ним и фашистами. Оно защищает хибарку от артиллерийских обстрелов и принимает удар на себя. Благодаря этой странной случайности, стены частного дома всё ещё пребывают в сохранности.

Каждый день, по несколько раз, Николай плывёт через широкую реку. Он прорывается сквозь плотный фашистский огонь и с тревогой смотрит туда, где провёл свою молодость.

Смотрит сквозь дым и пыль от разрывов и горестно думает: – «Как там мой маленький дом? Надеюсь, в порядке?» – увидев, что здание ещё не разрушено, он облэгчённо вздыхает: – «Жив, пока что курилка! Значит, и мы ещё повоюем!» – говорит он себе и направляет баркас к пристани шестьдесят второй переправы.

– А по каким часам ходит паром? – спросил вдруг майор.

– Все работают круглые сутки. Причём, в двух направлениях. – сообщила старушка: – Используют любые суда, какие могут найти – рыбацьи лодки, баркасы и баржи.

Непрерывным потоком везут в Сталинград регулярные части и снаряжение для них. Назад доставляют увечных бойцов и тех местных жителей, что ещё не успели уехать из города.

Круглые сутки над переправой летают самолёты фашистов. Они стреляют из пулемётов по всем судам без разбору. Совершенно не смотрят на то, кто сидит на маленьких палубах. Здоровые там солдаты с оружием, или же бабы с детьми, да старики со старухами.

В первую очередь, фрицы охотятся за крупными баржами, на которых везут в Сталинград боеприпасы, горючее, тяжёлую технику и сотни людей. Но, кроме них через реку плы-

вёт много баркасов, катеров и вёсельных лодок.

К счастью, у фрицев нет столько сил, чтобы разбить каждое плавучее средство, что идёт по воде. Поэтому, небольшие судёнышки чаще проскакивают сквозь завесу огня.

В течение первой недели, Николай сделал множество ходок через широкую Волгу. Он был под постоянным обстрелом, но ему чрезвычайно везло. Вокруг гибли солдаты, плывшие в Сталинград, или бедные беженцы, желавшие выйти из зоны боёв. Бомбы падали рядом с его теплоходом. Осколки косили людей, стоящих на палубе, в том числе, и членов его скромной команды.

Как рассказал сослуживец моего Николая – вздохнула старушка: – три дня назад, «Ерик» шёл к правому берегу. В который раз, он вёз осаждённым бойцам ящики с большими снарядами.

В облаках появился бомбардировщик фашистов. «Лапотник» завалился на бок и устремился к воде. От крыла отделилась тяжёлая бомба. Мелькнула стремительной тенью и упала возле правого борта.

Раздался оглушительный взрыв. К небу поднялся фонтан горячего пара. Горячие осколки железа полетели в разные стороны. Часть из них, врезалась в штабель из ящиков. Несколько штук перерубили верёвки, которыми его крепко связали.

Все члены экипажа были заняты делом. Моторист и помощник возились с чихающим дизелем. Матрос находился

на крыше маленькой рубки и всё время стрелял из пулемёта по самолётам нацистов.

Тогда Николай закрепил капитанский штурвал, чтобы корабль не сошёл с нужного курса. Выскочил из надстройки на палубу и быстро связал перебитые тросы.

Рядом с баркасом раздался другой громкий взрыв. Туча осколков яростно свистнула в воздухе. Пара из них тут же попала в моего родного сыночка. Они сбили Коленьку с ног, и швырнули болезного в реку. Хорошо, что матрос разглядел, как его командир оказался в воде. Он спрыгнул с рубки и вызвал из трюма обоих механиков.

Не обращая внимания на тысячи пуль, падавших с неба, они повернули корабль назад и, вытащили Николая на палубу. Затем, снова направили «Ерик» к правому берегу. Порвали тельняшки на длинные полосы и, как смогли, завязали глубокие раны товарища.

Причалив к узкому пляжу, мотористы с матросом взялись разгружать привезённые грузы. К ним пришли на помощь солдаты. Один командир заметил свежую кровь, испятнавшую доски.

Он сразу спросил, что случилось в пути? Ему объяснили, что если бы их капитан не закрыл своим телом те ящики, то снаряды наверняка взорвались. Тогда, от судёнышка ничего не осталось.

Раненого в грудь Николая отвезли к левому берегу, где положили в воинский госпиталь. Сегодня днём приезжал со-

служивец сыночка. Сказал, что он идёт на поправку и, в ближайшее время, вернётся на судно.

Ещё он сказал, что об этом удивительном случае узнали в речном пароходстве. Начальство решило отметить героический подвиг Николай Ивановича и представило его к боевому советскому ордену «Красной звезды».

–28.08.2023